

ISSN 1992–7940

ФИЛОЛОГИЯ И ЧЕЛОВЕК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

№ 4

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2021

Учредители

Алтайский государственный университет
Горно-Алтайский государственный университет

Редакционный совет

А. А. Чувакин, д.ф.н., проф. — председатель (Барнаул), О. В. Александрова, д.ф.н., проф. (Москва), К. В. Анисимов, д.ф.н., проф. (Красноярск), Е. Н. Басовская, д.ф.н., проф. (Москва), В. В. Красных, д.ф.н., проф. (Москва), Л. О. Бутакова, д.ф.н., проф. (Омск), Т. Д. Венедиктова, д.ф.н., проф. (Москва), О. М. Гончарова, д.ф.н., проф. (Санкт-Петербург), Т. М. Григорьева, д.ф.н., проф. (Красноярск), Е. Г. Елина, д.ф.н., проф. (Саратов), Е. Ю. Иванова, д.ф.н., проф. (Санкт-Петербург), Ю. Левинг, PhD, проф. (Канада, Галифакс), О. Т. Молчанова, д.ф.н., проф. (Польша, Щецин), М. Ю. Сидорова, д.ф.н., проф. (Москва), И. В. Силантьев, д.ф.н., проф. (Новосибирск), К. Б. Уразаева, д.ф.н., проф. (Казахстан, Астана), И. Ф. Уханова, д.ф.н., проф. (Белоруссия, Минск), Э. Хоффман, Dr. Philol, доц. (Австрия, Вена), А. П. Чудинов, д.ф.н., проф. (Екатеринбург).

Главный редактор

Т. В. Чернышова

Редакционная коллегия

П. В. Алексеев (зам. главного редактора по литературоведению и фольклористике), Л. А. Козлова (зам. главного редактора по лингвистике), М. П. Гребнева, В. В. Десятов, В. Н. Карпухина, И. Ю. Колесов, Г. В. Кукуева, А. И. Куляпин, Е. В. Лукашевич, В. Д. Мансурова, С. А. Осокина, Ю. В. Трубникова, Л. Н. Тыбыкова, М. Г. Шкуропацкая

Секретариат

С. В. Доронина, М. П. Чочкина

Адрес редакции: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66;
Алтайский государственный университет, институт массовых коммуникаций,
филологии и политологии, оф. 405а.

Тел.: 8 (3852) 296617. E-mail: sovet01@filo.asu.ru

Адрес на сайте АлтГУ: http://www.fmc.asu.ru/philo_journal/

Адрес в системе РИНЦ: https://www.elibrary.ru/title_about_new.asp?id=25826

Адрес в Open Journal System: <http://journal.asu.ru/pm/index>

ISSN 1992–7940

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

- Л.В. Попова.** Этнолингвокультурная специфика русского концепта «суд»: на материале пословиц..... 7
- Н.В. Мельник, М.А. Силкова.** Легитимирующие стратегии в видеообращениях региональных политиков России и Германии в период первого локдауна COVID-19 19
- Л.В. Надеина, Е.В. Швагрукова, Д.А. Терре.** Образная интерпретация колебательного и разнонаправленного движения в диалекте английского языка Scots..... 35
- С.В. Харитоновна.** Медиа для детей: терминологические рамки и парадигмы исследования..... 49
- Т.В. Солодовникова.** Генезис рекламной коммуникации в Республике Беларусь: онтологический статус 63
- С.С. Жданов.** Репрезентация пространства Германии в «Путешествии» В.К. Кюхельбекера 79
- А.А. Кухтенкова.** Формы исповедальности в рассказе Г.И. Газданова «Третья жизнь»..... 93
- А.Т. Бактыбаева.** Специфика воплощения улыбки, смеха, насмешки в творчестве Б. Канапьянова..... 104

Научные сообщения

- З.Т. Шарафутдинова.** Репрезентация понятия «упрямство» в башкирском языке..... 113
- В.В. Катермина, Е.А. Яченко.** Семантический анализ хештега #blacklivesmatter 120

А.А. Орешкина. К чему ведёт название радиопрограммы? К вопросу о коммуникативной функции названия	129
Е.А. Манскова. Проблемы трансформации медиастратегий российских региональных телекомпаний в условиях кризиса традиционных СМИ.....	140
М.П. Гребнева. О роли скрытых эквивалентов текста в редакциях поэмы М.Ю. Лермонтова «Демон»	148
Е.В. Вранчан. «Гоголевское» в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева»	158
М.С. Дедина. Структура и семантика ранней лирики Димана Белекова.....	166
Г.И. Лушникова, Т.Ю. Осадчая. Реализация категории фрагментарности в романе Роберта Гэлбрейта «Дурная кровь»	179

Люди. Факты. События

Т.А. Семилет. Психология написания текста: истины и заблуждения (рец. на кн.: Пельтек Е. Пишите — не пишите: Психологическое руководство для авторов по работе с текстом и собой. М. : Альпина Паблишер, 2021)	189
Резюме	194
Наши авторы	214

CONTENTS

Articles

- L.V. Popova.** Ethnolinguocultural Specifics of the Russian Concept “Court”: Based on Proverbs..... 7
- N.V. Melnik, M.A. Silkova.** Legitimizing Strategies in Video Messages of Regional Politicians of Russia and Germany during the First Lockdown of COVID-19 19
- L.V. Nadeina, E.V. Shvagruckova, D.A. Terre.** Figurative Interpretation of Oscillatory and Multidirectional Movement in the Scottish English 35
- S.V. Kharitonova.** Media for children: terminological frameworks and research paradigms..... 49
- T.V. Solodovnikova.** The Genesis of Advertising Communication in the Republic of Belarus: The Ontological Status..... 63
- S.S. Zhdanov.** Representation of the Space of Germany in “Journey” by W.K. Küchelbecker 79
- A.A. Kukhtenkova.** The forms of confession in Gaito Gazdanov’s short story «The Third Life» 93
- A.T. Baktybaeva.** The specifics of the embodiment of a smile, laughter, mocker in creativity B. Kanapyanova 104

Scientific reports

- Z.T. Sharafutdinova.** Representation of the concept of ‘stubbornness’ in the Bashkir language 113
- V.V. Katermina, E.A. Yachenko.** The semantic analysis of the hashtag #blacklivesmatter 120

A.A. Oreshkina. What does the title of the radio program lead to? On the question of the communicative function of the title	129
E.A. Manskova. The Problems of Media Strategy Transformation of Russian Regional Television Broadcasting Companies in the Context of the Crisis of Traditional Medi	140
M.P. Grebneva. About the Role of the Hidden Text Equivalents in the Editions of the Poem “The Demon” by Mikhail Lermontov	148
E.V. Vranchan. Gogolesque in the novel “The Life of Arseniev” by Ivan Bunin.....	158
M.S. Dedina. The structure and semantics of Diman Belekov’s early lyrics	166
G.I. Lushnikova, T.Yu. Osadchaya. Text Fragmentation in the novel “Troubled Blood” by Robert Galbraith	179

Reviews

T.A. Semilet. Psychology of text writing: truths and delusions (review of E. Peltek’s book «Write - Don’t Write: A Psychological Guide for Authors on Working with Text and Yourself». M.: Alpina Publisher, 2021)	189
Summary	194
Our authors	214

СТАТЬИ

ЭТНОЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА РУССКОГО КОНЦЕПТА «СУД»: НА МАТЕРИАЛЕ ПОСЛОВИЦ

Л.В. Попова

Ключевые слова: концепт «суд», макроконцепт «правда — справедливость», пословицы, этнокультурный концепт, русское обыденное лингвосознание.

Keywords: concept «court», macro concept «truth — justice», proverbs, ethno-cultural concept, Russian ordinary language consciousness.

DOI 10.14258/filichel(2021)4-01

Введение

Концепт «суд» играет ведущую роль в юридическом сегменте национальной языковой картины мира. В лингвокультурологии с учетом специфики национальной ментальности образ суда обычно рассматривается как антиконцепт, получающий негативную оценку вследствие несоответствия судебной реальности ожидаемым со стороны обыденного правосознания принципам и результатам деятельности судебной системы. Так, Н.Д. Арутюнова констатирует в современном русском языке, в отличие от древнерусского периода, разрыв смысловых связей человеческого (мирского) суда и правды [Арутюнова, 1999, с. 565]. Аналогичное противопоставление С.Г. Воркачев отмечает в русской паремиологии: правосудие, формальное право (негативная оценка) — суд совести, правда-справедливость (позитивная оценка) [Воркачев, 2009, с. 15–16]; эта точка зрения поддерживается другими лингвистами (например, [Глазкова, 2017]).

Сопоставительное исследование наименований лиц по профессии в рамках концепта (фрейма) «суд» выполнено на материале паремий немецкого и русского языков, в результате которого сделан вывод о преобладании нейтрального восприятия суда в немецком языковом сознании и негативных коннотаций суда в русском языковом сознании [Кузнецова, 2013], однако углубленный семантический, лингвокогнитивный и лингвокультурный анализ русских пословиц не является целью данной работы.

Сосредоточенность лингвокультурного анализа на традиционной негативной интерпретации русского концепта «суд» не позволяет рассмотреть соотношение негативных и положительных оценок суда. Предлагаемое исследование корпуса пословиц судебной тематики направлено на дополнение и уточнение указанных сведений о концепте «суд». Цель данной статьи состоит, во-первых, в анализе ценностной (аксиологической) составляющей концепта «суд», во-вторых, в сопоставлении концепта «суд» с этнокультурными морально-этическими концептами, что позволяет выполнить реконструкцию эталона правосудия в обыденном правосознании.

Материалом данного исследования послужил корпус пословиц судебной тематики (102 пословицы) из классических изданий XIX–XX вв. (Даль, 2002; 1879; 1903; И.М. Снегирев, 1848; Избранные пословицы, 1957). С помощью семантической классификации пословиц, валентностного и дефиниционно-компонентного анализа, лингвокогнитивной и лингвокультурной интерпретации номинативных средств концепта «суд» были выявлены способы оценочной вербализации концепта «суд», а на их основе — национальные особенности восприятия суда обыденным правосознанием.

Результаты исследования

В теории права правосознание определяется как «совокупность взглядов, идей, представлений, а также чувств, эмоций, переживаний, выражающих отношение людей к действующему или желаемому (допустимому) праву и другим правовым явлениям» [Матузов, 2020, с. 237]. Правосознание выражает оценку права с точки зрения его (не)совершенства, (не)справедливости. Объектами правосознания являются законы, законность, правопорядок, правотворчество, правосудие, акты правосудия [Матузов, 2020, с. 238]. Обыденное правосознание, в отличие от профессионального и научного, представляет первичный уровень правосознания: «...знания субъекта о праве формируются под влиянием повседневной жизни и деятельности, общения с окружающими, получаемой по различным каналам информации» [Матузов, 2020, с. 243].

Правосознание находит выражение в языковом сознании, или лингвосознании. Под языковым сознанием понимается совокупность образов сознания, которые формируются и овнешняются при помощи языковых средств — слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей [Тарасов, 2000, с. 26]. Языковое сознание считается частью когнитивного сознания [Попова, Стернин, 2007, с. 32–34]. В современной лингвистике укрепляется фор-

ма термина «лингвосознание» при выявлении особенностей восприятия мира носителями языка на материале как устной, так и письменной речи (текстов) [Брысина, 2020]. Разграничивается обыденное и профессиональное языковое сознание [Антонова, 2010; Осипова, 2011]. Традиционным стало изучение этнокультурной специфики языкового сознания [Этнокультурная специфика..., 2003]. Разработаны принципы исследования языковой ментальности, или языкового менталитета [Почепцов, 1990; Колесов, Пименова, 2011; Радбиль, 2010] — национально-специфического комплекса знаний о мире (концептов, ценностей и моделей поведения), воплощенных в системе национального языка.

Культурные концепты (константы, доминанты) — ментальные образования, экзистенциально значимые для лингвокультурного сообщества, содержащие типизируемые фрагменты человеческого опыта и фиксирующие своеобразие соответствующей культуры [Зализняк, 2012; Карасик, 2009; Колесов, Пименова, 2011; Лингвокультурный концепт..., 2007; Маслова, 2001; Радбиль, 2010; Степанов, 2001]. При наличии различных классификаций концептов важными в данной работе представляются две группы: социальные (в частности, «суд», «закон») и морально-этические («правда», «справедливость», «добро» и др.). Культурные концепты включают образно-перцептивные, понятийные, ценностные (аксиологические) компоненты, причем последние обладают особой значимостью [Карасик, 2009]. Как известно, правовые концепты, помимо универсальных понятийных признаков, имеют этноспецифичные признаки — образно-перцептивные, ценностные, как, например, «закон» в русской языковой ментальности [Степанов, 2001].

Культурные концепты проявляются в языке и речи, различные компоненты и продукты которых могут быть исследованы для описания, интерпретации этих концептов и языковой ментальности в целом. Прежде всего культурные концепты выражаются в ключевых словах, прецедентных выражениях и суждениях ценностной направленности — фразеологии, паремиологии. В лингвокультурной концептологии выявляются регулярно выражаемые культурные смыслы, актуализированные содержательные признаки концептов. Для этого необходимо интерпретировать значения конструкций, объективирующих особенности концептов.

Ценностное содержание русского концепта «суд» в обыденном лингвосознании выявлено на материале пословиц судебной тематики. Рассмотрено номинативное поле концепта «суд»: паремийные сочетания со словами — репрезентантами концепта: *суд, судиться, тяжба, закон, судья*. Используются валентностный и дефиниционно-компонентный анализ номинативных средств концепта «суд».

В результате семантической классификации пословиц выявлено три смысловые группы пословиц, демонстрирующие неоднозначность восприятия суда обыденным правосознанием.

В пословицах первой группы (14,7 %) констатируется необходимость суда для объективного установления причин нарушения правопорядка, определения (не)виновности субъектов, восстановления правопорядка и справедливости, например: *Суда не бойся! Суд не на укуру, на расправу; Суд не на осуд, а на разсуд; Без суда не казнят; Правый суд не остуда (т.е. не сетуй на него); Суд правый кривого дела не выправит (а кривой суд правое скривит)*. Устанавливается прямая связь правого суда и закона: *Держи правду по наряду! Держи суд по закону!; Дело по делу, а суд по форме*.

Подчеркивается роль судьи в соблюдении законности и справедливости судопроизводства. Образ строгого, честного и справедливого судьи вводится как положительный пример — наставление: *Где добрые судьи поведутся, там и ябедники переведутся; У которого судьи добрый нрав, у того невинный всегда прав; Судия праведный — ограда каменна; Праведный судия одесную Спасителя стоит; Благо царей в правде судей; Хорош судья слывет, что ворам потачки не дает; Другу не дружи, а недругу не мсти (т.е. судья)*. Главные когнитивные признаки концепта «суд» в данной группе пословиц: ‘законность’, ‘справедливость’.

Пословицы второй группы (10,8 %) занимают промежуточное положение между первой и третьей, противопоставляя облигаторности и социальной пользе законодательства и правосудия неправомерное поведение представителей закона, в том числе судей, а также рядовых участников судопроизводства, например: *Законы святы, да судьи / законники супостаты; Законы — миротворцы, да законники — крючкотворцы; Не бойся суда / закона, бойся судьи / законника; Суд прямой — да судья кривой; Суд крив, коли судья лжив; Судья суди, да и за судьей гляди!; Дарами и праведного судью к неправде приведешь*. Для русского обыденного правосознания характерно контекстуальное отождествление вербализаторов концептов «закон» и «суд» (*Не бойся суда / закона, бойся судьи / законника; Законы святы, да судьи / законники супостаты*), причем суд воспринимается как главная инстанция, компетентная в законодательстве и его применении, а рядовой участник судопроизводства (истец, ответчик) занимает пассивную позицию, находится в полной зависимости от судебных чиновников. В данной группе пословиц противопоставлены когнитивные признаки концепта «суд»: ‘законность’ / ‘незаконность’, ‘справедливость’ / ‘несправедливость’.

Следует отметить немногочисленность пословиц первой и второй групп (в совокупности 25,5 %) в сопоставлении с третьей (74,5 %), однако их существование свидетельствует о наличии в обыденном лингвосознании эталонного образа суда.

Пословицы третьей группы, преобладающие в количественном отношении (74,5 %), отражают недостатки судопроизводства. Констатируется неквалифицированность некоторых судей в применении законодательства: *Судить, рядить не умею, а в приказ меня садят; Уложенье читает, а дела не знает*. Отрицательным явлением в судопроизводстве считается поведение судей (и других представителей закона), в современном праве определяемое как коррупционное — незаконное использование физическим лицом своего должностного положения, в частности взяточничество и необъективное рассмотрение дел в интересах близких судьям лиц. В данных пословицах судьи предстают как пренебрегающие, манипулирующие правовыми нормами, недобросовестные, корыстные, поэтому и суд в целом не вызывает доверия, не воспринимается как гарант объективности и справедливости. Достаточно привести несколько примеров: *Что мне законы, коли (были бы) судьи знакомы; Судья — что плотник: что захочет, то и вырубит; Судья в суде — что рыба в пруде; У наших судей много затей; Пристрастный суд разбоя злее; Поп ждет покойника богатого, а судья тягуна торватого; Пред Бога с правдой, а пред судью с деньгами; Судьям то и полезно, что в карман полезло; Ах, судья, судья: четыре поля, восемь карманов!; С голодной (Уголовной) палатой не перетягаешься; Суд по форме — судей покормит*.

Отметим, что ряд пословиц, критикующих взяточничество судей, указывает на виновность в коррупции и рядовых участников судебных процессов (истцов, ответчиков), провоцирующих судей на неправомерное судопроизводство, то есть коррупция для русского обыденного правосознания — привычное явление: *Дарами и праведного судью к неправде приведешь; Возьми на калачи, да только делом не волочи!; Судью подаришь, все (правду) победишь*. Обобщенно неправомерное судопроизводство в пословицах получает номинации *неправда, обида*, то есть оценивается как несправедливость: *Неправдою суд стоит; Где суд, там и неправда; В суд пойдешь — правды не найдешь; Где законники / закон, там и обида*. Неправомерное (несправедливое в обыденном правосознании) профессиональное поведение «законников» и, в частности, судей подвергается осуждению вплоть до крайней враждебности в форме угрозы: *Все бы законы потонули, да и судей бы перетопили*. Главные когнитивные признаки концепта «суд» в данной

группе пословиц: 'незаконность', 'несправедливость', 'неправда', 'обида'. Таким образом, эти пословицы противостоят первой группе, выражающей эталон правосудия.

Выполнена систематизация языковых средств оценки суда: сгруппированы положительно и негативно окрашенные слова и выражения.

Зафиксируем языковые средства положительной оценки: положительно окрашенные определения закона (*свят, миротворец*), суда (*правый, прямой*), судьи (*добрый, праведный, хорош*); императивы, выражающие 1) рекомендуемое отношение к суду (*не бойся <суда>, не сетуй <на суд>*), 2) требование к профессиональной деятельности судьи (*держи <правду по наряду / суд по закону!>, не дружи <другу>, не мсти <недругу>*); синтагмы на основе антитезы, обобщенно выражающие необходимость суда: *Суд не на укору, на расправу; Суд не на осуд, а на рас суд; Правый суд не остуда; Без суда не казнят*. В данном ряду негативным номинациям *укора, осуд, остуда* противопоставлены термины *расправа, рассуд*, которые в контексте пословиц занимают положительный полюс наряду с *правый суд*. *Укора* от *корити* 'ругать, осуждать' (СлРЯ XI–XVII, вып. 7, с. 314). *Остуда* 'осуждение, унижение, позор' (СлРЯ XI–XVII, вып. 13, с. 166). *Расправа* 'рассмотрение и решение спорных вопросов, дел' (СлРЯ XI–XVII, вып. 22, с. 31). *Рассуд* 'судебное разбирательство; разбор обстоятельств, размышление' (СлРЯ XI–XVII, вып. 22, с. 68). *Правый* о суде 'справедливый' на основе первичного значения 'прямой' (СлРЯ XI–XVII, вып. 18, с. 123).

Отметим языковые средства негативной оценки: прямые и переносные негативно окрашенные определения суда и закона (*кривой, при страстный, разбоя злее*), судьи и «законника» (*лживый, кривой; судить, рядить не умею; четыре полы, восемь карманов; супостат, крючоктворец*), первичные и вторичные императивы, выражающие: 1) предупреждение рядовых участников судопроизводства (*бойся <судьи / законника>*), неприятие законов и судей (*законы потонули бы, судей перетопили бы*); 2) стереотипное неправомерное поведение рядовых участников судопроизводства (*подаришь <судью>, победишь <правду>, приведешь <судью к неправде>, возьми <на калачи>* (обращение к судьбе); синтагмы, обобщенно выражающие негативную оценку реалий судопроизводства (*Неправдою суд стоит; У наших судей много затей; Судья — что плотник: что захочет, то и вырубит; Судьям то и полезно, что в карман полезло; Суд по форме — судей покормит* и др.).

Далее выполнена лингвокогнитивная и лингвокультурная интерпретация, вскрывающая соотношение русского концепта «суд» с этнокультурными морально-этическими концептами. При количественном пре-

обладании негативно-оценочных пословиц наблюдаются когнитивные оппозиции — ценностные признаки, указывающие на неоднозначность восприятия суда и судьбы обыденным правосознанием: суд 1) *правый, прямой* (+); 2) *кривой, неправда, обида, зло* (-); судья 1) *добрый, праведный, хорош* (+); 2) *кривой, лживый* (-). При этом прослеживается косвенно выраженная близость понятий «правда» — «суд», «закон» (*Держи правду по наряду! Держи суд по закону!*). Таким образом, исторически в русском языковом сознании существовал комплекс представлений о суде, основанный на морально-этическом «кодексе». Все члены оппозиций в положительной или отрицательной форме отражают этнокультурные морально-этические концепты: «(не)правда» / «ложь», «(не)справедливость», «обида», «(не)праведность», «добро» / «зло».

Этнокультурная значимость и взаимосвязь данных концептов зафиксирована в лингвокультурологических словарях и научных трудах: «правда» — основная форма выражения справедливости, добра, праведности, она признается душой; «справедливость» — ощущение правды, побуждающее принимать праведное беспристрастное решение; «праведность» — совестливость, честность, добродетельность; «добро» выражает правду, создает справедливость; «зло» — отсутствие необходимого блага, нравственная пустота души или страсть, приводящая к беде, вводящая человека в грех, лишаящая внутренней свободы, надежды и счастья; «обида» — несправедливость, оскорбляющая человека, вызывающая нравственные страдания, «уязвление души и сердца»; «ложь» — заведомая неправда, намеренное словесное искажение истины в предосудительных целях, грех [Зализняк, 2012; Кобякова, 2004; Колесов, 2014; Степанов, 2001].

В обыденном языковом сознании эталон правосудия представлен как *правый, прямой* (объективный, справедливый, законный) суд, осуществляемый *добрым, праведным* (честным, справедливым, добросовестным, порядочным, законопослушным) судьей при условии действия закона *святого, миротворца*. Напротив, критикуемое судопроизводство отражено как *кривой, злой* суд, основанный на *неправде*, ведущий к *обиде*, осуществляемый *кривым, лживым* судьей. Отметим антропоцентризм русского концепта «суд»: результаты работы суда оцениваются как следствие индивидуальных действий судьи, от личности которого в конечном счете зависит правомерность судопроизводства.

Следовательно, для русского обыденного правосознания в диахронии характерна реалистичная оценка суда: не безоговорочное отрицание необходимости суда, а критичное восприятие судебной практики на фоне эталона правосудия. Критика основана на недостатках су-

допроизводства, прежде всего обусловленных ненадлежащим поведением судей (*Суд прямой — да судья кривой*). Эталон суда представлен и как реальность (*Суда не бойся! Суд не на укору, на расправу; Суд не на осуд, а на разсуд; Правый суд не острада (т.е. не сетуй на него)*;

У которого судьи добрый нрав, у того невинный всегда прав; Судия праведный — ограда каменна; Хорош судья слывет, что ворам потачки не дает), и как идеал (*Держи правду по наряду! Держи суд по закону!; Где добрые судьи поведутся, там и ябедники переведутся*). В пословицах подчеркивается важность соблюдения законов при судебном разбирательстве. Таким образом, концепт «суд» в обыденном понимании противоречив: с одной стороны, прослеживается разочарование в суде, недоверие к нему, страх перед ним, с другой стороны, выражается вера в справедливый суд, надежда на его объективность и законность, признаются факты правомерного судопроизводства.

Заключение

Итак, на материале пословиц можно утверждать, что русский концепт «суд» имеет ярко выраженное ценностное содержание, в отличие, например, от немецкого концепта [Кузнецова, 2013]. Наблюдается неравновесие оценок с преобладанием негативной (74,5 %). В результате сопоставления положительных и негативных оценок русского концепта «суд» в паремиях, наряду с объективным (на основе недостатков судопроизводства) противопоставлением «суда» и «правды — справедливости», выявлена их связь, как желаемая, так и реальная, с точки зрения обыденного правосознания. Важно подчеркнуть, что для русского правосознания исконно характерен синкретизм макроконцепта «правда — справедливость», включающего и концепт «закон» в его положительном восприятии. Обыденное представление о законности базируется на соблюдении морально-этических принципов. Так, только *добрый, праведный* судья может осуществить *прямой, правый* суд, поддерживающий и восстанавливающий правопорядок.

На основании проведенного исследования предлагаем скорректировать положение о безусловном противопоставлении этического и юридического аспектов правосознания в русском языке [Воркачев, 2009, с. 15–16]. Лингвокогнитивная и лингвокультурная интерпретация паремиологического материала позволили выявить исконную базовую черту русского обыденного правосознания — концептуальный синкретизм «правда — справедливость — законность». Данный результат подтверждается этнопсихологическими выводами русских философов и правоведов о том, что нормы права и нормы нравственности в сознании русского народа слабо дифференцированы [Кистяковский, 1909];

право и закон в русской ментальности должны быть обоснованы через веру и совесть [Ильин, 1996, с. 579–580].

Библиографический список

Антонова И.С. О соотношении понятий «языковое сознание» и «профессиональное языковое сознание» // Социосфера. 2010. № 4.

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.

Брысина Е.В., Супрун В.И. Названия кукушки и кукушонка в русском народном лингвосознании // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2020. Т. 19. № 4.

Воркачев С.Г. Правды ищи: идея справедливости в русской лингвокультуре. Волгоград, 2009.

Глазкова С.Н. Закон и порядок через призму современного русского языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 12 (408). Филологические науки. Вып. 110.

Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М., 2012.

Карасик В.И. Языковые ключи. М., 2009.

Колесов В.В., Пименова М.В. Языковые основы русской ментальности. СПб., 2011.

Кузнецова Н.Ю. Сопоставительный анализ функционирования наименований лиц по профессии в рамках концепта «суд» (на материале паремий немецкого и русского языков) // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 37 (328). Филология. Искусствоведение. Вып. 86.

Лингвокультурный концепт: типология и области бытования / под общ. ред. С.Г. Воркачева. Волгоград, 2007.

Маслова В.А. Лингвокультурология. М., 2001.

Магузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. М., 2020.

Осипова А.В. Соотношение закона и справедливости в профессиональном и обыденном языковом сознании // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 24 (239). Филология. Искусствоведение. Вып. 57.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М., 2007.

Почепцов Г.Г. Языковая ментальность: способы представления мира // Вопросы языкознания. 1990. № 6.

Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета. М., 2010.

Тарасов Е.Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира / отв. ред. Н.В. Уфимцева. М., 2000.

Этнокультурная специфика языкового сознания / отв. ред. Н.В. Уфимцева. М., 2003.

Словари

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. 3-е изд. СПб. ; М., 1903.

Кобякова Т.И. Концепты духовности в русской языковой картине мира. Лингвокультурологический словарь. Уфа, 2004.

Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А. Словарь русской ментальности: в 2 т. СПб., 2014.

СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–2015. Вып. 1–30.

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М., 2001.

Источники

Даль В. Пословицы русского народа: сборник пословицъ, поговорокъ, речений, присловий, чистоговорокъ, прибаутокъ, загадокъ, поверий: в 2 т. 2-е изд. СПб. ; М., 1879.

Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 2002.

Избранные пословицы и поговорки русского народа / сост. Н.П. Колпакова, М.Я. Мельц, Г.Г. Шаповалова. М., 1957.

Ильин И.А. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 6, кн. 2. М., 1996.

Кистяковский Б. В защиту права (Интеллигенция и правосознание) // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909. URL: <http://www.vehi.net/vehi/kistyak.html> (дата обращения: 25.01.2021).

Снегирев И. Русскія народныя пословицы и притчи. М., 1848.

References

Antonova I.S. *O sootnoshenii ponyatij «yazykovoe soznanie» i «professional'noe yazykovoe soznanie»*. [On the relationship between the concepts of «linguistic consciousness» and «professional linguistic consciousness»]. In: *Sociosfera* [Sociosphere]. 2010. No. 4.

Arutyunova N.D. *Yazyk i mir cheloveka*. [Language and the world of man]. Moscow, 1999.

Brysina E.V., Suprun V.I. *Nazvaniya kukushki i kukushonka v russkom narodnom lingvosoznanii*. [Names of cuckoo and cuckoo chick in russian folk linguistics]. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Series 2. Yazykoznanie*. [Science Journal of VolSU. Linguistics]. 2020. Vol. 19. No. 4.

Vorkachev S.G. *Pravdy ishchi: ideya spravedlivosti v russskoj lingvokul'ture*. [Seek the truth: the idea of justice in Russian linguistic culture]. Volgograd, 2009.

Glazkova S.N. *Zakon i poryadok cherez prizmu sovremennogo russkogo yazyka*. [The law and order in modern Russian]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologicheskie nauki*. [Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology sciences]. 2017. No. 12 (408). Iss. 110.

Zaliznyak Anna A., Levontina I.B., Shmelev A.D. *Konstanty i peremennye russskoj yazykovoj kartiny mira*. [Constants and variables of the Russian language picture of the world]. Moscow, 2012.

Karasik V.I. *Yazykovye klyuchi*. [Language keys]. Moscow, 2009.

Kolesov V.V., Pimenova M.V. *Yazykovye osnovy russskoj mental'nosti*. [The linguistic foundations of the Russian mentality]. St. Petersburg, 2011.

Kuznecova N.Yu. *Sopostavitel'nyj analiz funkcionirovaniya naimenovaniy lic po professii v ramkah koncepta «sud» (na materiale paremij nemeckogo i russskogo yazykov)*. [Comparative analysis of occupational titles functioning within the concept of court (on the material of german and russian proverbs)]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie*. [Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Art criticism]. 2013. No. 37 (328). Iss. 86.

Vorkachev S.G. (ed.) *Lingvokul'turnyj koncept: tipologiya i oblasti bytovaniya*. [Linguocultural concept: typology and areas of existence]. Volgograd, 2007.

Maslova V.A. *Lingvokul'turologiya*. [Linguoculturology]. Moscow, 2001.

Matuzov N.I., Mal'ko A.V. *Teoriya gosudarstva i prava*. [Theory of State and Law]. Moscow, 2020.

Osipova A.V. *Sootnoshenie zakona i spravedlivosti v professional'nom i obydenom yazykovom soznanii*. [The relation of law and justice in the professional and ordinary language consciousness]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie*. [Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Art criticism]. 2011. No. 24 (239). Iss. 57.

Popova Z.D., Sternin I.A. *Kognitivnaya lingvistika*. [Cognitive linguistics]. Moscow, 2007.

Pochepcov G.G. *Yazykovaya mental'nost': sposoby predstavleniya mira*. [Language mentality: ways of representing the world]. In: *Voprosy jazykoznanija*. [Topics in the study of language]. 1990. No. 6.

Radbil' T.B. *Osnovy izucheniya yazykovogo mentaliteta*. [The basics of studying language mentality]. Moscow, 2010.

Tarasov E.F. *Aktual'nye problemy analiza yazykovogo soznaniya*. [Actual problems of the analysis of linguistic consciousness]. In: *Yazykovoe soznanie i obraz mira*. [Linguistic consciousness and image of the world]. Moscow, 2000.

Ufimceva N.V. (ed.) *Etnokul'turnaya specifik a yazykovogo soznaniya*. [Ethno-cultural specificity of linguistic consciousness]. Moscow, 2003.

Dictionaries

Dal' V. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskago yazyka*. [Explanatory Dictionary of the living great Russian Language]. In 4 volumes. St. Petersburg; Moscow, 1903.

Kobyakova T.I. *Koncepty duhovnosti v russkoj yazykovoj kartine mira. Lingvokul'turologicheskij slovar'*. [Spirituality concepts in the Russian language picture of the world. Linguocultural Dictionary]. Ufa, 2004.

Kolesov V.V., Kolesova D.V., Haritonov A.A. *Slovar' russkoj mental'nosti*. [Dictionary of the Russian mentality]. In 2 volumes. St. Petersburg, 2014.

Avanesov R.I. et al. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th — 17th Centuries]. Moscow, 1975–2015. Iss. 1–30.

Stepanov Yu.S. *Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury* [Constants: Dictionary of the Russian Culture]. Moscow, 2001.

List of sources

Dal' V.I. *Poslovcy russkogo Naroda* [Proverbs of the Russian people]. Moscow, 2002.

Dal' V. *Poslovcy russkago naroda: sbornik poslovc, pogovorok, rechenij, prislovcij, chistogovorok, pribautok, zagadok, poverij* [Proverbs of the Russian people: a collection of proverbs, adages, saws, redes, pure phrases, jokes, riddles, beliefs]. In 2 volumes. St. Petersburg; Moscow, 1879.

Il'in I.A. *Sobranie sochinenij* [Collected Works]. In 10 volumes. Vol. 6. Bk. 2. Moscow, 1996. Kolpakova N.P. et al. *Izbrannye poslovcy i pogovorki russkogo Naroda*. [Selected proverbs and sayings of the Russian people]. Moscow, 1957.

Kistyakovskij B. *V zashchitu prava (Intelligenciya i pravosoznanie)*. [In Defense of law (Intellectuals and legal consciousness)]. In: *Vekhi: Sbornik statej o russkoj intelligencii*. [Milestones: Collection of articles on the Russian intelligentsia]. Moscow, 1909. URL: <http://www.vehi.net/vehi/kistyak.html>.

Snegirev I. *Russkiya narodnyya poslovcy i pritch.i* [Russian folk proverbs and parables]. Moscow, 1848.

ЛЕГИТИМИРУЮЩИЕ СТРАТЕГИИ В ВИДЕООБРАЩЕНИЯХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИКОВ РОССИИ И ГЕРМАНИИ В ПЕРИОД ПЕРВОГО ЛОКДАУНА COVID-19¹

Н.В. Мельник, М.А. Силкова

Ключевые слова: политический дискурс, стратегия, тактика, региональный политик, легитимация, интернет-комментарий.

Keywords: political discourse, strategy, tactics, regional politician, legitimation, Internet commentary.

DOI 10.14258/filichel(2021)4-02

Любая сфера современной человеческой деятельности сопряжена с политикой. Невозможно встретить человека, который не знает имя политического лидера страны и региона, в которых он проживает, и не имеет суждений на их счет. Согласимся с А. П. Чудиновым в том, что «каждый человек, который хотя бы изредка читает газеты, включает радио или телевизор, становится адресатом политической коммуникации» [Чудинов, 2006, с. 8]. Политическая коммуникация, по мнению ученого, отражает существующую политическую реальность, изменяется вместе с ней и участвует в ее преобразовании» [Чудинов, 2006, с. 8]. Вслед за А.П. Чудиновым мы понимаем политическую коммуникацию как «речевую деятельность, ориентированную на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям, для выработки общественного согласия, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе» [Чудинов, 2006, с. 8]. Политическая коммуникация находит отражение в политическом дискурсе, целью которого, независимо от жанра, является завоевание и сохранение власти [Шейгал, 2000, с. 51]. По нашему мнению, данная цель является генеральной. Для ее достижения вводится множество частных подцелей. В контексте нашего исследования можно выделить две: основную и второстепенную. Основная подцель описываемого нами политического дискурса является скрытой. Она направлена на легитимацию политических решений. Второстепенная подцель представляется открытой, и ее функция — сообщить

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00522

адресату о принятых политических решениях. Политические решения представляют собой одно из ключевых понятий политической жизни и системы государственных отношений [Трохинова, 2019, с. 20], вербализованных в политическом дискурсе. Его общественное предназначение, по мнению В.З. Демьянкова, заключается в том, чтобы внушить адресатам — гражданам сообщества — необходимость «политически правильных» действий и/или оценок [Демьянков, 2002, с. 38], т.е. убедить, пробудив в адресате намерения, дать почву для убеждения и побудить к действию [Bauley, 1985, с. 104]. Следовательно, политический дискурс предполагает использование специальных технологий воздействия на аудиторию. В аспекте речевого воздействия лингвистический анализ современного политического дискурса связан с изучением всех находящихся в распоряжении говорящего языковых ресурсов, которые определяют достижение им коммуникативной цели [Иссерс, 2016, с. 23]. В арсенале каждого политика имеется набор стратегий и реализующих их тактик, направленный на легитимацию политических решений. В настоящее время представлено множество классификаций коммуникативных стратегий, выделяемых в политическом дискурсе [Иссерс, 2008; Михалева, 2004; Паршина, 2005; Рублева, 2006; Руженцева 2004; Т. Ван Дейк, 2000, 2013; Шейгал, 2000]. Однако ученые едины во мнении, что исчерпывающую классификацию дать затруднительно, так как применение той или иной стратегии зависит от коммуникативной цели адресанта. Т. ван Дейк считает, что «стратегии, в отличие от общих правил или принципов, должны быть гибкими» [ван Дейк, 2000, с. 273]. Также согласимся с Ж.В. Зигманн в том, что «современный политический дискурс находится в динамике, остро реагирует на изменения в политической жизни общества, что сразу же отражается и на речевых стратегиях», что обуславливает одновременность использования различных стратегий и их тесную взаимосвязь в процессе речевого акта [Зигманн, 2003, с. 22].

В данной работе предпринята попытка выделить, описать и сопоставить стратегии и тактики, используемые региональными политиками России и Германии для легитимации принятых политических решений, и определить их эффективность, проанализировав интернет-комментарии в социальных сетях. Именно социальные сети являются одним из мощнейших инструментов современной политической коммуникации, при помощи которых политики доносят информацию до массовой аудитории и общаются с ней посредством комментариев. В комментариях автор может высказывать свое мнение в отношении события, проявляя себя как языковая личность, «его речевая индивидуаль-

ность менее скована внешними установками и проявляется достаточно свободно» [Руженцева, 2015, с. 47]. К тому же «свободе» слова способствует возможность изменить свое имя, т.е. воспользоваться псевдонимом, и, таким образом, остаться «неузнанным».

В рамках нашего исследования использованы методы сплошной выборки, лингвистического сравнения, метод контекстуального анализа. Названные методы позволили собрать материал, описать его, сопоставить и интерпретировать результаты. Для раскрытия темы мы обратились к двум дискурсам, объединенным общей политической сферой общения — российскому региональному политическому дискурсу и немецкому региональному политическому дискурсу. Материалом для исследования послужили видеообращения региональных политиков России (С. Е. Цивилев) и Германии (М. Зёдер), размещенные в начале пандемии COVID-19 на платформах социальных сетей Instagram и Facebook. Проанализированы три видеопубликации российского политика, общий объем которых составил 1593 слова, и пять обращений немецкого политика объемом 1687 слов. Также проведен анализ немецкоязычных и русскоязычных комментариев, явившихся реакцией на выступления политиков (744 и 674 соответственно). Публикации политиков касаются мер, вводимых для предотвращения масштабного распространения коронавирусной инфекции. В политических дискурсах региональных политиков России и Германии выделены стратегия театральности и стратегия на повышение. Рассмотрены комментарии, оставленные к обращениям губернатора Кемеровской области и к выступлениям министра-президента Баварии. В результате проведенного анализа выявлены как положительные отклики, так и комментарии с негативной коннотацией. Помимо них выделены сообщения, отнесенные нами к разряду промежуточных.

Исследование выполнено в два этапа. На первом этапе проведен лингвистический анализ политических дискурсов региональных политиков России и Германии в период первого локдауна, вызванного COVID-19. В ходе анализа выделены и сопоставлены преобладающие легитимирующие стратегии и тактики, а также реализующие их коммуникативные ходы. На втором этапе оценена эффективность примененных политиками стратегий и тактик. Представим результаты исследования.

Стратегия театральности в дискурсе политиков России и Германии реализована тактиками информирования, запугивания, ухода от ответственности, недосказанности, уговаривания, обещания. Рассмотрим данные тактики на примерах. Тактика информирования в дис-

курсе губернатора Кемеровской области С. Цивилева реализована информативно-констатирующей информацией и сочетается с коммуникативными ходами тактики запугивания. Политик описывает эпидемиологическую обстановку:

В Кузбассе продолжается распространение коронавируса. В инфекционных больницах сегодня находится 91 больной коронавирусной инфекцией. Случился рост заболеваемости коронавирусом в 6 районах, где были введены дополнительные ограничения. Инфекция уже не только завозная, она распространяется внутри региона. Пока скорость распространения невысокая, но ситуация напряженная и требует решительных мер.

Речь губернатора изобилует предложениями, содержащими инверсию, задача которой — подчеркнуть главное, усилить воздействие слов политика. С. Цивилев использует стертую метафору (*распространение коронавируса*) и медицинскую метафору (*рост заболеваемости*), применяет медицинскую лексику (*инфекционная больница, больной коронавирусной инфекцией, инфекция*) и приводит статистику (*91 больной, в 6 районах*). В политическом дискурсе метафора выполняет не только информирующую, но и воздействующую функцию, а «число — один из главных объектов манипуляции, воздействующее и на сознание, и на воображение» [Кара-Мурза, 2005, с. 251]. В речи политика присутствуют лексемы угрозы: *угроза, угрожать, опасная, умирать, тревога, опасность*:

Коронавирус — это не миф, это реальная угроза, болезнь, от которой умирают люди; Нам всем угрожает опасная болезнь; Но несмотря на это динамика распространения болезни вызывает у нас большую тревогу за жизни людей; Но опасность болезни от этого не снижается.

Используя такие приемы, политик воздействует на эмотивную составляющую человеческого мышления, что снижает порог критичности сознания реципиента, следовательно, повышает эффект воздействия на его подсознание и вынуждает прислушаться к словам адресанта [Аиткулова, 2017, с. 89]. По мнению М. Франке и Р. ван Руйи, успешное манипулирование — это эксплуатация слабостями тех, кто подвержен манипулированию [Franke, van Rooij, 2015, с. 1]. В данном случае «слабость» заключается в страхе за собственную жизнь и жизнь близких.

В речи М. Зёдера тактика информирования также реализована информативно-констатирующим сообщением. Министр-президент сразу же называет цель своего обращения к жителям Баварии:

Auf der Grundlage des Infektionsschutzgesetzes ordnen wir folgendes an: ab Freitag, das geht jetzt ab Freitagnacht, also, heute Nacht, vorläufig auf die Dauer

*von zwei Wochen ab Null Uhr beginnend wird es in Bayern grundlegende Ausgangsbeschränkungen geben / На основании Закона о защите от инфекционных заболеваний мы приказываем следующее: с пятницы, с вечера пятницы, то есть сегодня вечером, временно, в течение двух недель, начиная с полуночи, в Баварии будет действовать комендантский час*². Политик ссылается на Infektionsschutzgesetz (Закон о защите от инфекционных заболеваний) для того, чтобы у адресата не возникло сомнений в законности вводимых мер. Инверсия в высказывании (*Auf der Grundlage des Infektionsschutzgesetzes ordnen wir folgendes an*) и анафорические повторы (*ab Freitag, das geht jetzt ab Freitagnacht, also, heute Nacht*) выделяют важную для слушателей информацию. Тактика запугивания в дискурсе немецкого регионального политика реализуется воздействием на рациональный способ восприятия информации адресатом. М. Зёдер говорит о том, что за нарушение принятых мер вводится высокий штраф (*hohes Bußgeld*): *Wer dagegen verstößt, wer nicht einsichtig ist, der muss mit hohem Bußgeld anrechnen / Тот, кто нарушает, кто не понимает, должен будет заплатить большой штраф*. Анафора и синтаксический параллелизм усиливают перлокутивный эффект.

Тактика ухода от ответственности в речи политиков обеих стран реализуется употреблением безагенсных конструкций. С. Цивилев: *Наступившая неделя объявлена нерабочей*.

М. Зёдер: *Die einzige Möglichkeit ist, diese, ja soziale Leben herunterzufahren / Единственная возможность — снизить социальную активность*.

Прием деперсонализации используется политиками для снятия с себя ответственности, так как вводимые меры по предотвращению распространения эпидемии могут вызвать негативную реакцию у адресата. С этой же целью политики апеллируют к мнению специалистов и сравнивают свой регион с другими регионами/странами. С. Цивилев: *Поэтому, по совету специалистов и по примеру других регионов России сегодня мы вводим в Кузбассе временный режим самоизоляции для всех граждан; Все регионы Сибирского федерального округа разместили на границах посты, которые информируют население об угрозе распространения коронавируса*.

М. Зёдер: *Es gibt keine Passagierscheine wie beispielsweise in Frankreich / Нет пассажирских билетов как во Франции, например*.

Тактика недосказанности в дискурсах С. Цивилева и М. Зёдера воплощена одинаковыми коммуникативными ходами. Говоря о принима-

² Здесь и далее перевод наш. — Н.М., М.С.

емых мерах по предотвращению распространения COVID-19, политики России и Германии часто не приводят точных сведений о том, какие ресурсы, инструменты и возможности задействованы, не называют точные цифры, для этого они используют лексемы с размытым значением (рус.: *все, значительный*; нем.: *alles, viele*). Губернатор Кемеровской области сообщает: *Мы используем все доступные ресурсы, инструменты и возможности; Важно создать значительный запас мест в клиниках и гарантировать всем заболевшим эффективную медицинскую помощь.* Похожие примеры выявлены в дискурсе немецкого политика: *Wir werden zu 100 Prozent darauf fokussieren und alles tun was in unseren Möglichkeiten steht. Das sind die medizinischen Maßnahmen, die wir derzeit treffen. Das sind die wirtschaftlichen Maßnahmen, wo wir einen großen Schutzschirm spannen, damit viele, viele kleine Betriebe und Arbeitnehmerin und Arbeitnehmer nicht allein gelassen werden / Мы сконцентрируемся на все 100 процентов и сделаем все, что в наших силах. Это медицинские меры, которые мы сейчас принимаем. Это экономические меры, когда мы устанавливаем большой защитный экран, чтобы многие, многие малые предприятия и сотрудники не остались одни.*

Тактика уговаривания в видеообращении губернатора Кемеровской области реализуется перформативами, императивами и модальными лексемами. Приведем пример: *Прошу всех жителей области серьезно отнестись к этой проблеме; Не выходите из дома без крайней необходимости; Можно ходить за покупками в ближайший к вашему дому магазин или аптеку, выносить мусор, выгуливать домашних животных, но на расстоянии не больше 100 метров от места вашего жительства.* В качестве коммуникативного хода тактики уговаривания в дискурсе министра-президента Баварии использованы императивы и модальные конструкции: *Bleiben Sie zu Hause. Gehen Sie nur in Ausnahmefällen aus / Оставайтесь дома. Выходите только в исключительных случаях; Nur noch rausgehen, wenn man etwas kaufen muss, sich versorgen muss oder, wenn man anderen helfen will / Выходить только тогда, когда нужно купить что-то или помочь кому-нибудь.* Повторение модальных глаголов придает речи М. Зёдера ритмичность и лозунговый характер, что заставляет аудиторию прислушаться к его словам. Помимо этого, стоит отметить использование парцелляции в речи министра-президента. Так, например, поясняя правила совершения прогулок или занятий на свежем воздухе, М. Зёдер делит объемные высказывания на простые предложения, чтобы обратить внимание адресата на значимость информации: *Aber entweder allein oder mit der Familie. Oder mit dem Hund, wenn man rausgehen muss, um entsprechend Tierbedarf zu machen / Но либо*

один, либо с семьей. Или с собакой, если вам нужно выйти, чтобы выгулять домашнее животное. Для наибольшего эмоционального воздействия, а также для того, чтобы, возможно, предвосхитить вопросы, которые могут возникнуть у адресата, политик прибегает к приему диалогизации: *Was ist jetzt erlaubt? Was ist verboten? Erlaubt ist natürlich. Jeder soll und kann zur Arbeit gehen / Что теперь разрешено? Что запрещено? Конечно, разрешено. Каждый должен и может ходить на работу.* В приведенном примере гипофора, содержащая незаконченное предложение *Erlaubt ist natürlich...* (Конечно, разрешено...) создает впечатление не заготовленного заранее текста.

Тактика обещания в обращениях политиков представлена глаголами активного залога будущего времени. Сравним их употребление в дискурсах политиков. С. Цивилев: *Прошу вас обращаться за этой помощью в органы социальной защиты, а правительство Кузбасса и я лично проконтролируем этот процесс.*

М. Зёдер: *Wir werden zu 100 Prozent darauf fokussieren und alles tun was in unseren Möglichkeiten steht / Мы сфокусируемся на 100 % и сделаем все, что в наших силах.*

Для усиления эффекта С. Цивилев использует глаголы совершенного вида, акцентируя внимание на уверенности в результате предпринимаемых мер. М. Зёдер применяет глаголы в форме будущего времени (Futurum I), действие которых направлено не на результат, а на процесс происходящего. Кроме того, М. Зёдер употребляет футуральный презенс, подкрепляя его лексемой *sicher* (уверен): *Ich bin sicher, wir kommen durch / Я уверен, что мы справимся.* Прибегая к настоящему времени для обозначения предстоящего действия, министр-президент «выражает абсолютную уверенность в том, что это действие совершится. Он представляет его свершающимся, а, следовательно, совершенно реальным» [Реферовская, 1983, с. 140].

Реализация стратегии на повышение представлена тактиками неявной самопрезентации, создания «своего» круга, размежевания, вежливости. Данные тактики присутствуют в дискурсах обоих политиков.

Для воплощения тактики неявной самопрезентации политики России и Германии прибегают к экстралингвистическому приему. Немецкий политолог Ф. Манов утверждает, что «не политик изображает себя, а мы его. Политика должна каким-то образом сделать себя правдоподобной, власть должна каким-то образом сделать себя правдоподобной, должна как-то себя проявить» (*Wie Politiker Currywurst essen*³). Обраще-

³ https://www.deutschlandfunkkultur.de/philipp-manow-die-zentralen-nebensaechlichkeiten-wie.1270.de.html?dram:article_id=392795

ния С. Цивилева записаны на фоне карты с обозначением очагов заболевания в регионе. Данный прием необходим политику, чтобы подкрепить свои слова, задействовав зрительное восприятие информации. Манипулируя статистикой, губернатор сообщает: *Сегодня в Кузбассе меньше всего заболевших на сто тысяч населения в Сибири*. В следующем примере метафоры благополучная ситуация, употребленная в сочетании с лексемой относительно, и вирус распространяется, в сочетании с отрицанием не так быстро, указывают на то, что действия, направленные на борьбу с распространением эпидемии, оказываются оправданным: *В Кузбассе ситуация относительно благополучная: у нас вирус распространяется не так быстро, как в большинстве регионов страны или в мире; Мы уже стали примером для соседних регионов*. Кроме того, использованный прием плюрализации для сравнения с другими территориями России внушает адресату мысль о том, что в Кузбассе все под контролем и ситуация по сравнению с другими регионами спокойная. Оценивая успешность примененных мер, политик скрыто проецирует успех на себя, так как он является их инициатором.

Министр-президент Баварии обращается к жителям своего региона, находясь в складском помещении. Он вербализует свое действие, показывая, что лично вовлечен в решении проблемы: *Im Hintergrund sehen Sie grade, dass ich in einem großen Verteilzentrum bin /*

На заднем плане Вы видите, что я нахожусь в огромном складском помещении. Только личная заинтересованность политика может вызвать доверие к нему и заставить адресата поверить в искренность даваемых им обещаний.

Тактика создания «своего» круга в речи губернатора Кемеровской области и министра-президента Баварии реализована лексемами единения (*вместе, все*), а также мы-инклюзивным и его вариантами для выражения сопричастности к решению всеобщей проблемы. С. Цивилев: *Только вместе мы сможем защитить наших близких от болезни; У нас, как Вы знаете, коронавирусом пока заболели три человека*.

М. Зёдер: *Wir wollen ihn gemeinsam bestehen / Вместе мы его преодолеем; Wir müssen uns auf diese Herausforderung einstellen. / Мы должны быть готовы к этому вызову*. Также министр-президент часто использует в своих обращениях лексемы, характерные для разговорной речи (*Schludrigkeit* — сумасбродство, *Lagerkoller* — складская лихорадка) и усеченную форму существительных и глаголов, характерных для быденной речи. Приведем примеры: *Es gibt keinen Anlass zu Leichtsinn o der Schludrigkeit / Нет повода для легкомыслия или сумасбродства; Wir wollen noch kein Lagerkoller erreichen / Мы не хотим вызвать «склад-*

скую лихорадку»; *Machen Sie bitte auch zu Haus' keine Partys.* / Не устраивайте, пожалуйста, дома вечеринки; «*Das ist die größte Veränderung des öffentlichen Lebens in Bayern, die ich persönlich erlebt hab'* / Это самое большое изменение общественной жизни в Баварии, которое коснулось меня лично. В последнем примере лексема *persönlich* (лично) указывает на то, что изменения в социальной жизни, вызванные пандемией, затронули также министра-президента, поэтому у адресата не возникает сомнения в том, что политик предпримет все необходимые меры для улучшения ситуации.

Тактика размежевания реализуется при помощи местоимения *мы* в речи обоих политиков. В следующих примерах можно заметить, как при помощи местоимения *мы* представители власти отделяют себя от народа, демонстрируя свои полномочия и выражают ответственность за жителей своих регионов. С. Цивилев: *Также мы прорабатываем вопрос ограничения въезда на территорию Кузбасса для граждан, которые не являются постоянными жителями нашего региона.* М. Зёдер: *Aber wir tun alles Menschenmögliche und bitten deswegen auch um Unterstützung / Но мы делаем все, что в человеческих силах, и поэтому просим поддержать нас.*

Также отметим употребление местоимения 1-го л. ед.ч. в дискурсе политиков. «Используя личное местоимение *я* явно или скрыто, политики демонстрируют более высокий социальный статус и присваивают себе право отдавать приказы и навязывать свои оценки» [Василенко, 2018, с. 66]. Приведем примеры: *Прошу вас обращаться за этой помощью в органы социальной защиты, а правительство Кузбасса и я лично проконтролируем этот процесс;* *Als Ministerpräsident des Freistaats Bayern will ich alles dafür tun, dass wir richtig vorbereitet sind / Как министр-президент Баварии я хочу сделать все, чтобы мы подготовились как следует.* Однако политики не злоупотребляют личным местоимением *я*, ср.: *Прошу всех граждан действовать ответственно; Прекрасно понимаю, как сложно столько времени сидеть дома; Wie gesagt: Es gibt keine Prognose / Как уже говорилось: Нет никаких прогнозов; Weitergehende Maßnahmen sind denkbar / Возможны дальнейшие меры.*

Тактика вежливости воплощена в видеообращениях обоих политиков этикетными выражениями. По мнению Е. Н. Рядчиковой и Ж.Б. Тхакушиновой, «немаловажным критерием успешности политика является соблюдение правил речевого этикета, как в своей профессиональной деятельности, так и в повседневной жизни» [Рядчикова, Тхакушинова, 2009, с. 182]. Отметим, что применение этикетных фраз порождает доверие и уважение со стороны адресата. Губернатор

Кемеровской области обращается к адресату, употребляя номинации *уважаемые, дорогие*, и заканчивает речь, используя лексемы благодарности: *Уважаемые жители Кузбасса; дорогие жители Кузбасса; Большое Вам за это спасибо; Спасибо за внимание; Огромное спасибо*. В дискурсе М. Зёдера тактика вежливости реализуется этикетными лексемами приветствия, благодарности, прощания: *Hallo und Grüss Gott! — Приветствую!; Ich bedanke mich sehr bei der überragenden Zahl der bayerischen Bevölkerung, der Menschen in unserem Land, wie engagiert sie mitmachen / Я хотел бы поблагодарить подавляющее количество баварского населения, людей в нашей земле, за то, насколько они вовлечены в решение проблемы; Alles gute! / Всего хорошего!*

Эффективность примененных стратегий и тактик была оценена в ходе исследования интернет-комментариев, оставленных пользователями к видеообращениям политиков. Легитимность политических решений проявляется в одобрительной реакции населения, являющегося одним из источников легитимности власти [Мельник, Артемова, 2020, с. 172]. Анализ интернет-комментариев пользователей России и Германии показал, что в откликах на видеообращения политиков одобрение выразили 21% и 38% соответственно. Комментаторы выражают согласие с действиями политиков средствами лексического и синтаксического уровней. Легитимируя решения на лексическом уровне, комментаторы обеих стран прибегают к мелиоративной лексике, лексемам одобрения, благодарности, сравнения, этикетным формам вежливости. Проиллюстрируем это на примерах комментариев российских и немецких пользователей. Российские комментарии: *Дело говорит. Оперативно работает. Молодец; Огромное спасибо за вашу работу. Мне приятно слышать от родных какие мероприятия проводят с целью защиты народа. У меня есть сравнение с другими регионами. Кузбасс рулит. Вы молодцы*⁴. Комментарии немецких интернет-пользователей: *Danke für die Maßnahmen / спасибо за меры; Volle Zustimmung, sehr geehrter Herr Söder! Die Bürger des Freistaats Bayern dürfen sich glücklich schätzen solch einen besonnenen und verantwortungsbewussten Ministerpräsidenten zu haben. Ganz anders als die Bürger in NRW / Полностью согласен, уважаемый господин Зёдер! Граждане Свободного государства Бавария могут считать себя счастливыми, имея такого уравновешенного и ответственного премьер-министра. В отличие от жителей земли Северный Рейн-Вестфалия. На синтаксическом уровне легитимация выражается средствами экспрессивного синтаксиса: *Вы отличный человек, дай**

⁴ Авторские пунктуация и орфография в текстах комментариев сохранены.

бог вам здоровья!!! Спасибо вам, вы очень много сделали и делаете для Кузбасса!; Großartiger Mann!! / Отличный человек!!; Alles richtig gemacht! / Все правильно сделано! Одобрение также визуализируются графически при помощи прописных букв. Приведем примеры: СПАСИБО!!!; *Es gibt aktuell nur ein Wort für die Arbeit unseres MP. DANKE / Есть лишь одно слово для оценки работы нашего МП — С ПАСИБО!*

Кроме того, легитимация принятых решений прослеживается и в комментариях, в которых пользователи призывают политиков к более решительным действиям. Такие комментарии мы отнесли к разряду «промежуточных», так как в зависимости от последующих действий политика автор отклика может как легитимировать, так и делегитимировать политические решения. Доля таких откликов в российских комментариях составила 35%, в немецких — 34%. В «промежуточных» комментариях пользователи интернета выражают призыв в повелительном наклонении. Российские интернет-комментаторы смягчают императив лексемами одобрения и модальным безлично-предикативным словом нужно: *Все правильно, только еще ужесточить нужно и температуру проверять всем нужно! И магазины все закройте большие маленькие, кроме продуктовых!* Немецкие пользователи, также прибегая к императиву, сочетают его с лексемами вежливости: *Lieber Herr Söder bitte verhängen sie eine Ausgangssperre! / Дорогой господин Зёдер, введите, пожалуйста, комендантский час!; Schützen Sie Bayern und Seine Bevölkerung! / Защитите Баварию и ее население!*

Помимо положительных откликов присутствуют комментарии, выражающие несогласие с политическими решениями региональных лидеров. Негативная реакция российских комментаторов (44%) выражается упреком в форме вопросительного предложения. Также авторами используются повествовательные предложения с восклицательным знаком для графической передачи эмоционального состояния автора комментария. На лексическом уровне отметим употребление отрицательного местоимения *ничего* и отрицания *нет*. Словосочетание *народ бродит* свидетельствует о несоблюдении жителями области распоряжения губернатора о самоизоляции. Метафора *подлетел* указывает на то, что цены за короткое время стали очень высокими. Саркастическое обращение *уважаемые* также выражает негативную оценку решениям политика: *Что вы ещё можете сделать, кроме запретов? Ничего!; Нет масок, народ бродит по улицам, антисептика нет, в монетке с 50 руб за 50 мл антисептик подлетел до 200 руб. К чему вы готовы? Какая самоизоляция?* Несогласие немецких интернет-пользователей (27%) выражено на синтаксическом и лексическом уровнях, а также графически.

На синтаксическом уровне для проявления недовольства употреблены эмфатические предложения. На лексическом уровне активно используются пейоративная лексика, сарказм. Прописные буквы призваны привлечь внимание министра-президента Баварии: *Dampfplauderer* — пусто-звон; *Schullen dicht Kitas dicht sehr gute Maßnahme* / Школы закрыты, сады закрыты, отличные меры; *UND WENN SIE NOCH SO NAHE AN DEN MÄNSCHEN WÄREN WÜSTEN SIE AUCH VON DEN PROBLEMEN DER KLRINEN LÄUTE* / А если бы Вы были столь близки к народу, Вам были известны проблемы маленьких людей.

В ходе исследования выступлений политиков выявлено следующее. Главная цель политиков — легитимация решений в условиях пандемии COVID-19. Для легитимации политических решений политики воздействуют на эмоциональную и логическую сферы человеческого мышления. Для этого они прибегают к одинаковым легитимирующим стратегиям и тактикам и реализуют их преимущественно схожими коммуникативными ходами: лексемами угрозы, местоимением *мы*, используемым как для создания своего круга, так и в целях размежевания. Оба политика используют медицинскую лексику и метафору, императивы, перформативы, безагенсные конструкции. В качестве экстралингвистического приема политики применяют проксемические средства общения.

Анализ интернет-комментариев, стимулом для написания которых послужили видеообращения С. Цивилева и М. Зёдера, показал, что в русском и в немецком интернет-дискурсе имеются отклики как легитимирующие решения политиков, так и направленные на делегитимацию власти. Пользователи обеих стран поддерживают политические решения, используя одинаковые коммуникативные ходы: мелиоративную лексику, лексемы одобрения, благодарности, сравнение, этикетные формы вежливости, средства экспрессивного синтаксиса и графические средства. Для выражения негативной оценки комментаторы обеих стран применяют пейоративную лексику и сарказм. Помимо этого, русскоязычные комментаторы выражают недовольство графически, а немецкие пользователи прибегают к эмфатическим конструкциям. Также определено, что в немецком интернет-дискурсе преобладают положительные отклики, и, следовательно, применение стратегий и тактик в дискурсе немецкого политика оказалось оправданным. В русскоязычном интернет-дискурсе превалируют комментарии с негативной оценкой политических решений российского политика, следовательно, стратегии и тактики, использованные в его дискурсе, оказались недостаточными для легитимации принятых решений. Возможно, такой ре-

зультат связан с национальным менталитетом (недоверительное отношение к власти, заведомо предвзятое отношение к решениям политика). В этой связи нам представляется перспективным продолжить сопоставительный анализ политических выступлений С. Е. Цивилева и М. Зёдера, а также проследить эффективность использования легитимирующих стратегий и тактик в динамическом аспекте.

Библиографический список

Аиткулова Э.Р. Лингвопрагматика текстов в интернет-пространстве (на материале средств массовой информации Республики Башкортостан): дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2017.

Василенко Е.Н. Языковые средства убеждения в политическом дискурсе. Могилев, 2018.

Зигманн Ж.В. Структура современного политического дискурса: речевые жанры и речевые стратегии : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003.

Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск, 2000.

Дейк Т.А. ван. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М., 2013.

Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. М., 2002. № 3.

Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2008.

Иссерс О.С. Речевое воздействие : учеб. пособие. М., 2016.

Мельник Н.В., Артемова К.А. Проблема легитимизации в политическом дискурсе (на материале высказываний о пенсионной реформе) // Филология и человек. 2020. № 4. DOI 10.14258/filichel(2020)4-14.

Михалёва О.Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2004.

Михалева О.Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия. М., 2009.

Паршина О.Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2005

Реферовская Е.А. Лингвистические исследования структуры текста. Л., 1983.

Рублева Е.В. Лингвопрагматические аспекты политической теледискуссии : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.

Руженцева Н.Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе. Екатеринбург, 2004.

Рядчикова Е.Н., Тхакушинова Ж.Б. Речевой этикет как показатель сильной языковой личности политика // Вестник Адыгейского государственного университета. Майкоп, 2009. № 4.

Трохинова О.И. Легитимация непопулярных политических решений: коммуникационный аспект : дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2019.

Чудинов А.П. Политическая лингвистика. М., 2006.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Москва ; Волгоград, 2000.

Bayley P. Live oratory in the television age: The language of formal speeches. Bologna, 1985.

Franke M., Rooij, R. van Strategies of Persuasion, Manipulation and Propaganda: Psychological and Social Aspects. Berlin, Heidelberg, 2015.

Источники

<https://www.instagram.com/p/B-ZxEtsifqe/>

https://www.instagram.com/tv/B_ZrlQXIBo2/?utm_source=ig_web_copy_link

https://www.instagram.com/p/B_w3F4wIo3g/

<https://www.facebook.com/bayern/videos/214654166309639/>

<https://www.facebook.com/bayern/videos/218094942620622/?v=218094942620622>

https://www.facebook.com/watch/?ref=search&v=814523509068033&external_log_id=b7b3c2f1-fb4f-4422-9d63-ee91ad39688e&q=markus%20s%C3%B6der

<https://www.facebook.com/bayern/videos/820372785040358/>

<https://www.facebook.com/markus.soder.75/videos/537611757171917>

Wie Politiker Currywurst essen. URL: https://www.deutschlandfunkkultur.de/phillipp-manow-die-zentralen-nebensaechlichkeiten-wie.1270.de.html?dram:article_id=392795

References

Aitkulova E.R. *Lingvopragmatika tekstov v internet-prostranstve (na materiale sredstv massovoy informatsii Respubliki Bashkortostan)*. [Linguopragmatics of texts in the Internet space (based on the material of the mass media of the Republic of Bashkortostan)]. Cand. of Philol. Diss. Ufa, 2017.

Vasilenko E.N. *Yazykovye sredstva ubezhdeniya v politicheskom diskurse*. [Linguistic means of persuasion in political discourse]. Mogilev, 2018.

Zigmann Zh.V. *Struktura sovremennogo politicheskogo diskursa: rechevye zhanry i rechevye strategii*. [The structure of modern political discourse: speech genres and speech strategies]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Moscow, 2003.

Dejk T.A. van. *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya*. [Language. Cognition. Communication]. Blagoveshchensk, 2000.

Dejk T.A. van. *Diskurs i vlast': Reprezentacija dominirovaniya v jazyke i kommunikacii*. [Discourse and Power: Representation of Dominance in Language and Communication]. Moscow, 2013.

Dem'yankov V.3. *Politicheskij diskurs kak predmet politologicheskoy filologii*. [Political discourse as a subject of political science philology]. In: *Politicheskaya nauka. Politicheskij diskurs: Istoriya i sovremennye issledovaniya*. [Political Science. Political Discourse: History and Contemporary Research]. Moscow, 2002. № 3.

Issers O.S. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi*. [Communicative strategies and tactics of Russian speech]. Moscow, 2008.

Issers O.S. *Rechevoe vozdeystvie*. [Speech impact]. Moscow, 2016.

Kara-Murza S.G. *Manipulyatsiya soznaniem*. [Consciousness manipulation]. Moscow, 2005.

Mel'nik N.V., Artemova K.A. *Problema legitimizacii v politicheskom diskurse (na materiale vyskazyvanij o pensionnoj reforme)*. [The problem of legitimization in political discourse (based on statements about pension reform)]. In: *Filologija i chelovek*. [Philology & Human]. 2020. № 4 DOI 10.14258/filichel(2020)4-14

Mihaljova O.L. *Politicheskij diskurs kak sfera realizacii manipuljativnogo vozdeystvija* [Political discourse as a sphere for the implementation of manipulative influence]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Kemerovo, 2004.

Mihaleva O.L. *Politicheskij diskurs: Specifika manipuljativnogo vozdeystvija* [Political discourse: Specificity of manipulative influence]. Moscow, 2009.

Parshina O.N. *Strategii i taktiki rechevogo povedeniya sovremennoj politicheskoi jelity Rossii* [Strategies and tactics of speech behavior of the modern political elite of Russia]. Abstract of Philol. Doc. Diss. Saratov, 2005.

Referovskaya E.A. *Lingvisticheskie issledovaniya struktury teksta*. [Linguistic studies of text structure]. Leningrad, 1983.

Rubleva E.V. *Lingvopragmaticheskie aspekty politicheskoi telediskussii*. [Linguistic and pragmatic aspects of political TV discussion]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Moscow, 2006.

Ruzhentseva N.B. *Diskreditiruyushchie taktiki i priemy v rossiyskom politicheskom diskurse*. [Discrediting Tactics and Techniques in Russian Political Discourse]. Ekaterinburg, 2004.

Ryadchikova E.N., Tkhakushinova Zh.B. *Rechevoy etiket kak pokazatel' sil'noy yazykovoy lichnosti politika*. [Speech etiquette as an indicator of a strong linguistic personality of a politician]. In: *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Bulletin of the Adyge State University]. Maykop, 2009. No. 4.

Trokhinova O.I. *Legitimatsiya nepopulyarnykh politicheskikh resheniy: kommunikatsionnyy aspekt*. [Legitimation of unpopular political decisions: the communication aspect]. Cand. of Philol. Diss. St. Petersburg, 2019.

Chudinov A.P. *Politicheskaya lingvistika*. [Political linguistics]. Moscow, 2006.

Sheygal E.I. *Semiotika politicheskogo diskursa*. [Semiotics of Political Discourse]. Moscow, Volgograd, 2000.

Bayley P. *Live oratory in the television age: The language of formal speeches*. Bologna, 1985.

Franke M., Rooij R. van *Strategies of Persuasion, Manipulation and Propaganda: Psychological and Social Aspects*. Berlin, Heidelberg, 2015.

List of sources

- <https://www.instagram.com/p/B-ZxEtsifqe/>
https://www.instagram.com/tv/B_ZrlQXIBo2/?utm_source=ig_web_copy_link
https://www.instagram.com/p/B_w3F4wIo3g/
<https://www.facebook.com/bayern/videos/214654166309639/>
<https://www.facebook.com/bayern/videos/218094942620622/?v=218094942620622>
https://www.facebook.com/watch/?ref=search&v=814523509068033&external_log_id=b7b3c2f1-fb4f-4422-9d63-ee91ad39688e&q=markus%20s%C3%B6der
<https://www.facebook.com/bayern/videos/820372785040358/>
<https://www.facebook.com/markus.soder.75/videos/537611757171917>
Wie Politiker Currywurst essen. URL: https://www.deutschlandfunkkultur.de/philipp-manow-die-zentralen-nebensaechlichkeiten-wie.1270.de.html?dram:article_id=392795

ОБРАЗНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КОЛЕБАТЕЛЬНОГО И РАЗНОНАПРАВЛЕННОГО ДВИЖЕНИЯ В ДИАЛЕКТЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА SCOTS

Л.В. Надеина, Е.В. Швагрукова, Д.А. Терре

Ключевые слова: глаголы движения, шотландский диалект, метафора, сема, колебательное и разнонаправленное движение, ориентир.

Keywords: verbs of movement, Scottish dialect, metaphor, seme, oscillatory and multidirectional movement, orientation point.

DOI 10.14258/filichel(2021)4-03

Введение

Известно, что стандартная абстрактная ситуация движения может быть охарактеризована через определенный набор параметров, который включает в себя то, что движется, т.е. субъект движения (или «фигура»), то, относительно чего совершает движение субъект (или «фон»), и то, что включает в себя точку начала передвижения и конечную точку движения (или «путь») [Talmy, 1975, 1985].

Человек, наблюдающий окружающий мир невооруженным глазом, воспринимает движение как перемещение живых существ и предметов в физическом пространстве и выделяет те признаки, которые являются значимыми, а именно — направленность движения, скорость перемещения и интенсивность.

Рассматривая детально абстрактную категорию «направленность движения», которая входит в семантику абсолютно всех глаголов движения, отмечаем, что в классе глаголов колебательного движения она актуализируется в таком семантическом признаке, как движение «на одном месте или в пределах ограниченного пространства».

Как показывают наблюдения, так могут двигаться как живые существа, так и неодушевленные предметы, которые каким-либо образом оказываются зафиксированными в пространстве и поэтому являются несвободными в своем движении. Вот почему такие глаголы называют глаголами «несвободного» или «частичного» движения [Ибрагимова, 1988, с. 67].

Выделенный выше компонент значения — скорость, который иллюстрирует быстроту перемещения субъекта (объекта) из одного пункта в другой, принимает участие в механизме метафоризации в качестве основы переноса и является наиболее частотным в семантической сфе-

ре движения. Скорость может оцениваться по темпу. Это значит, что на градуальной шкале мы должны выбрать точку, которая будет показывать так называемое нулевое состояние и означать перемещение «ни быстро» — «ни медленно». И относительно этой точки будет выстраиваться оппозиция «быстро» — «медленно».

Представление о семантической сфере языка как об упорядоченной системе явилось исходной точкой повышенного внимания и активного интереса к изучению глаголов движения. Нельзя не отметить, что в последнее время появилось огромное количество работ, которые посвящены этому классу глаголов в самых разных аспектах.

В последние десятилетия исследуют семантику движения и в таком быстро и очень активно развиваемом научном направлении, как когнитивистика. Многие ученые (Т. Анштатт, Т. Янко, Анна А. Зализняк и др.), работая в этом направлении, исследовали место и роль глаголов движения в процессах миромоделирующей деятельности языкового сознания. Бесспорным остается тот факт, что интерес к метафоре как механизму смыслообразования и сейчас не угасает, а лишь усиливается. Несмотря на то, что типы метафор были детально изучены и представлены в структурно-системных исследованиях, работ, которые касаются описания процесса метафоризации на уровне лексической семантики, не очень много. Для того чтобы изучить процесс метафоризации, исследователям надо было выйти за рамки системно-структурного подхода. Этот выход позволил ученым доказать, что метафора — это не что иное, как одно из проявлений когнитивной деятельности человека.

Когнитивистика, полностью отказавшись от традиционного взгляда на метафору, который трактовал метафору как «сокращенное или свернутое сравнение», стала рассматривать её как главную ментальную операцию, как такой способ, при помощи которого познается, структурируется, оценивается и объясняется мир [Чудинов, 2001, с. 203–204]. Ещё Дж. Лакофф и М. Джонсон, стоявшие у истоков когнитивного направления в лингвистике, утверждали, что метафора является базовым принципом миромоделирования, поскольку «пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении и действии. ... процессы мышления человека в значительной степени метафоричны» [Дж. Лакофф, М. Джонсон, 1990, с. 387–390].

Многие приверженцы когнитивного подхода говорили о том, что «главную роль в повседневных семантических выводах играют не формализованные процедуры типа дедукции и индукции, а аналогия. В основе последней — перенос знаний из одной содержательной области в другую.

И с этой точки зрения метафора является языковым отображением крайне важных аналоговых процессов» [Петров, 1990, с. 139].

Появившиеся в последние десятилетия исследования многих отечественных лингвистов показали, что языковая метафора успешно подвергается комплексному анализу, т.е. она изучается как с точки зрения семантической специфики, так и с когнитивной (А.П. Чудинов, Н.А. Мишанкина и др.). Ученые доказали, что эти два направления не только могут объединяться, но и делать это объединение успешным.

Цель, задачи и методы исследования

Цель данного исследования — определение способов образной интерпретации колебательного и разнонаправленного движения в шотландской диалектной метафоре. Чтобы достичь цели, нам необходимо решить следующие задачи:

1. Определить группу диалектной глагольной метафорической лексики со значением «колебательное и разнонаправленное движение».
2. Представить параметры, которые лежат в основе создания метафорического образа данного типа движения в лексической метафоре диалекта Scots.
3. Выявить и описать сферы аксиологической направленности метафорических образов этого типа движения в шотландском диалекте.

Материал и методы исследования. В нашей работе изучению и анализу подвергаются глаголы, обозначающие колебательное и разнонаправленное движение, в диалекте Scots. Исследование в практическом плане опирается на данные шотландско-английских словарей Chamber's Scots Dictionary и Warrack Alexander Chambers Scots dictionary.

Для исследования из вышеназванных словарей нами было отображено около 200 глаголов колебательного и разнонаправленного движения.

Используя в работе методику исследования метафоры, которая удачно сочетает в себе как лексико-семантический, так и когнитивный подходы, анализ материала мы провели в два этапа. Первый этап включает проведение анализа слова как минимальной лексической структуры (компонентный анализ исходного и метафорического значения).

По справедливому замечанию О.Н. Селиверстовой, метод компонентного анализа, который начал интенсивно использоваться в лингвистике в конце 1950-х гг., пережив «периоды взлетов и падений, никогда не переставал реально применяться в семантике» [Селиверстова, 2004. с. 81].

На основе анализа лингвистической литературы установлено, что семантические компоненты, которые выделяются в результате компонентного анализа, «могут обозначаться по-разному, например, «семантические компоненты» (У. Вейнрейх), «элементарные смыслы» (Ю.Д. Апресян), «дифференциальный признак» (И.В. Арнольд), «минимальный квант содержания» (А.А. Камалова) и др.» [Лагута, 2003, с. 22]. Вслед за лексикологами Л.М. Васильевым, И.А. Стерниным и другими, мы в своей работе будем придерживаться термина «сема».

Что касается второго этапа, то он предполагает реконструкцию когнитивной модели, которая создается на основе рассмотрения минимальных когнитивных структур.

В своем исследовании мы попытались построить систему метафорических моделей, которые показывают то, как носители шотландского диалекта Scots воспринимают движение. Следует пояснить, что под *метафорической моделью* мы понимаем самый общий тип отношения исходной понятийной области (или сферы-источника) и результативной области (или сферы-мишени), которые характеризуются общностью направления метафорического переноса.

Итак, мы использовали в своей работе такие методы исследования, как метод сплошной выборки и прием количественного подсчета, метод структурного анализа семантики глагола, а также метод когнитивного моделирования.

Рассматривая класс глаголов данного типа движения, в котором категория «направление движения» заключена в определенном семантическом признаке «на одном месте или в пределах ограниченного пространства» и показывается при помощи конкретизаторов «туда — сюда», «взад — вперед», видим, что такое движение может осуществляться как на твердой поверхности, так и в воздухе.

Нам было необходимо не просто найти и изучить определенную форму движения, а исследовать языковые метафорические способы интерпретации семантики вышеназванных типов перемещения, когда объект (субъект) является закрепленным сверху, находясь в подвешенном состоянии, или зафиксированным в нижней точке соприкосновения с твердой поверхностью имеет почти свободную траекторию движения. Бесспорным является тот факт, что, когда человек наблюдает мир, в котором он живет, он, естественно, следит за всеми происходящими в нем ситуациями, отмечает динамику и, конечно, оценивает окружающую его действительность. Мир вокруг человека сложно представить в статике: все быстро движется и стремительно меняется. Доказательства связи поля движения с полем оценки находим в трудах

многих зарубежных и отечественных исследователей (Н.Д. Арутюнова, Лакофф Д., Джонсон М., В.Н. Телия, Г.Н. Складаревская и многие другие).

Говоря об оценке, многие ученые в своих исследованиях показывают, что она национально окрашена. Они доказали, что лексический материал можно и нужно изучать с позиций аксиологических доминант определенного этноса. Нельзя не согласиться с тем, что такой подход предполагает «не столько описательную классификацию языковых единиц, сколько выделение основных типов поведения, свойственного представителям конкретного этноса и, тем более, представителям определенного социального слоя в его составе. Типы поведения выделяются при помощи культурно-антропологических схем и приоритетных норм» [Лагута, 2003. с. 135–136].

В данной работе, исследуя глагольную лексику в диалекте Scots, представляющую в исходном номинативном значении колебательное и разнонаправленное движение, мы изучили связь данных глаголов движения с оценкой, а также показали, какие дополнительные оценочные смыслы они могут отражать. В качестве примера приведём некоторые из них:

wow - wave — «*колыхаться*»;

showl - twist — «*изгибаться, виться*»;

wampish — move backwards and forwards — «*двигаться туда-сюда*»;

swye - swing — «*колебаться, качаться*»;

waif - flap — «*качаться, колебаться*»;

shuggle - sway — «*колебаться, качаться*»;

swee - swing — «*качаться*»;

waff - flap — «*качаться, колебаться*» и многие другие.

Известно, что движение из стороны в сторону в языковом сознании связывается с отсутствием цели. Такое восприятие данного типа движения не случайно. Многочисленные исследования показывают, что корнями оно уходит в далекое прошлое. Нельзя не согласиться с Н.Д. Арутюновой, которая доказывает, что отсутствие цели свойственно мифологической модели мира с ее цикличностью, бесконечным возвращением к началу и невозможностью определить конец движения [Арутюнова, 1987, с. 14–19].

Результаты исследования

Мы рассмотрели возвратно-поступательное движение в метафорическом отражении и, анализируя глагольную лексику в шотландском диалекте Scots, в первую очередь обратили внимание на те компоненты значения, которые при создании образов являются основными. Такими компонентами в данном типе движения являются «субъект» (это

может быть как одушевленный предмет, так и неодушевленный), «среда» (как воздух, так и земля), а также «способ» (как неоднократное возвращение в исходную точку, так и движение по типу «зигзаг»).

Образы разнонаправленного и колебательного движения являются сферой-источником для метафорического моделирования как социальной, так и эмоциональной сфер человеческого существования. Создается метафорическая модель «Двигаться из стороны в сторону — совершать асоциальные поступки». Подвергая детальному анализу, например, такие глаголы, как: *scurry* с исходным значением (далее ИЗ) “*move from place to place*” — «передвигаться с места на место»; *pander*: ИЗ “*move in a silly, aimless way from place to place*” — «передвигаться с места на место»; *whiggle*: ИЗ “*move loosely*” — «двигаться свободно»; *swirl*: ИЗ “*move or turn round*” — «двигаться, поворачиваться кругом» и многие другие, видим, что в ИЗ у всех вышеперечисленных глаголов актуализирована сема «беспорядочное движение чего-либо во все стороны». Анализ данных глагольных лексем позволил сделать вывод о том, что образ с таким типом движения, предполагающий многократное возвращение в исходную точку, является базой для формирования образа бесцельного времяпрепровождения.

Как было сказано ранее, за долгие годы существования любого народа, этноса или социальной группы формируется своя система ценностей, через призму которой представители этого народа воспринимают реальный мир. Исследуемый материал показал, что культура страны, в которой живет человек, дает положительный образ человека-труженика, то есть он метафорически интерпретируется через отношение его к труду, который является одной из главных ценностей (*scurry* с ИЗ “*move from place to place*” — «передвигаться с места на место» и метафорическим значением (далее МЗ) “*wander about aimlessly*” — «бродить без цели»; *pander*: ИЗ “*move in a silly, aimless way from place to place*” — «передвигаться с места на место» и МЗ “*trifle at work*” — «заниматься пустяками, относиться несерьезно к чему-л.» и др.).

Именно трудолюбие, желание преуспеть и получить материальные блага за проделанную работу отличают жителей Шотландии от представителей других стран. Безусловно, на такое отношение к труду повлияло географическое положение и климат, которые вынуждали шотландцев прилагать усилия, чтобы обработать немногочисленные участки плодородных земель. Поэтому лень, праздность, передвижение без цели, ничего не делая, для них совершенно неприемлемы и несут в себе отрицательные качества. Следует отметить, что шотландцы так же практичны, как и трудолюбивы, поэтому всегда руководствуются голосом

разума и не склонны совершать легкомысленные и необдуманные поступки, которые оцениваются представителями данной культуры негативно (*whiggle* с ИЗ *“move loosely”* — «двигаться свободно» и МЗ *“trifle”* — «вести себя легкомысленно»; *swirl* с ИЗ *“move or turn round”* — «двигаться, поворачиваться кругом» и МЗ *“be seized with giddiness”* — «быть легкомысленным» и др.).

Интересными в плане анализа представляются такие шотландские диалектные глаголы, как, например, *shoogle* с ИЗ *“shake”* — «трясти, расшатывать» и МЗ *“dangle”* — «манить, соблазнять»; *smug* с ИЗ *“go about stealthily”* — «ходить туда и сюда, двигаться крадучись» и МЗ *“toy amorously in secret”* — «флиртовать, соблазнять»; *wow* с ИЗ *“wave”* — «колыхать, качаться» и МЗ *“beckon”* — «привлекать, манить к себе, делать знаки» и многие другие, которые одновременно относятся и к группе глаголов, показывающих стандартное колебательное движение, и к группе глаголов с разнонаправленным движением.

Таким образом, в ИЗ глагольных лексем важными являются такие семантические компоненты, как «отклонение от вертикали» и «туда-сюда». Отмечаем, что в основу переноса кладется семантика разностороннего движения субъекта. Что касается оценки данной метафоры, то она отрицательная. Это напрямую связано с компонентом, имплицитным основным семантическими компонентами ИЗ — отклонение от вертикали, от «стержня», от чего-то прямого, следовательно, правильно, и более широко — лишение предмета устойчивости.

Итак, движение по такой траектории (туда и сюда) служит сферой-источником образного осмысления ряда ненормативных социальных действий и поступков, поведения человека, в том числе и любовных отношений. Соблазнять человека, склонять его к чему-либо, пусть даже на очень непродолжительное время, заставлять его любимыми способами отклониться от «стержня», от своих морально-нравственных основ, поддаваться чувствам, тем самым нарушив нормы, стандарты поведения человека в обществе, не приветствуется членами данного общества и поэтому подлежит порицанию. Флирт в любой этнокультуре рассматривается как игра, как забавное и несерьезное действие, которое никак нельзя сравнить с таким истинным и глубоким чувством, как любовь.

Нельзя не согласиться с Л.Е. Вильмс, которая, исследуя концепт «Любовь», указывает на то, что «ни одно из проявлений человеческой психики не привлекало к себе столько внимания и ни одно из них не было в умах и на устах великих и простых людей, как любовь» [Вильмс, 1997, с. 20–21]. Рассматривая «любовь» как определенное эмоциональ-

ное состояние, исследователь признает ее эмоциональной универсалией и выделяет такие признаки данного концепта, например, как интимность, уважение, теплота, страсть, преданность, глубина и многие другие. Как показывает исследование, лингвистическое кодирование данного понятия тоже является универсальным. И возвращаясь к тому, как флирт воспринимается в разных этнокультурах, приходим к выводу, что легкомысленность, безрассудность, нескромность и безответственность воспринимаются как нарушение моральных и нравственных норм данного сообщества и оцениваются негативно.

Образ возвратно-поступательного движения служит источником осмысления эмоционального состояния человека. Формируется метафорическая модель «Совершать колебательные движения — проявлять эмоцию в состоянии тревоги». В данной ситуации при метафорическом переносе на первый план выступает такой признак, как небольшая, но постоянная амплитуда колебания, которая появляется при воздействии одного предмета, обладающего или большей массой, или большей силой, на другой.

Эту модель представляют такие шотландские диалектные глаголы, как, например, *waff* с ИЗ “*flap*” — «качаться, колебаться» и МЗ “*flutter*” — «беспокоиться, волноваться»; *tirse* с ИЗ “*move with jerk*” — «двигать рывками» и МЗ “*tear*” — «беспокоиться, не находить себе места»; *waif* с ИЗ “*flap*” — «качаться, колебаться» и МЗ “*fluctuate*” — «беспокоиться, волноваться» и др. При анализе данных диалектных глаголов наблюдаем такую ситуацию, когда колебательные движения с не очень большой амплитудой чаще всего неодушевленного предмета в МЗ глаголов получают дополнительные оценочные смыслы. Исходная понятийная ситуация такого вида движения имеет метонимическую связь с ситуацией, когда происходят подобного типа действия, состоящие из дрожания и содрогания тела человека (или его частей) в результате того, что человек испытывает сильное чувство страха или волнения.

В метафоре связь этих значений понимается как отношение значений, имеющих общую оценочную основу. Выделяя такой начальный семантический компонент, как «незначительные колебательные движения», видим, что при переходе в сферу, описывающую эмоциональное состояние человека, он реализуется в метафорическом значении оценки человека, который находится в состоянии сильного душевного переживания или состоянии панического страха, в таких параметрах, как слабовольный, неуверенно чувствующий себя человек.

Известно, что на систему ценностей, сформировавшихся в культуре Шотландии, большое влияние оказало географическое положение,

ее климат, история развития страны, а также литературные и мифологические традиции. Так, например, произведения устного народного творчества говорят о том, что представители Шотландии — люди смелые, отважные воины, готовые сражаться за независимость своей страны до последней капли крови. Они обладают таким качеством, как храбрость, поскольку показывают, что, невзирая на опасность, могут совершать подвиги без страха, проявляя хладнокровие.

В МЗ вышеназванных диалектных глаголов оценка человека представлена такими показателями, как возможность проявить физическую слабость, спастись перед опасностью, утратить твердость духа. Следовательно, можно констатировать, что человек, которого может вывести из состояния равновесия какое-нибудь плохое известие, морально его подавить и заставить сетовать на судьбу, не пользуется уважением у шотландцев и оценивается отрицательно.

Метафорически интерпретируя явления физиологической сферы, видим, что семантика нерегулярных движений и беспорядочных перемещений является основой для создания образа человека, у которого не все хорошо со здоровьем. Формируется следующая метафорическая модель — «Совершать колебательные движения — иметь проблемы со здоровьем». В группу глаголов, иллюстрирующих подобную ситуацию, входят такие диалектные глагольные лексемы, как *sheegle* с ИЗ “*shake, joggle*” — «трястись, двигаться толчками» и МЗ “*be rickety*” — «иметь хрупкое здоровье»; *shieg* с ИЗ “*joggle*” — «двигаться толчками» и МЗ “*be rickety*” — «иметь хрупкое здоровье»; *shuggle* с ИЗ “*sway*” — «качаться, резко колебаться» и МЗ “*become rickety*” — «стать слабым, расширять здоровье»; *shiegle* с ИЗ “*joggle*” — «двигаться толчками» и МЗ “*be rickety*” — «иметь хрупкое здоровье» и др.

Данную ситуацию, которую представляют вышеназванные глаголы, мы можем описать следующим образом: любой одушевленный субъект или неодушевленный объект начинает совершать на каком-либо ограниченном пространстве резкие толчкообразные движения. Анализируя данный вид движения, отмечаем, что при переносе значения в область, относящуюся к физиологическому состоянию человека, в таком типе перемещения на первый план выходят такие признаки, как траектория движения и ограниченное пространство, на котором, собственно, и осуществляется это движение. Состояние человека образно интерпретируется как отклонение в ту или иную сторону от нормы, поскольку нормой является вертикальное положение. Если человек физически здоров и его ничего не беспокоит, он не имеет никаких патологий, то он передвигается вертикально, держится строго перпенди-

кулярно земле, то есть прямо, полностью соответствуя тому, как ведет себя здоровый человек.

Актуализируемая в ИЗ вышеназванных диалектных глаголов сема интенсивности, выраженная признаками «не резко / резко», «слегка / сильно», связывается с представлениями о начале выполнения субъектом каких-либо движений и служит основой формирования образа состояния человека, чей организм подвергается каким-либо «толчкам», влияниям извне, приводящим его к болезням и недомоганиям, что влечет за собой отклонение от нормы, так как нормой здорового человека является отсутствие признаков любой патологии. В ценностном мире шотландской национальной культуры отклонение от нормы является тем критерием, который при соизмерении объекта со стандартом, показывает, что это не соответствует идеалу (норме) и поэтому воспринимается представителями данной нации как «плохое», отрицательное.

Следующая метафорическая модель «Изгибаться — проявлять неуважение» связана с образной интерпретацией движений человеческого тела, которые могут характеризовать тип ненормального социального поведения — проявление неуважения к другим. В данном случае наблюдаем, что актуализированным семантическим компонентом является признак «колебание какой-либо одной части объекта» в таких шотландских диалектных глаголах, как *school* с ИЗ “*twist*” — «*изгибаться, виться*» и МЗ “*grimace*” — «*гримасничать*»; *showl* с ИЗ “*twist*” — «*изгибаться, виться*» и МЗ “*grimace*” — «*гримасничать*» и многих других. Рассматривая ненормальное положение тела человека, отмечаем, что человек, совершая подобного рода движения, изгибаясь, отклоняется от физической нормы, вынуждает себя становиться в неудобную (а иногда и противостественную) позу. Эти признаки неестественного положения тела легли в основу образного осмысления данного вида движения. Такое поведение, такое отношение к своему телу метафорически интерпретируется как способность человека также относиться к другим, то есть выражается в неуважении к другим людям, проявляясь в том, что человек для привлечения внимания не гнушается ничем (может кривляться, паясничать, очень сильно изгибать, «ломать» свое тело и этим нарушать гармонию и комфорт, и т.д.). Это все связывается с представлением о нарушении человеком правил поведения в обществе (морально-нравственный аспект).

Образ движения субъекта-человека «непрямого, с отклонениями то вправо, то влево» кладется в основу моделирования смысла «искажение чего-либо». Формируется следующая метафорическая модель «Совершать разнонаправленные движения — изменять что-либо». Се-

мантический компонент «отклонение вправо-влево» оказывается в фокусе таких шотландских диалектных глагольных лексем, как *shevel* с ИЗ “*walk unsteadily and obliquely*” — «идти покачиваясь, наклоняясь» и МЗ “*distort*” — «искажать, коверкать, представлять в ложном свете»; *wauchle* с ИЗ “*stagger*” — «идти, шатаясь, покачиваясь» и МЗ “*puzzle*” — «приводить в недоумение, ставить в тупик, запутывать»; *sheavle* с ИЗ “*walk unsteadily*” — «идти покачиваясь» и МЗ “*distort*” — «искажать, коверкать» и многие другие.

Анализируя глаголы, видим, что в ИЗ субъект является одушевленным. Данный субъект совершает такое перемещение, которое можно охарактеризовать как движение с отклонениями то вправо, то влево. Идти, покачиваясь, то есть уходя то в одну сторону (вправо), то в другую (влево) от вертикали, от «стержня», метафорически интерпретируется как искажение информации, отклонение от нормы, как неверная подача фактов. Такое поведение человека, позволяющее путем искажения достоверной информации нанести ущерб другому члену данного сообщества, представив всё в ложном свете, порицается в социуме, считается недопустимым, неприемлемым и оценивается негативно. Правда всегда ассоциируется с нормой, законом и порядком, поэтому честный и правдивый человек — это человек «со стержнем», прямой, тот, кто не идет на попятную, не отклоняется от своих убеждений, не искажает информацию, не лжет другим.

Выводы

Таким образом, проанализировав класс глаголов колебательного и разнонаправленного движения в шотландском диалекте Scots, отмечаем, что здесь наблюдается большая степень общности в характере метафорического осмысления колебательного и разнонаправленного движения. Эта общность выражается в том, что чаще всего сферой-мишенью в метафорических переносах являются область социальных действий, поступков, поведения и отношений человека. Говоря об оценке, нельзя не отметить, что на базе семантики колебательного и разнонаправленного движения объединяющим началом метафорического моделирования разных сфер жизни является отрицательная оценочность.

Библиографический список

Анштатт Т. Стремление к лучшему: семантическое поле движения как база для выражения оценки // Логический анализ языка. Языки динамического мира. Дубна, 1999.

Аругюнова Н.Д. Аномалии и язык (К проблеме языковой картины мира) // Вопросы языкознания. 1987. №3.

Васильев Л.М. Семантика русского глагола. М., 1981.

Вильмс Л.Е. Лингвокультурологическая специфика понятия “Любовь”. На материале немецкого и русского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1997. URL: <http://cendomzn.ucoz.ru/index/0-19148> (режим доступа: 04.02.2021).

Зализняк Анна А. Метафора движения в концептуализации интеллектуальной деятельности // Логический анализ языка. Языки динамического мира. Дубна, 1999.

Ибрагимова В.Л. Семантика русского глагола (Лексика движения). Уфа, 1988.

Лагута О.Н. Метафорология: теоретические аспекты. Новосибирск, 2003. Ч.2.

Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990.

Мишанкина Н.А. Феномен звучания в интерпретации русской языковой метафоры : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2002.

Петров В.В. Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу // Вопросы языкознания. 1990. №3.

Селиверстова О.Н. Компонентный анализ многозначных слов. М., 1975.

Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб., 1993.

Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова. Воронеж, 1979.

Телия В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. М., 1988.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург, 2001.

Янко Т. Движение к худшему: глаголы движения в значении порчи // Логический анализ языка. Языки динамического мира. Дубна, 1999.

Talmy L. Semantics and syntax of motion. In John Kimball (Ed.), *Syntax and Semantics*. New York, 1975.

Talmy L. Lexicalization patterns: semantic structure in lexical forms. In Timothy Shopen, *Language typology and syntactic description. Grammatical categories and the lexicon*. Cambridge. 1985.

Источники

Мультитран. Электронный англо-русский словарь. URL: <https://www.multitran.com/> (режим доступа: 15.04.2021).

Chamber's Scots Dictionary W. & R. Chambers, LTD. London, 1955.

Warrack Alexander. Chambers Scots Dictionary. Edinburgh, 1977.

References

Anshtatt T. *Stremlenie k luchshemu: semanticheskoe pole dvizheniya kak baza dlya vyrazheniya otsenki*. [Striving for the best: a semantic field of movement as a base for the expression of evaluation]. In: *Logicheskij analiz yazyka. Yazyki dinamicheskogo mira*. [Logical analysis of language. Languages of the dynamic world]. Dubna, 1999.

Arutyunova N.D. *Anomalii i yazyk («K probleme yazykovoy kartiny mira»)*. [Anomalies and Language (“To the problem of the linguistic picture of the world”)]. In: *Voprosy yazykoznaviya*. [Issues of linguistics]. 1987. No. 3.

Vasil'ev L.M. *Semantika russkogo glagola*. [Semantics of Russian verb]. Moscow, 1981.

Vil'ms L.E. *Lingvokul'turologicheskaya spetsifika ponyatiya “Lyubov”*: *Na materiale nemetskogo i russkogo yazykov*. [Lingvocultural particular characteristics of concept “Love” On the material of the German and Russian languages: abstract of a thesis]. Cand. of Philol. Diss. Volgograd, 1997. URL: <http://cendomzn.ucoz.ru/index/0-19148> (accessed 04.02.2021).

Zaliznyak Anna A. *Metafora dvizheniya v kontseptualizatsii intellektual'noy deyatel'nosti*. [Metaphor of movement in the conceptualization of intellectual activity]. In: *Logicheskij analiz yazyka. Yazyki dinamicheskogo mira*. [Logical analysis of language. Languages of the dynamic world]. Dubna, 1999.

Ibragimova V.L. *Semantika russkogo glagola (Leksika dvizheniya)*. [Semantics of Russian verb (Words of movement)]. Ufa, 1988.

Laguta O.N. *Metaforologiya: teoreticheskie aspekty*. [Metaphorology: theoretical aspects]. Novosibirsk, 2003. Part 2.

Lakoff D., Dzhonson M. *Metaforj, kotorymi my zhivem*. [The Metaphors We Live By]. In: *Teoriya metaforj*. [Theory of metaphor]. Moscow, 1990.

Mishankina N.A. *Fenomen zvuchaniya v interpretatsii russkoy yazykovoy metaforj*. [The phenomenon of sound in the interpretation of the Russian linguistic metaphor]. Cand. of Philol. Diss. Tomsk, 2002.

Petrov V.V. *Metafora: ot semanticheskikh predstavlenij k kognitivnomu analizu*. [Metaphor: from semantic representations to cognitive analysis]. In: *Voprosy yazykoznaviya*. [Questions of linguistics]. 1990. No. 3.

Seliverstova O.N. *Komponentnyj analiz mnogoznachnyh slov*. [Component analysis of polysemantic words]. Moscow, 1975.

Sklyarevskaya G.N. *Metafora v sisteme yazyka*. [Metaphor in the language system]. St. Petersburg, 1993.

Sternin I.A. *Problemy analiza struktury znacheniya slova*. [The problem of analysis of the word meaning structure]. Voronezh, 1979.

Teliya V.N. *Metafora kak model' smysloproizvodstva i ee ekspressivno-otsenoch'naya funktsiya*. [Metaphor as a model of meaning production

and its expressive-evaluative function]. In: *Metafora v yazyke i tekste*. [Metaphor in language and text]. Moscow, 1988.

Chudinov A.P. *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metaforoy (1991-2000)*. [Russia in a Metaphorical Mirror: A Cognitive Study of Political Metaphor (1991-2000)]. Ekaterinburg, 2001.

Yanko T. *Dvizhenie k khudshemu: glagoly dvizheniya v znachenii porchi*. [Movement for the Worst: Verbs of Movement in the Meaning of Damage]. In: *Logicheskiy analiz yazyka. Yazyki dinamicheskogo mira*. [Logical analysis of language. Languages of the dynamic world]. Dubna, 1999.

Talmy L. Semantics and syntax of motion. In John Kimball (Ed.), *Syntax and Semantics*. New York, 1975.

Talmy L. *Lexicalization patterns: semantic structure in lexical forms*. In Timothy Shopen, *Language typology and syntactic description*. Grammatical categories and the lexicon. Cambridge, 1985.

List of sources

Mul'titran. Elektronnyy anglo-russkiy slovar'. [Multitran. Electronic English-Russian dictionary]. URL: <https://www.multitran.com/> (accessed 15.04.2021).

Chamber's Scots Dictionary W. & R. Chambers, London, 1955.

Warrack Alexander. *Chambers Scots Dictionary*. Edinburgh, 1977.

МЕДИА ДЛЯ ДЕТЕЙ: ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ РАМКИ И ПАРАДИГМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

С.В. Харитонова

Ключевые слова: медиа для детей, терминологические рамки, теоретические парадигмы.

Keywords: media for children, terminological frameworks, theoretical paradigms.

DOI 10.14258/filichel(2021)4-04

Необходимость уточнения терминологического статуса понятия «медиа» продиктована расширением границ социальной практики его применения в публичном и научном дискурсах, что детерминировано, во-первых, технологической модернизацией, наблюдаемой в производстве и распространении массовой информации в последние годы, а во-вторых, — возросшим интересом к теоретическому осмыслению термина.

За время развития теории журналистики учеными сформулированы различные научные подходы к дефиниции «медиа», отличающиеся по своему содержанию и характеру в зависимости от факторов, оказывавших влияние на их развитие, а также от выбора исследователями основания для определения. Рассмотрим ключевые научно-теоретические идеи, имеющие ценность в детерминации объекта нашего исследования и рассматривающие его как канал (средство) передачи информации в рамках технологической парадигмы.

Английское слово «медиа», по мнению ученых, появилось в XVI в. «для обозначения людей, которые служили связующим звеном между двумя мирами: материальным и духовным». В XVII в. оно трактовалось как среда, влияющая на циркулирующую в обществе и «формирующую новые социальные смыслы информацию». С XVIII в. термин стали применять к появившимся печатным средствам массовой информации — газетам и журналам. Изобретение электрических средств коммуникации в XIX в. позволило рассматривать медиа в качестве «посредников» (от *medium* — посредник) — телеграфа, радио, телефона, которые служили для передачи информационного сообщения [Жилавская, 2016, с. 170–171].

Развитие и возрастающая популярность передающих технологий обусловили появление в 40-е гг. XX в. научных концепций, рассматривавших коммуникацию как механистический процесс трансляции информации (сообщений) по каналам связи [Encyclopedia of communication theory, 2009, p. 244]. Интерес представляет математическая теория коммуникации К. Шеннона и У. Уивера, которые разработали линейную модель передачи сообщения от адресата к адресанту по проводным каналам с использованием специальных технических устройств. При этом канал понимался учеными как «средство (the medium. — С.Х.), используемое для передачи сигнала от передатчика к приемнику. Это может быть пара проводов, коаксиальный кабель, полоса радиочастот, луч света и т.д.» (перевод автора. — С.Х.) [Shannon, Weaver, 1964, p. 41]. Канал коммуникации фигурирует в линейно направленной модели Г. Ласуэлла, состоящей из пяти вопросов «Кто говорит, что, кому, используя какой канал и с каким эффектом?», и трактуется как способ или средство передачи сообщения, с помощью которого можно достигнуть максимального пропагандистского эффекта на получателя [Encyclopedia of communication theory, 2009, p. 148].

Новый ракурс в понимании медиа появился в середине XX в. благодаря известному тезису М. Маклюэна «Средство коммуникации есть сообщение» (The medium is the message). Канадский исследователь обратил внимание на тесную связь между формой средства коммуникации, называемого «внешним расширением чувств и способностей человека», а также передаваемым им сообщением, призвав изучать не содержание, а собственно медиа, оказывающее влияние на развитие общества: «Сообщением казалось “содержание”, и люди имели привычку спрашивать, например, о чем эта картина. Между тем, им никогда не приходило в голову спрашивать, о чем эта мелодия, или о чем эти дом или одежда» [Маклюэн, 2003, с. 9–10].

Ученый предложил разделить медиа на «горячие» и «холодные», взяв в качестве основания для деления «высокую определенность» (или «состояние наполненности данными»). В соответствии с ним горячие медиа теоретик характеризовал «низкой степенью участия аудитории, а холодные — высокой степенью ее участия, или достраивания ею недостающего». К примеру, напечатанный комикс, по мнению Г. Маклюэна, дает мало визуальной информации в отличие от фотографии, и поэтому является «холодным» медиа «с низкой определенностью», позволяющим читателю пофантазировать, «додумать самому» [Маклюэн, 2003, с. 14]. Сформулированные ученым постулаты подчеркнули влияние структуры и формы медианосителей на общественное мышле-

ние, на вовлеченность аудитории в информационно-коммуникационный процесс.

В конце 80-х гг. XX в. в связи с постепенным распространением персональных компьютеров актуализировались исследования, посвященные их осмыслению в качестве посредников в межличностной коммуникации. Появились «теории компьютерно-опосредованной коммуникации», выявляющие специфику взаимодействия пользователей (Ш. Рафаэли, Н. Бэйм) и аватаров как признаков онлайн-идентичности индивидов (Ш. Теркл). Ученые анализировали «любые формы коммуникации, опосредованные цифровыми технологиями» (перевод автора. — С.Х.), предвзяя возникновение в 90-е гг. XX в. более объемной по масштабу концептуализации теории «новых» медиа [Encyclopedia of communication theory, 2009, p. 161–162].

В этой связи научную ценность представляет трактовка медиа, сформулированная М. Кастельсом в его статье 2007 г. «Communication, Power and Counter-power in the Network Society» («Коммуникация, власть и противодействие власти в сетевом обществе» (перевод автора. — С.Х.). Считая основным каналом коммуникации между политической системой и обществом систему традиционных СМИ — телевидение, радио и периодическую печать [Castells, 2007, p. 240], он подчеркнул, что «распространение интернета, мобильной связи, цифровых медиа и различных инструментов социального программного обеспечения привело к развитию горизонтальных сетей интерактивной коммуникации», соединяющих локальное и глобальное. Тем самым исследователь обозначил возникновение «новой формы социальной коммуникации — массовой самокоммуникации», выделив в качестве основных ее характеристик мультимедийность, самогенерируемость в содержании, самонаправленность в распространении и самоизбирательность в потреблении другими. При этом медиа трактовались им как средства, обеспечивающие возможность «разнообразия и растущей автономности коммуникативных потоков, но не определяющие контент и эффекты его сообщений» (перевод автора. — С. Х.) [Castells, 2007, p. 248].

В XXI в. академическое сообщество продолжает относить «медиа» к многозначным понятиям. Их интерпретация в качестве «медиазированных (опосредованных) коммуникаций» [Кирия, Новикова, 2017, с. 26] характерна для зарубежных исследований, которые предусматривают применение различных видов приспособлений для распространения сообщений, адресованных широкой аудитории (телевидения, радио, печатных СМИ и кинематографа). Так, профессор факультета медиа и коммуникаций Лондонской школы экономики и полити-

ческих наук С. Ливингстон, исследуя воздействие меняющихся условий медиации на повседневную жизнь детей и подростков, диверсифицирует медиа на «старые» и «новые». К первой группе она относит телевидение, радио и печатные СМИ, а ко второй — персональные компьютеры, интернет и мобильные телефоны, применяя ко всем перечисленным видам категорию «медиа» (перевод автора. — С. X.). [Livigston, 2013, p. 7–28]. На схожую трактовку понятия в англоязычной литературе, охватывающего «все формы опосредования информации» — от мобильных телефонов до плазменных экранов, указывает М. Загидуллина, предлагая, однако, рассматривать медиа в качестве «собирательного обозначения платформ, инструментов, технических объектов и связанного с ними содержания информационного обмена, исключая массмедиа, а массмедиа — как традиционные СМИ (включая их интернет-формы: радио, телевидение и прессу)» [Загидуллина, 2019, с. 30–33].

В отечественном дискурсе на протяжении XX в. «медиа» интерпретировались в относительно узком значении средств массовой информации (СМИ) или «массмедиа», к которым относились печать, радио и телевидение [Коломиец, 2014, с. 22].

Комплексный анализ терминологического наполнения понятия «медиа» представлен профессором В. Ивченковым, который обосновывает частотные, ономаσιологические, деривационные, грамматические и орфографические свойства заимствования и приводит полную картину его семантических признаков. По мнению ученого, семантические расхождения в употреблении рассматриваемого термина берут начало с различия латинизма «медиа», суть которого сводится к семам *середина*, *средоточие*, *центр*, *посредник*, *средство*: *Est in media verum* — Истина посередине; *mediatus* — посредник, *meditatio* — размышление, *mediale* — середина, среда, сердцевина, *medium* — середина, средоточие, центр, общество, *medius* — средний, центральный, между небом и землей. Отсюда очевидна связь между медиа и средством, которое «в семасиологии является многоаспектным: от середина, среда к концептуальному сердце» [Їчанкаў, 2019, с. 32]. В научной практике как обобщающий термин медиа закрепился именно за средствами массовой информации.

Смысловое уподобление понятий было связано, по мнению В. Корконосенко, с неточностями перевода слова *media* с английского языка на русский, что привело к их отождествлению. Однако термины, с точки зрения профессора, не эквивалентны друг другу, поскольку СМИ в соответствии с законодательными документами «обладают рядом строго очерченных организационных и институциональных признаков» [Корконосенко, 2018, с. 54].

Таким образом, описанные исследовательские подходы к определению «медиа» можно разделить на четыре основные группы. Первая предусматривает их понимание в наиболее широком смысле как «посредников», любых видов «медиа-технологизированных» каналов коммуникации (М. Маклюэн, К. Шеннон, У. Уивер, Г. Ласуэлл). Вторая группа отождествляет понятия «медиа» и «СМИ» («массмедиа»), относя их к технологическим средствам для сбора и распространения информации на широкую аудиторию (В. Ивченко, С. Ливингстон). Третья, наоборот, разграничивает категории «медиа» и «СМИ» (М. Кастельс, В. Корконосенко, М. Загидуллина).

В нашем исследовании наиболее релевантным видится истолкование «медиа» учеными четвертой группы (И. Кирия, А. Новикова, В. Коломиец, Е. Вартанова), наиболее точно сформулированное представителями московской школы журналистики как «родового понятия для массмедиа», «системы каналов и содержания, существующих в неразрывной связи» [Медиа-система России, 2017, с. 6–7]. Следование такому подходу обусловлено актуализацией взаимосвязи канала (средства) и распространяемого им контента в современных условиях цифровизации информационно-коммуникационных процессов. Подтверждением служит тезис Е. Вартановой, для которой сегодня «медиа — это и технологии распространения, и контент, произведенный специально и специальным образом отобранный, и, возможно, даже особая среда, которая возникает в технологическом пространстве в процессе взаимодействия аудитории, содержания и технологических устройств» [Вартанова, 2019, с. 41].

Вместе с тем следует подчеркнуть, что, несмотря на различные основания для понятийной дифференциации объекта, в исследованиях прослеживается объединяющий, общий ракурс его осмысления. Выделенные подходы к дефиниции «медиа» интегрируются в технологической точке зрения, рассматривающей их как средство, канал, форму или технологию.

На фоне кардинальных инновационных изменений в медиасфере на рубеже XX–XXI в. — умножения дигитальных средств и каналов передачи информации, роста мобильного медиапотребления среди населения Беларуси, повышения доступности ее получения аудиторией на различных электронных носителях, — которые фиксируют белорусские ученые [Градюшко, 2019, с. 247], понятие «медиа» невозможно детерминировать без учета цифровых технологических возможностей, используемых в производстве и распространении контента для детей. «Диффузия медиаинноваций», наблюдаемая в «процессе цифровизации ме-

диа как институтов и предприятий производства социально значимого контента, каналов его распространения и платформ доступа к информации и коммуникации», рассматривается современными исследователями в качестве одного из важнейших факторов изменений, повлиявших на природу средств массовой информации на глобальном и национальном уровнях [Вартанова, 2019, с. 18].

Представим этот процесс на конкретном примере деятельности белорусской журнальной прессы для детей, которая предлагает читателю, кроме печатной (традиционной), цифровые формы трансляции медиаконтента с помощью различных цифровых информационных каналов и ресурсов (сайтов, интернет-платформ, мобильных приложений, дисковых накопителей). Так, журналы издательства «Пачатковая школа» (с августа 2019 г. вошедшее в состав РУП «Издательство “Адукацыя і выхаванне”») «Юный техник и изобретатель», «Рюкзачок. Мир путешествий», «Рюкзачок», «Рюкзачок. Веселый зоопарк», благодаря внедрению в 2018 г. технологии дополненной реальности, помогают читателям визуализировать информацию номера с помощью мобильных устройств, подключенных к сети интернет, и специального приложения AIV — технологии расширения (дополнения) реальных объектов виртуальными. Издания расширяют охват потенциальной аудитории, адаптируя медиаконтент к разным веб-платформам с точки зрения его визуального и текстового представления современному медиапотребителю: размещают информационно-рекламные сообщения на сайте издательства pshop.by, публикуют видеобзоры новых выпусков на канале Youtube, предлагают новости, анонсы, розыгрыши в ВКонтакте, Facebook и Instagram. Примечательно, что к использованию цифровых информационно-коммуникационных технологий издательство «Пачатковая школа» обратилось одним из первых более 10 лет назад, когда печатные экземпляры журнала «Рюкзачок» начали выходить с электронными приложениями.

В настоящее время, как подчеркивают И. Кирия и А. Новикова, медиа охватывают, «в том числе (помимо СМИ. — С.Х.) неинституционализированные формы коммуникации (в рамках блогов, социальных сетей, интернета и новых цифровых информационных сетей)» [Кирия, Новикова, 2017, с. 30–32]. Интегральный характер медиа подчеркивает В. Коломиец, включая в их совокупность значительно большее количество технических средств, чем СМИ и СМК», но также «весь комплекс технических посредников, которые помогают строить коммуникацию» [Коломиец, 2014, с. 28].

Наше рассмотрение медиа как более широкого понятия, чем СМИ, согласуется с трактовкой, предложенной Л. М. Земляновой, во-первых,

как «средств связи и передачи информации различных типов — от самых древних <...> до новейших, образующих глобальные информационные супермагистрали» [Землянова, 2004, с. 200]. Во-вторых — как массмедиа, или «массовых средств информационных связей, которые отличаются особой атрибутикой и функциями» и отождествляются со СМИ [Землянова, 2004, с. 197]. Расширение комплекса технических средств обеспечения информационно-коммуникационного процесса позволяет нам отнести к детским медиа новейшие цифровые системы и мультимедийные веб-платформы как современные массовые и общедоступные каналы трансляции информации.

В соответствии с типологическими признаками, выявленными учеными — слияние на одной онлайн-платформе канала распространения контента и среды его производства, невозможность существования без экранных мультимедийных устройств, цифровой формы создания и распространения контента, а также выраженное свойство интерактивности [Медиасистема России, 2017, с. 11], к медиа целесообразно причислять сетевые издания, прошедшие государственную регистрацию в порядке, установленном Законом Республики Беларусь «О средствах массовой информации»; социальные сети, предназначенные для взаимодействия детей и подростков в группах и сообществах; а также любой другой интернет-ресурс — интернет-сайт, страница интернет-сайта, форум, блог, приложение для мобильного устройства, иной информационный ресурс (его составная часть), размещенный в интернете и распространяющий массовую информацию. Одновременно следует учитывать общепринятое понимание медиа на национальном уровне.

Толкование «медиа» как взаимосвязанных каналов (средств) и распространяемого ими содержания обнаруживает частичное семантическое совпадение с действующим в государстве нормативным (законодательным) определением термина. Так, согласно ст. 1 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2008 г. № 427-З «О средствах массовой информации», к СМИ относятся «газета, журнал, бюллетень, радио-, теле-, видео, кинохроникальная программа, сетевое издание, иная совокупность информационных сообщений и (или) материалов (передач), носящая периодический характер и предназначенная для неопределенного круга лиц»⁵. Законодательное определение термина позволяет отнести перечисленные виды СМИ к медиа, производственно-творческая

⁵ Закон Республики Беларусь «О средствах массовой информации» / Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. 2019. URL: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=H10800427>.

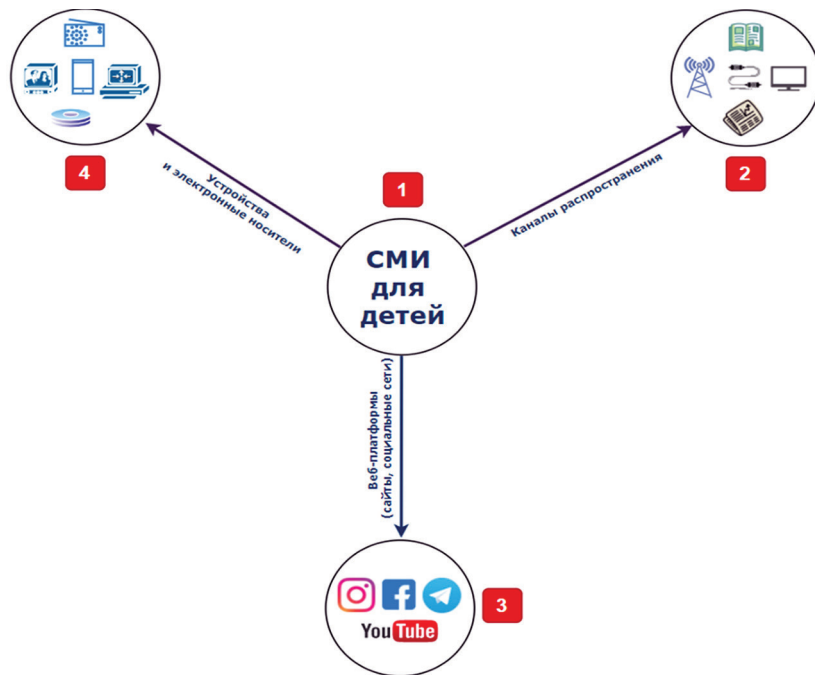
деятельность которых связана со сбором, обработкой и распространением общественно значимой информации для аудитории детей (или детской аудитории). А технологически инновационный характер реализации их деятельности, с 90-х гг. XX в. опосредованный цифровыми каналами, системами и платформами, использовать в научном обороте категории «медиа для детей», или «детские медиа»⁶.

Очевидно, что четкие терминологические рамки, которые бы фиксировали значение исследовательского поля и обозначали одно и то же явление, теоретиками не определены. Вместе с тем в силу многоаспектности объекта нашего анализа, а также ввиду разнообразия оснований и подходов, применяемых медиаисследователями к его детерминации, невозможно дать однозначное и разделяемое всеми научными школами журналистики толкование понятия. Не претендуя на его всеобъемлющее и универсальное определение, тем не менее, сформулируем операциональную дефиницию, которая позволит отразить эмпирический контекст белорусских медиа для детей. Медиа для детей, таким образом, рассматриваются нами как совокупность официально зарегистрированных средств массовой информации (газет, журналов, радио- и телеканалов, сетевых изданий), которые предназначаются для детской аудитории и распространяют актуальный для нее контент с помощью различных технологических каналов и цифровых ресурсов (устройств, электронных носителей, интернет-платформ и др.).

Понимание детских медиа в разрезе технологической парадигмы как СМИ, опосредованных цифровыми технологиями, позволяет нам представить их схематически в виде комплекса из четырех составляющих. Первую, основную, образуют адресованные детям средства массовой информации в их физическом воплощении (номер журнала/газеты, радио-/телепрограмма). Вторая включает в себя «технологические каналы» распространения массовой информации для детской аудитории — компьютерные сети, телевидение, радио, газетно-журнальную печать [Типология периодической печати, 2009, с. 37]. Третья состоит из веб-платформ (сайтов, социальных сетей, мобильных приложений), посредством которых транслируется контент детских СМИ в интернете. Четвертая предполагает наличие технических устройств воспроизводства информации (компьютера, телевизора, радиоприемника, мо-

⁶ В данной работе мы не дифференцируем эти понятия и рассматриваем их в качестве контекстуальных синонимов. Словосочетания используются в исследовании в значении медиа, созданных непосредственно для детской аудитории и адресованных различным ее возрастным категориям с учетом специфики их восприятия информации.

бильного телефона) и электронных носителей (например, дисковых накопителей), которые прилагаются к традиционным бумажным выпускам СМИ для детской аудитории (см. рис. 1).

Медиа для детей

Структурное различие компонентов детских медиа (средств и каналов, платформ и устройств), определяющее своеобразие транслируемого контента, обуславливают теоретическое осмысление исследовательского объекта в многообразии аспектов — технологическом, социологическом, культурологическом, функционально-типологическом — и придают ему «синтетический характер» [Варганова, 2019, с. 26]. Это обстоятельство актуализирует применение междисциплинарного подхода к изучению медиа для детей, следовательно, выбора совокупности научных инструментов, методов и принципов в разрезе сложившихся и формирующихся в академическом дискурсе теоретических парадигм.

Одной из ключевых, доминирующих в научном сообществе, выступает совокупность общепринятых фундаментальных установок эмпирико-функционалистов, исследовательский фокус которых сосредото-

чен на взаимовлиянии медиа и социума в динамике трансформации его сфер (информационно-коммуникационной, политической, экономической, культурной): на журналистике и ее «управленческом воздействии» на аудиторию [Прохоров, 2011, с. 52]; «многокачественности» и универсальности журналистики как общественного явления, которое «проникает во все сферы социальной жизни» [Корконосенко, 2001, с. 137]; «определенных эффектах в обществе, соответствующих СМИ» и «познаваемости медиаэффектов» [Кирия, 2017, с. 257; 261]; «предписании СМИ как социальному институту определенных целей и правил деятельности» [Вартанова, 2019, с. 57]; СМИ, которые «вливают на общество, оказывая тот или иной эффект» [Дунас, 2017, с. 6]; «медиатизации» и «вовлеченности СМИ в производство публичности» [Загидуллина, 2019, с. 18].

Рассмотрение каждого из представленных аспектов в контексте исследования детских медиа в динамике, таким образом, предусматривает применение ряда научно-теоретических подходов. В частности, социологического и культурологического, которые изучают медиа как фактор влияния на поведение и аксиологические ориентиры подрастающего поколения, а также как средства отражения информационных и ценностных предпочтений детской аудитории.

В этой связи научный интерес представляет формирующаяся в современной науке о журналистике антропологическая парадигма медиаанализа. Характеризующим ее фактором, по мнению Д. Дунаса, «следует считать внимание к социальному и культурному контексту, в который вовлечена аудитория СМИ, а также к индивидуальным особенностям человека», при этом «представление о структурированном характере аудитории, каналах связи внутри нее и влиянии межгрупповой коммуникации на общие убеждения в обществе» рассматриваются ученым как «антропологический компонент медиаисследований» [Дунас, 2017, с. 8].

Смещение фокуса в теоретическом анализе медиа на аудиторию как активный фактор развития медиасистемы, на ее медиаповедение и медиапотребление, выявляемое теоретиками [Вартанова, 2019, с. 58] детерминирует «межпарадигмальный характер» изучения аудитории СМИ, которая «попадает в поле социологической парадигмы, с одной стороны, и в поле собственно медиаисследований — с другой» [Дунас, 2017, с. 8]. Как следствие, интенсифицируется применение социологической методологии в изучении эмпирических данных: опросов, анкетирования, глубинных интервью. Она сделает возможным определение востребованных детьми тематических и жанровых направлений меди-

аконтента, знание которых необходимо для разработки эффективных контент-стратегий белорусских медиа для детской аудитории. Интерполяция полученных с помощью количественных методов объективных и репрезентативных сведений об информационных предпочтениях детской аудитории позволит установить закономерности трансформации ее аксиологических приоритетов в условиях переориентации духовно-нравственных и социокультурных ориентиров подрастающего поколения на различных этапах развития белорусского общества. В этой связи возникает необходимость теоретического осмысления детских медиа с культурологической точки зрения в двух аспектах.

С одной стороны, целесообразно направить исследовательский фокус на объект как сегмент отечественной системы СМИ, нацеленный на удовлетворение не только информационных, но и духовных потребностей детей. При этом анализ специфики формирования нравственной и эмоционально-ценностной сфер детской аудитории медийными средствами предполагает их рассмотрение в качестве основных ресурсов утверждения в сознании подрастающего поколения системы мировоззренческих установок, национальных ценностей и общечеловеческих идеалов. И здесь особое значение приобретает гармонизирующий характер массовой коммуникации в среде детской аудитории, на который обращает внимание профессор Т. Чернышова, подчеркивая важность «согласованности параметров коммуникантов», предполагающей совпадение ментальных, концептуальных, когнитивных систем автора и адресата, а также «приоритетность точки зрения адресата при интерпретации события (например, его идеологических установок и политических пристрастий, идеалов, ценностей и т.д.)» [Чернышова, 2018, с. 85].

С другой, — невозможно оставить за пределами научного анализа предложенный российскими учеными социокультурный ракурс в понимании журналистики как самодостаточной составляющей общества, формирующий культурный облик и удовлетворяющий культурные потребности социума в историко-временном измерении [Корконосенко, 2001, с. 151; Прохоров, 2011, с. 77–79]. Медиа для детей, следовательно, целесообразно изучать в качестве своеобразного ценностного феномена, во-первых, воспроизводящего общечеловеческие идеалы, а во-вторых, воссоздающего особый национально-культурный фон со свойственным ему самобытным развитием духовной сферы и народного самосознания белорусов.

Таким образом, исследование детских медиа приобретает междисциплинарный характер на стыке трех теоретических парадигм: техно-

логической, антропологической и эмпирико-функционалистской. Расширение границ использования в публичном и научном дискурсах понятия «медиа» обусловило необходимость уточнения его терминологического статуса. В разрезе технологической парадигмы медиа для детей рассматриваются как совокупность официально зарегистрированных средств массовой информации (газет, журналов, радио- и телеканалов, сетевых изданий), которые предназначаются для детской аудитории и распространяют актуальный для нее контент с помощью различных технологических каналов и цифровых ресурсов (устройств, электронных носителей, интернет-платформ и др.). Обращение к социокультурному контексту, в который вовлекается аудитория детских медиа, предполагает их рассмотрение с позиций культурологического, социологического и аксиологического подходов. В антропологическом срезе исследуемый объект выступает в качестве ценностно-смыслового феномена, во-первых, воспроизводящего общечеловеческие идеалы и мировоззренческие установки, а во-вторых — воссоздающего особый национально-культурный фон со свойственным ему самобытным развитием духовной сферы и народного самосознания белорусов. Эмпирико-функционалистский ракурс исследования позволяет сфокусироваться на взаимовлиянии медиа и детской аудитории, производимых ими эффектах, функциональности детского сегмента системы СМИ как системообразующей категории.

Библиографический список

- Вартанова Е.Л. Теория медиа: отечественный дискурс. М., 2019.
- Градюшко А.А. Белорусские медиа в новой технологической реальности / под ред. Е.Ю. Бурдовской, Г.Н. Трофимовой. Средства массовой коммуникации в многополярном мире: проблемы и перспективы: материалы VII Всероссийской научно-практической конференции. М., 2016.
- Дунас Д.В. Парадигмальный подход к изучению СМИ: опыт зарубежных исследователей // Вестник МГУ. Серия 10: Журналистика. 2017. № 4.
- Жилавская И.В. Классификация медиа. проблемы, понятия, критерии // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2016. № 4. Т. 2.
- Загидуллина М.В. Панмедиазация: закат вербальной коммуникации. Челябинск, 2019.
- Землянова Л.М. Коммуникативистика и средства информации: Англо-русский толковый словарь концепций и терминов. М., 2004.
- Кирия И. В. История и теория медиа: учебник для вузов. М., 2017.
- Коломиец В.П. Медиа социология: теория и практика. М., 2014.

Корконосенко С.Г. Основы журналистики : учебник для вузов. М., 2001.

Корконосенко С.Г. Медиа // Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник / под ред. Л.Р. Дускаевой. М., 2018.

Маклюэн Г.М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева. М., 2003.

Медиасистема России: учеб. пособие / под ред. Е.Л. Вартановой. М., 2017.

Прохоров Е. П. Введение в теорию журналистики: учебник для студентов вузов. М., 2011.

Типология периодической печати / под ред. М.В. Шкондина, Л.Л. Реснянской. М., 2009.

Чернышова Т. В. Композиционно-стилистические средства гармонизации текстов публицистического дискурса: в поисках утраченного диалога // Филология и человек, 2018. № 2.

Іўчанкаў В. І. Медыялінгвістыка ў Беларусі: набыткі, праблемы і перспектывы (паводле вынікаў навуковай канферэнцыі “Слова ў кантэксце часу”) // Роднае слова. 2019. №7.

Castells M. Communication, Power and Counter-power in the Network Society // International Journal of Communication. 2007. N 1.

Encyclopedia of communication theory / Stephen W. Littlejohn, Karen A. Foss, editors. London: SAGE, 2009.

Livingstone S., Bovill M. (ed.). Children and their changing media environment: A European comparative study. Routledge, 2013.

Shannon, C., Weaver, W. The mathematical theory of communication. Urbana: University of Illinois Press, 1964

References

Vartanova E.L. *Teoriya media: otechestvennyy diskurs*. [Theory of media: the domestic discourse]. Moscow, 2019.

Gradyushko A.A. *Belorusskie media v novoy tekhnologicheskoy real'nosti*. [Belarusian media in the new technological reality]. In: *Sredstva massovoy kommunikatsii v mnogopolyarnom mire: problemy i perspektivy: materialy VII Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. [Mass communication media in a multipolar world: problems and Prospects: materials of the VII All-Russian Scientific and Practical Conference]. Moscow, 2016.

Dunas D.V. *Paradigmal'nyy podkhod k izucheniyu SMI: opyt zarubezhnykh issledovateley*. [Paradigmatic approach to the study of mass media: the experience of foreign researchers]. In: *Vestnik MGU*. [Bulletin of the Moscow State University]. Zhurnalistika. 2017. No 4. Vol. 10.

Zhilavskaya I.V. *Klassifikatsiya media. problemy, ponyatiya, kriterii*. [Classification of media. problems, concepts, criteria]. In: *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tatishcheva*. [Bulletin of the Volzhski State University] 2016. No 4, Vol. 2.

Zagidullina M.V. *Panmediatizatsiya: zakat verbal'noy kommunikatsii*. [Panmediaceae: sunset verbal communication]. Chelyabinsk, 2019.

Zemlyanova L.M. *Kommunikativistika i sredstva informatsii: Anglo-russkiy tolkovyy slovar' kontseptsiy i terminov*. [Communication science and the media: the Anglo-Russian explanatory dictionary of terms and concepts]. Moscow, 2004.

Kiriya I. V. *Istoriya i teoriya media: uchebnik dlya vuzov*. [History and theory of media: textbook for universities]. Moscow, 2017.

Kolomiets V.P. *Mediasotsiologiya: teoriya i praktika*. [Mediasociology: theory and practice]. Moscow, 2014.

Korkonosenko S.G. *Osnovy zhurnalistiki: Uchebnik dlya vuzov*. [Fundamentals of journalism: Textbook for universities]. Moscow, 2001.

Korkonosenko S.G. *Media*. [Media]. In: *Medialingvistika v terminakh i ponyatiyakh: slovar'-spravochnik*. [Media linguistics in terms and concepts: dictionary-reference]. Moscow, 2018.

Maklyuen G.M. *Ponimanie Media: Vneshnie rasshireniya cheloveka*. [Understanding media: the extension of the person]. Moscow, 2003.

Mediasistema Rossii. [Media system of Russia]. Moscow, 2017.

Prokhorov E.P. *Vvedenie v teoriyu zhurnalistiki*. [Introduction to the theory of journalism]. Moscow, 2011.

Tipologiya periodicheskoy pechati. [Typology of Periodicals]. Moscow, 2009.

Chernyshova T.V. *Kompozitsionno-stilisticheskie sredstva garmonizatsii tekstov publitsisticheskogo diskursa: v poiskakh utrachenogo dialoga*. [Compositional and stylistic means of harmonizing the texts of publicistic discourse: in search of a lost dialogue]. In: *Filologiya i chelovek* [Philology & Human], 2018. No 2.

Luchankau V.I. *Medyyalingvistyka ŷ Belarusi: nabitki, problemy i perspektyvy (pavodle vynikaŷ navukovay kanferentsyi "slovy ŷ kantekstse chasu")*. [Medialinguistics in Belarus: stuffing, problems and prospects (based on the results of the scientific conference "Words in the context of time")]. In: *Rodnae slova*. [A native word]. 2019. No 7.

Castells M. *Communication, Power and Counter-power in the Network Society*. International Journal of Communication. 2007. No 1.

Encyclopedia of communication theory. London, 2009.

Livingstone S., Bovill M. (ed.). *Children and their changing media environment: A European comparative study*. Routledge, 2013.

Shannon, C., Weaver, W. *The mathematical theory of communication*. Urbana, 1964.

ГЕНЕЗИС РЕКЛАМНОЙ КОММУНИКАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС

Т.В. Солодовникова

Ключевые слова: рекламная коммуникация, генезис, Беларусь, газета, объявление, плакат, пропаганда.

Keywords: advertising communication, genesis, Belarus, newspaper, ad, poster, propaganda.

DOI 10.14258/filichel(2021)4-05

Введение

Последние десятилетия XXI в. были ознаменованы радикальными социально-технологическими изменениями, по масштабу «сопоставимыми только с неолитической революцией и с эпохой Великих географических открытий» [Солодовников, 2014, с. 6], приведшими к эволюции как содержательного, так и формального аспектов рекламы. Настоящий этап развития общества характеризуется созданием всеохватывающих сетей социального контроля и моделированием поведения больших групп. И реклама играет в этих процессах далеко не последнюю роль.

Системному исследованию рекламной коммуникации посвящено крайне мало работ не только на постсоветском пространстве, но и за рубежом, при этом российские исследователи вынуждены в большей степени апеллировать к западным и американским источникам, а решение многих вопросов в обозначенной области до сих пор носит дискуссионный характер. Что же касается Республики Беларусь, то проблематика рекламной коммуникации, ее генезис и онтологический статус, наряду со многими другими вопросами, остается до настоящего времени практически нетронутой областью. Немногочисленные работы, появляющиеся с начала 2000-х гг. [Горлатов, 2002; Пачковская, 2004; Чуханова, 2006; Еромейчик, 2014; 2018; Гладко, 2017; Горбач, 2018; Швец, 2019], затрагивают лишь отдельные аспекты и носят фрагментарный характер. Так, например, О.В. Казимилова, анализируя коммуникативные акты медийного дискурса, фокусирует внимание на стратегиях и тактиках в рекламном очерке [Казимилова, 2018], а Т.В. Еромейчик, сопоставляя аксиологические характеристики американской и белорусской культур, утверждает, что белорусская реклама «не только апелли-

рует к доминантным ценностям современного социума, но и оказывает социокультурное воздействие на процесс их образования и модификации» [Еромейчик, 2018, с. 36]. На ликвидацию пробела в области исследования белорусской рекламной коммуникации и направлена предлагаемая статья.

Материал и методы исследования

Корпус исследования составили материалы Национального архива Республики Беларусь, а именно: коллекция периодической печати, тематических подборок периодической печати и непериодических изданий за 1886–1940 гг., печатные материалы дореволюционного периода за 1886–1917 гг. («Віленскія губернскія вѣдомасці» № 17 и № 61 за 1886 г., подшивки за 1896, 1898, 1899 гг.; Обзор Витебской губернии за 1897 г.; памятные книжки Витебской губернии с 1861 по 1914 г.; «Витебские губернские ведомости» с 1848 по 1863 г.), печатные материалы довоенного периода за 1917–1940 гг. («Советская Белоруссия» 1917 г., 1925 г., 1926 г., 1930 г., 1932 г.; вырезки из газет «Правда», «Известия», «Коммунистический труд», «Беднота» за 1921 г.; вырезки из газеты «Известия ВЦИК» за 1918–1922 гг., «Продовольственная газета» за 1921 г., «Витебский пролетарий» за 1930 г.; вырезки из газет «Известия ЦИК СССР», «Экономическая жизнь», «Советская Белоруссия» за 1932–1933 гг.; «Витебское слово» за 1917 г.; «Коммерческий бюллетень Белоруссии» за 1925 г. № 3–8; «Звезда» № 256 за 1925 г., № 142 за 1931 г.; «Современное слово» за 1917 г.; «Заря Запада» с 1924 по 1929 г.; «Полоцкий пахарь» № 92, 95 за 1925 г.), архив печатной продукции, изданной в типографии Витебской области за 1964–1978 гг., в том числе посвященный юбилейным датам, памятные книжки Витебской губернии с 1861 по 1914 г., адрес-календарь Могилевской губернии за 1873, 1876, 1885 гг., «Витебские губернские ведомости» за 1848–1863 гг., адресная и справочная книга Витебска 1907 г. В результате проведенной поисковой работы составлен исследовательский массив текстов рекламного характера, содержащий около двух тысяч фрагментов.

В статье использован исторический подход, дополненный системно-интерпретационным анализом, позволяющим объяснить становление феномена рекламной коммуникации в Беларуси во взаимосвязи с социально-экономическими и политическими событиями посредством реконфигурации внутренних процессов функционирования и самоорганизации.

Истоки белорусской рекламной коммуникации

Развитие рекламной коммуникации на территории Беларуси обусловлено рядом социально-экономических и общественно-политиче-

ских факторов, истоки которых, как представляется, можно найти еще в начале X — середине XIII в. в период появления важнейшего в Европе торгового пути — «из варяг в греки», соединявшего Север Европы с Югом Европы и Малой Азией, значительная часть которого проходила по территории нынешней Беларуси. Очевидно, что торговцы того времени использовали всевозможные приемы для привлечения внимания к своим товарам: устное восхваление товара (подобно парижским крикунам), рекламные вывески, надписи, отличительные знаки на товарах. Однако нет никаких исторических подтверждений того, что институт глашатайства был таким же развитым, как, например, во Франции.

Вхождение в состав Великого княжества Литовского (ВКЛ) в XIII — конце XVIII в. белорусских, украинских и русских земель с развитыми общественными отношениями и культурой способствовало дальнейшему развитию общественно-экономических отношений в ВКЛ. В результате обособления от остальных земель древнерусского государства у населения западнорусских земель стали усиливаться свойственные ему особенности языка, культуры, обычаев. Возраставшие между отдельными землями социально-экономические связи и отношения привели к тому, что эти особенности становились общими для всего населения западнорусских земель, входящих в Великое княжество Литовское. В данный период наблюдалось интенсивное развитие феодальных отношений, усиление боярства, развитие земледелия, рост городов, расширение торговли, ремесел, возникновение территориальной специализации труда, что создавало основу и для развития рекламной коммуникации, становление которой было тесно сопряжено с развитием печатной прессы.

Благодаря деятельности Франциска Скорины, а также его последователей XVI–XVII вв., в каждом городе Беларуси и при крупных монастырях появились типографии, в которых печатались преимущественно религиозные и светские книги. Первая типография на территории Беларуси была основана в 1553 г. в Бресте, а в 1562 г. Симон Будный, основавший типографию в Несвиже, издал «Катехизис» — первое издание на старобелорусском языке. И именно в этот период, в 1563 г., появилась первая газета-однодневка на белорусском языке *«Новіны грозныя а жалостлівыя о нападе княжати Московского Ивана на землю русску, которі то князь паленьнем, тыранством, мордованьнем мест, замков добываньнем веліку і знаменіту шкочу вчыняет. З доданьнем релацый Его Мілості Гетмана ВКЛ княжати Радзівілла о порахцы места Полоцкого, 1562»* (Максимович, 1994), главной темой которой был разрушительный поход Ивана Грозного на Полоцкие земли.

После получения в 1577 г. Магдебургского права Могилев в результате просветительской деятельности Петра Мстиславца и Ивана Федорова также становится заметным центром книгопечатания, в котором издавались не только книги, но и рекламные листовки на русском, белорусском, польском, французском, латинском языках.

В Гродно также печатались газеты («Гродзенская газета», «Гродзенскія ведамасці», вторая пол. XVIII в.), но на польском языке, освещающая события в Австрии, Пруссии, будущих США, России. Реклама и коммерческие объявления были вплетены в общую канву представляемой информации об общественно-политической жизни.

С XVII в. до конца XVIII в. книги на белорусском языке практически не печатались. Брестская, Несвижская, Слонимская, Радзивилловская в Слуцке, многочисленные иезуитские и униатские типографии выдавали книги исключительно на церковнославянском, польском, французском и латинском языках.

Середина XVI столетия на территории Беларуси — эпоха Возрождения — может быть охарактеризована как стремительный культурный подъём. При евангельских церквях открывались школы, которые дали возможность тысячам молодых людей получить как минимум начальное образование. Сотни книг выходили большими тиражами, распространяя тем самым знания среди жителей Беларуси. В реформационных типографиях издавалась не только религиозная литература, но и книги по истории, географии, математике, философии, поэтические и прозаические произведения разных авторов, переводы с иностранных языков. На территории Беларуси возникают первые профессиональные театры, развивается музыкальное искусство, совершенствуется иконопись, скульптура, декоративное и гравёрное искусство. Очевидно, что появление театров, развитие культурно-массовых мероприятий сопровождалось громкими анонсами и яркими афишами, плакатами.

Огромное влияние на становление белорусской рекламной коммуникации в форме плаката оказали печатные гравюры XVI в., а также лубок XVIII–XIX вв., сатирическая журнальная графика и рекламные объявления конца XIX — начала XX в. Ярким подтверждением востребованности лубка в тот период может служить работа К. Малевича в соавторстве с В. Маяковским, где в характерной манере изображена женщина, на вилах у которой австриец: «*Шел австриец в Радзивиллы, а попал на бабьи вилы*»⁷, а в 1897 г. в Петербурге прошла первая Меж-

⁷ URL: mosday.ru (дата обращения: 06.04.2020), здесь и далее все примеры представлены в первоначальной авторской редакции.

дународная выставка афиш, послужившая мощным толчком для развития рекламы, в том числе и на территории Беларуси. Более 700 работ из 13 стран мира, среди которых были представлены и плакаты основоположника жанра Ж. Шере. Именно в этот период в контексте массового развития зрелищных видов искусств рекламный плакат становится элементом массовой культуры (театры, музеи, кино).

В 1837 г., в условиях постоянных народных волнений, вызванных недовольством населения экономико-политической ситуацией, Сенатом было утверждено «Палажэнне аб выданні губернскіх ведамасцей», которые к 1838 г. издавались в 40 из 60 существовавших губерниях⁸ в ведомостях, и распоряжения центральных или местных органов власти. Находясь в строгом подчинении губернатору, губернские газеты⁹, периодичность которых не была постоянной, печатали статистические обзоры, указы, декреты и не пользовались широкой популярностью у населения по причине высокой стоимости. Отдельные выпуски ведомостей содержали особую часть — «Прибавления», где печатались сообщения рекламного характера о продаже товаров, предоставлении различных услуг, цены. С развитием промышленности тематика газет так же, как и объявлений, становилась более разнообразной.

Важным этапом становления и развития рекламной коммуникации на территории Беларуси можно считать деятельность средств массовой информации, главной задачей которых было не только информировать население о происходящих событиях, но и вести политическую пропаганду в направлении, обусловленном редакторами (борьба с ополячиванием, католицизмом, восхваление / уничтожение российской власти, за / против русификации, белорусизация и т.д.). Особенно активизировалась их деятельность в 60–80 гг. XIX в. на фоне многочисленных восстаний, вызванных недовольством населения социально-экономическим положением. Многие издания носили радикально революционный характер и содержали призывы к борьбе за свободу и независимость: «Глос вольны», «Стражнша», «Едносьць», «Супольносьць», «Ведамасці пра паўстанне на Літве». Особую роль в развитии рекламной коммуникации в аспекте революционной пропаганды сыграли так называемые народники, деятельность которых была направлена на освобождение белорусского народа (газета «Народная воля», журнал «Гомон»), а позже, после восстания 1863–1864 гг. — «Минский листок». Однако

⁸ На территории сегодняшней Беларуси существовало в то время четыре губернии: Минская, Полоцкая, Могилевская и Гродненская.

⁹ В 1840 г. указом Николая I было запрещено использовать слова «Беларусь», «белорусский».

целью этого издания, помимо политических призывов, было формирование мировоззрения: «выпрацоўкі светапогляду чыгачоў, абуджэння грамадскай самасвядомасці, правядзення ў жыццё грамадскіх ідэалаў, ... са светлай верай у лепшую будучыню ... служыць друкаваным словам... дарагой ускраіне — частцы дарагой кожнаму разважліваму грамадзяніну агульнай бацькаўшчыны — вялікай Расіі» (Минский листок 03.02.2021). Таким образом, средства массовой информации в 70–80-е гг. XIX в. выступали в качестве орудия политической, революционной пропаганды в борьбе с царизмом (становление политической рекламной коммуникации), служили инструментом формирования общественной мысли, национальной картины мира.

Следует подчеркнуть, что конце XIX — начале XX в. — это период активного формирования на территории Беларуси политических партий, преимущественно марксистского толка, что способствовало дальнейшему развитию политической рекламной коммуникации посредством листовок, афиш, полноценных газет («Искра», «Северо-Западный край») и газет небольшого формата (напр., «Листок Полесского комитета»). Во время революции 1905 г. ввиду нехватки как кадрового состава, так и отсутствия материально-технической базы издательская деятельность была практически полностью приостановлена; спорадически встречались так называемые летучие листки («Листок Северо-Западного союза», «Летучий листок Гомельского районного комитета Российской социал-демократической рабочей партии», «Летучий листок Полесского комитета» и др.). Однако уже в 1906 г. печать периодических изданий во всех губерниях постепенно налаживается.

Важным этапом в становлении национальной белорусской печати в целом и в рекламной коммуникации в частности явился манифест 17 октября 1905 г., согласно которому стало возможным издавать на национальных языках. Появляются первые газеты на белорусском языке «Наша доля» и «Наша ніва», однако их деятельность была остановлена накануне Первой мировой войны.

Любопытно, что уже в это время на территории Беларуси активно развивалась профессия рекламного агента. Как следует из адресной и справочной книги Витебска 1907 г., на территории Витебской губернии существовали агентурно-комиссионные и справочные конторы, которые занимались «приемом различных представительств и поручения русских и заграничных фирм» [Дрейцер, 1907], то есть по сути занимались рекламой различных товаров и услуг, постоянно привлекая и вовлекая в рекламирование новых агентов («приглашает повсе-

местно агентов»). Так, например, основными рекламистами начала XX в. в Витебской губернии были М.С. Звягин и М.З. Лисицкий, С. Рабинович. Данный факт, очевидно, свидетельствует о существовании широкой сети рекламных агентств на территории Беларуси.

Таким образом, к началу XX в. на территории Беларуси существовал достаточно развитый институт рекламной коммуникации: рекламные объявления использовались не только для информирования, но прежде всего для привлечения внимания потенциальных потребителей, побуждения их к определенным действиям (например, покупка товара, использование услуги и т.д.); постоянно возрастало число учреждений, занимающихся рекламной деятельностью. При этом основными формами рекламной коммуникации на территории Беларуси были газеты, объявления и плакаты.

В годы Первой мировой войны (1914–1918) преобладал агитационный плакат, использовавшийся для призыва в армию, помощи раненым. Рекламная коммуникация посредством плаката заменяла газету, поскольку плакат был более доступным широким массам, содержал лаконичные лозунги и всем понятные изображения: «плакат боролся, он был оружием, и его, как оружие, берегли» [Голубович, 2014, с. 8].

И если в дореволюционное время на территории Беларуси преобладала политическая пропаганда, активно развивалась реклама товаров и зрелищных мероприятий, то в послереволюционный период рекламная коммуникация была ориентирована прежде всего на пропаганду «новых» ценностей и «нового мира». Над первыми плакатами в тогда еще Советской Беларуси работали П. Гутковский: *«Рабочий! Еще несколько мощных твоих ударов окончательно выбросят капиталистов, а ПРОЛЕТАРИАТУ дадут все необходимое!»* (Беларускі плакат, 1920), Я.Н. Дроздович: *«Сонца навукі скрозь хмары цемныя прагляне ясна над нашай ніваю»* (Беларускі плакат, 1920), Г. Змудинский: *«Красная армия выметет этот сор из трудовой белорусской хаты»*, 1921 (М.И. Гончаров, 1989), А. Быховский: *«Невеждой не должен быть никто! Чтобы овладеть производством, необходимо овладеть знанием!»*, 1921 (Гончаров, 1989); *«Труд — отец всякого богатства, земля — его мать. Дружным трудом вспашем, взбороним, засеем, удобрим кормилицу-землю! Все за дело, кто хочет из нищей страны сделать богатой трудовую республику!»*, 1921 (М.И. Гончаров, 1989), В. Бутков: *«В братском единении труда крестьян и рабочих залог производительности страны»*, 1921 (М.И. Гончаров, 1989). Как видно из приведенных слоганов, рекламная

коммуникация данного периода сосредоточена вокруг тематик просвещения и консолидации народа.

К предпосылкам становления рекламной коммуникации в Беларуси можно отнести и деятельность М. Шагала, К. Малевича, Л. Лисицкого начала 20-х гг. XX в. Так, например, М. Шагал руководил украшением улиц Витебска к Первой годовщине Октябрьской революции, а сам он к этому событию создал несколько рекламно-агитационных панно. Позже, после отъезда М. Шагала из Витебска, графика улиц города перешла к «супрематической команде» К. Малевича. Затем появились плакаты Л. Лисицкого и других уновисовцев, а витебские трамваи покрылись рекламно-агитационным оформлением.

К 30-м гг. XX в. индустриализация, равно как и культ личности Сталина, набирают все большую силу. Любая форма коммуникации была под пристальным контролем коммунистической партии, и уж тем более плакат, нашедший место не только на уличных стендах, выставках, но и в так называемых красных уголках на заводах, фабриках, учреждениях образования и здравоохранения. Главной задачей рекламистов-плакатистов 30–40-х гг. были разъяснения цели индустриализации массе полуграмотного населения, продвижение идей коллективизации. Как указывает А.Г. Голубович, вследствие жесткой критики плакатного искусства производство сконцентрировалось лишь в одном издательстве «ОГИЗ — ИЗОГИЗ», и «количество издаваемых плакатов постепенно уменьшалось, а качество ухудшалось, и в конце десятилетия появлялось едва ли 50 плакатов в год» [Голубович, 2014, с. 25]. И, как правило, выпуск их был приурочен к памятным датам и государственным праздникам. Так, 1930-е гг. рекламная коммуникация как в СССР в целом, так и в Беларуси находилась в глубоком кризисе.

Во времена Великой Отечественной войны печать была важным источником сведений о положении на фронтах. На территории оккупированной Беларуси было создано около 60 подпольных типографий. С июля 1941 г. в Гомеле для партизан и населения белорусскими художниками, поэтами и писателями выпускался сатирический плакат-газета, выходившая в том числе и на белорусском языке, «Раздавим фашистскую гадину!» с лозунгом «Партизаны, в бой за родную Беларусь» (Советская Беларусь). Ее автор, В. Букатый, был назван «белорусским Домье»¹⁰, а само издание стало ведущим в агитационной пропаганде данного периода, призывая к усилению всенародной борьбы с врагом. Рекламистами того периода по праву можно назвать художников-пла-

¹⁰ Оноре Домье (1808–1879) — известный французский художник-график, живописец, скульптор, мастер политической карикатуры XIX в.

катистов, карикатуристов, таких как Н.В. Гурло, Н.Т. Гутиев, А.В. Волков, З.И. Азгур, Д.Н. Красильников.

Период между завершением Второй мировой войны (1945 г.) и смертью И.В. Сталина (1953 г.) принято называть «Большим стилем» в плакатном искусстве. Тематика плакатов этого периода, с одной стороны, направлена на поднятие энтузиазма народа в восстановлении страны: С.Г. Романов *«Моладзь, — на аднаўленне гарадоў і вёсак!»*, 1947 (Гончаров, 1989); Л.П. Замах *«Вытворчымі перамогамі ўмацуем справу міру»*, 1952 (Гончаров, 1989), являет радость победы (С.Г. Романов *«Партызанам і партызанкам Беларусі — СЛАВА!»*, 1948 (М.И. Гончаров, 1989); *«3 ліпеня — дзень вызвалення Беларусі ад нямецка-фаішскіх захопнікаў»*, 1948 (М.И. Гончаров, 1989), гордость советского народа (*«За годы совецкай улады Беларускай ССР ператварылася ў індустрыяльна-калгасную краіну, з высока развітай соцыялістычнай культурай і навукай»*, 1947 (М.И. Гончаров, 1989); П. Островский *«Новымі вытворчымі поспехамі сустрэнем дзень выбараў у Вярхоўны Совет Беларускай ССР!»*, 1950 (М.И. Гончаров, 1989). С другой стороны, рекламная коммуникация, воплощенная в агитационно-плакатном искусстве, отражала начало холодной войны, борьбу с инакомыслием, апофеоз культ личности Сталина: Л.П. Замах *«Мы будзем галасавать за кандыдатаў сталінскага блоку і беспартыйных!»* (М.И. Гончаров, 1989); Н.Т. Гутиев *«Праз бурю свяціла нам сонца свабоды, і Ленін вялікі нам шлях азарыў. Нас вырасіў Сталін — на вернасць народу, На подзвігі нас і на працу натхніў»*, 1948 (М.И. Гончаров, 1989); Н.Т. Гутиев *«Лепшаму другу беларускага народа Вялікаму Сталіну СЛАВА!»*, 1950 (М.И. Гончаров, 1989); Н.Т. Гутиев *«Пад сонцам сталінскай канстытуцыі УПЕРАД ДА КОМУНІЗМА!»*, 1950 (Гончаров, 1989). Очевидно, что и послевоенные годы не стали благоприятными для развития рекламы в Беларуси, но, несмотря на очевидные трудности, коммерческая реклама все же существовала наряду с рекламой таких зрелищных мероприятий, как спектакли, концерты, киносеансы.

Особым этапом в становлении рекламной коммуникации оказалась эпоха хрущевской «оттепели» (середина 1950-х гг. — 1964 г.), разоблачающая культ личности Сталина. Этот период характеризуется «оттепелью» в сфере не только политики, но и рекламы. В ней увидели средство воспитательного воздействия на людей, инструмент стимулирования производственной и культурной деятельности. Как и прежде, плакатное искусство было крайне политизировано и служило мощным орудием пропаганды, однако теперь на первый план выходит образ В.И. Ленина, пропаганда партийных съездов, «Моральный кодекс строителя коммунизма». В тематику рекламных плакатов входили и на-

учно-технические достижения советского народа, освоение космоса советскими исследователями (первый спутник — 1957 г., полет Ю. Гагарина 1961 г., В. Терешковой 1963 г.); призывы к атеизму, напр., Л.П. Замах «*Больш не раба божая*», 1965 (М.И. Гончаров, 1989).

Общественный подъем и вдохновляющие общество перспективы находили отражение в образах сильных молодых людей с различными орудиями труда: Л.П. Замах «*Творчымі перамогамі ўмацуем справу міру!*» 1952 (М.И. Гончаров, 1989); М.А. Молчан «*Адзін працэнт звыш плана!*» 1961 (М.И. Гончаров, 1989); П.В. Калинин «*План 1959 г. — першага года сямігодкі — выканаем датэрмінова!*», 1959 (М.И. Гончаров, 1989); Л.П. Замах «*План 1960 г. перавыканаем!*», 1960 (М.И. Гончаров, 1989); М.А. Мовчан «*Стаў перадавым — дапамажы адстаючым!*», 1961 (М.И. Гончаров, 1989); Е.Н. Тарас «*Сеяць толькі аборным зернем!*», 1963 (М.И. Гончаров, 1989); Л.П. Замах «*Рабочы гонар беражы!*», 1963 (М.И. Гончаров, 1989); Боровский И.Ю. «*Знайдзі свой рэзерв!*», 1963 (М.И. Гончаров, 1989). Отдельной тематикой в рекламе этого периода представлен спорт, спортивные достижения, здоровый образ жизни, участие в спартакиадах, а также темы мира и устойчивого развития.

С 1960-х гг. в связи с развитием радио, телевидения и прессы плакат уступил часть своих функций новым СМИ.

Со сменой власти в 1964 г., когда во главе партии оказался Л. Брежнев, произошел возврат к директивному планированию, приведший впоследствии к глубокому экономическому «застою». Плакат по-прежнему служил идеологическим орудием, одним из способов трансляции основных ценностей, а рекламные лозунги постепенно мифологизировали картину потребления белорусского народа. К концу 1970-х гг. белорусская экономика, равно как и в целом советская, находилась в полном упадке, что повлекло за собой появление новых лозунгов, задачей которых было привлечение внимания к проблемам экономики, производительности труда, качеству продукции, экономии средств, трудовой дисциплине.

1980-е г. связаны с переосмыслением реальности, в том числе и в плакатном искусстве. Основными лозунгами начинавшейся «перестройки» стали «честность» и «гласность». Тематический диапазон также значительно расширяется. Отмечается усиление ориентации на личность, образ человека, обобщенный или персонифицированный, проблемы взаимоотношений в обществе, проблемы воспитания детей, старость, труд. Среди наиболее актуальных тем, затрагиваемых в рекламных плакатах:

— преступность: А.П. Новожілов «*Колькі злодзею ні красці, а кары не мінаваць*», 1984 (Беларускі плакат);

- алкоголізм і курення: В.Н. Ересько «*На дзень гайда, на век бяда!*», 1987 (М.И. Гончаров, 1989); В.И. Жук «*Падзенне непазбежна!*», 1987 (Беларускі плакат);
- праблемы экалогіі: Н.А. Стома «*Навуку — на службу прыродзе!*», 1984 (Стома, 1984); И.И. Владычик «*Не забруджвай навакольнае асяроддзе — не адмыеш!*», 1988 (М.И. Гончаров, 1989); К.В. Хотяновский «*Судьба планеты — твоя судьба*», 1988 (Беларускі плакат); Р.М. Найден «*Chernobyl*», 1995 (М.И. Гончаров, 1989);
- єдненне народаў і нацыянальная безапаснасць: Н.А. Стома «*Мір, сяброўства, адзінства і супрацоўніцтва*, 1981 (М.А. Стома, 1984); Н.А. Стома «*СССР — апора міру*», 1982 (Н.А. Стома, 1984); Я.И. Хайрулин «*Непарушынае адзінства і брацкая дружба народаў СССР — вялікая заваёва сацыялізму*», 1982 (М.И. Гончаров, 1989); С.В. Кузьмичев «*Імперыялізм — выток войнаў і сацыяльных бедстваў*», 1982 М.И. (Гончаров, 1989); Д.Р. Маслій «*БССР — член ААН*» (М.И.Гончаров, 1989);
- карупцыя: В.Ф. Шматов «*Здаваўся непрыступным ён, ды перамог “напалеон”*», 1982 (М.И. Гончаров, 1989); А.П. Новожілов «*Колькі злодзею ні красці, а кары не мінаваць*», 1984 (М.И. Гончаров, 1989);
- сталінская палітыка: В.Я. Цеслер, С.В. Войченко «*Нержавеючы Сталін*», 1987 (М.А. Голубовіч, 2014); С.В. Войченко «*Октябрь*», 1989 (М.А. Голубовіч, 2014); А.П. Новожілов, Р.Н. Найден «*1937*», 1990 (М.А. Голубовіч, 2014);
- война в Афганістане: В.Я. Цеслер, С.В. Войченко «*Афган*», 1989 (М.А. Голубовіч, 2014).

Обрашаец на сябя уважанне нарастаючае паявленне едкай сатыры, меткіе метафоры, гротеск, іспользаваанне сімвалікі (разлічныя прадставаення серпа і молаата, кірпічная сена са партыйнай номенклатурай, рука рабачага і колхозніцы в наручніках і т.д).

Вместе с тем, несмотря на тематическое разнообразие и постоянно улучшающееся качество оформления, плакат не имел массовых тиражей, был преимущественно представлен на выставках и в альбомах.

С распадом СССР и роспуском коммунистической партии исчез и главный заказчик. Авторские плакаты теперь уже не призывали и не агитировали, а служили инструментом переосмысления произошедших событий в жизни общества и государства, причем не с позиции властных структур, а с точки зрения обывателей: В.Я. Цеслер, С.В. Войченко «*День Победы*», 1995 (М.А. Голубовіч, 2014); В.Я. Цеслер, С.В. Войченко «*Made in New Russia. Cheese*», 1995 (М.А. Голубовіч, 2014);

В.Я. Цеслер, С.В. Войченко «*Good morning, Belarus!*», 1997 (М.А. Голубович, 2014); В.Я. Цеслер, С.В. Войченко «*Міжнароды год міру*», 1986 (М.А. Голубович, 2014); С. Саркисов «*World without arms and violence — our ideal*», 1987 (М.А. Голубович, 2014).

Плакат стилистически и художественно «от А до Я» отобразил основные животрепещущие идеи своего времени. Он стал рупором эпохи, «зеркалом войны», вышел на боевой рубеж в «Окнах РОСТА», «Окнах ТАСС», «Партизанской дубінцы». Плакат отразил эволюцию общественной жизни от революции до распада СССР, перестройку и современное общество потребления [Голубович, 2014, с. 269].

Конец 1990-х — бурное развитие рекламы, обусловленное технологическими достижениями, которые стали широкодоступными массовому адресату. Плакат также, уподобляясь европейским тенденциям, все больше стал погружаться в коммерческую среду, а в результате широкого распространения интернет-технологий в настоящее время наблюдается массивное внедрение рекламы в электронные медиа, в том числе и в Беларуси, исследуются стратегии коммуникации в сети интернет, модели поведения пользователей, проводятся измерения эффективности рекламных кампаний и т.д., что влечет за собой кардинальные изменения в самой практике рекламной коммуникации.

Заключение

Становление и развитие рекламной коммуникации на территории Беларуси происходило на фоне общеевропейских социально-общественных тенденций. В основе генезиса рекламной коммуникации лежат прежде всего социально-экономические и технологические предпосылки, фундирующие концептуальные подходы к анализу рекламной деятельности. Каждая общественно-экономическая формация, и Беларусь здесь не исключение, определяла цели и задачи рекламы, вырабатывала свои методы достижения целей. При этом рекламная деятельность появилась не как самостоятельный вид общественной деятельности, а как ответ на запрос производителей, нуждающихся в конкретных профессиональных субъектах по созданию рекламных средств. Пройдя путь от короткого объявления в газете в рубрике «Прибавления», реклама, формы которой по мере технологического развития становились все более разнообразными, постепенно стала эффективным инструментом, разнонаправленно воздействующим на адресата, орудием политической пропаганды и формирования мировоззрения. В этой ситуации технологии производства рекламы выступили первичным фактором, определяющим классификационный тип рекламы и особенности достижения целевой аудито-

рии. Важно подчеркнуть, что примитивные формы рекламы (ярмарки, выставки, товарные знаки, символика, вывески, наружная реклама и др.) не исчезли, а сосуществуют наряду с новыми (связанными преимущественно с современными каналами связи).

Вместе с тем по целому ряду преимущественно историко-географических причин (Беларусь на протяжении столетий не являлась независимым, суверенным государством, оказывалась в составе Великого княжества Литовского, Речи Посполитой, Российской империи) процесс становления и развития рекламной коммуникации происходил медленнее, чем, например, в Западной Европе (ср, напр., первые мануфактуры во Франции появились в начале XVII в., а на территории Беларуси — лишь в первой трети XVIII в. в поместье Анны Радзивилл; первая типография во Франции появилась в 1470 г., а на территории Беларуси — в 1553 г.). Однако первые рекламные агентства появляются в один и тот же период (конец XIX в. — *Publicis* во Франции и рекламные конторы М.С. Звягина, М.З. Лисицкого, С. Рабиновича в Беларуси), что, по нашему мнению, подтверждает идею о генезисе белорусской рекламной коммуникации в рамках общего европейского контекста.

Представленный анализ позволяет также сделать вывод о высокой чувствительности белорусской рекламной коммуникации на пути ее формирования к общественно-политическому фону, что, как представляется, и являет специфику формирования исследуемого объекта в рамках становления социально-политических институтов на территории современной Беларуси.

Библиографический список

Гладко М.А. Стратегия кооперации в коммуникативном пространстве социальной рекламы Беларуси // Вестник МГЛУ. Минск, 2017.

Голубович А.Г. Белорусский советский плакат. Минск, 2014.

Горбач В.А. Рэдагаванне рэкламных тэкстаў. Мінск, 2018.

Горлатов А.М. Функциональный стиль рекламы в современном немецком языке. Минск, 2002.

Дрейцер И.Е., Звягинец М.С. Адресная и справочная книга города Витебска 1907 г. Минск, 1992.

Еромейчик Т.В. Аксиологический аспект рекламной коммуникации (на материале англоязычной рекламы и белорусско- и русскоязычной рекламы Беларуси). Минск, 2014.

Еромейчик Т.В. Лингвистические средства реализации директивного намерения в рекламной коммуникации Беларуси // Коммуникативное пространство Беларуси. Минск, 2018.

Казимирова О.В. Коммуникативные аспекты медийного дискурса. Витебск, 2018.

Пачковская А.В. Прагматыка і стыль рэкламных тэкстаў. Гомель, 2004.

Солодовников С.Ю. Классы и классовая борьба в постиндустриальном обществе: методологические основы политико-экономического исследования. Минск, 2014.

Чуханова А. В. Динамика жанров публицистического стиля в русском языке (на материале рекламных очерков и рекламных интервью). Минск, 2006.

Швец Н.Г. Информационная система семантического поиска изображения к тексту рекламного объявления // Системный анализ и прикладная информатика. Минск, 2019.

Источники

Беларускі плакат. URL: <https://plakat.unid.by/avtory/gutkouski-p-m>.

В Москве открылась выставка малоизвестных работ художника-авангардиста Казимира Малевича. URL: <http://mosday.ru/news/item.php?1235465&view=full>.

Голубович А.Г. Белорусский советский плакат. Минск, 2014.

Гончаров М.И. Белорусский политический плакат. Минск, 1989.

Максімовіч Р. «Навіны грозныя...». Да гісторыі зачаткаў беларускіх газетных выданняў // Спадчына. Минск, 1994. № 3.

Минский листок, 1891, 1 января. URL: <https://amp.ru.google-info.cn/1335561/1/minskiy-listok.html>.

Раздавим фашистскую гадину: агитплакат: издание газеты «Советская Беларусь», 1941. URL: <https://www.prlib.ru/item/441725>

Стома М.А. Навуку — на службу прыродзе! Мінск, 1984.

References

Gladko M.A. *Strategiya kooperatsii v kommunikativnom prostranstve social'noy reklamy Belarusi*. [Strategy of cooperation in the communicative space of social advertising in Belarus]. In: Vestnik Minskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta [Bulletin of Minsk State Linguistic University]. Minsk, 2017.

Golubovich A.G. *Belorusskiy sovetskiy plakat*. [The Belarusian Soviet poster]. Minsk, 2014.

Gorbach V.A. *Redagavanne reklamnykh tekstaŭ*. [Editing of advertising texts]. Minsk, 2018.

Gorlatov A.M. *Funktional'nyy stil' reklamy v sovremennom nemetskom yazyke*. [The functional style of advertising in the modern German language]. Minsk, 2002.

Dreytser I.E., Zvyaginets M.S. *Adresnaya i spravochnaya kniga goroda Vitebska 1907 g.* [Address and reference book of the city of Vitebsk 1907]. Minsk, 1992.

Eromeychik T.V. *Aksiologicheskiy aspekt reklamnoy kommunikatsii: (na materiale angloyazychnoy reklamy i belorussko- i russkoyazychnoy reklamy Belarusi)*. [Axiological aspect of advertising communication (based on the material of English-language advertising and Belarusian-and Russian-language advertising in Belarus)]. Minsk, 2014.

Eromeychik T.V. *Lingvisticheskie sredstva realizatsii direktivnogo namereniya v reklamnoy kommunikatsii Belarusi*. [Linguistic means of implementing directive intent in advertising communication in Belarus]. In: *Kommunikativnoe prostranstvo Belarusi*. [The communication space of Belarus]. Minsk, 2018.

Kazimirova O.V. *Kommunikativnye aspekty mediynogo diskursa* [Communicative aspects of media discourse]. Vitebsk, 2018.

Pachkovskaya A.V. *Pragmatyka i styl' reklamnykh tekstaŭ*. [Pragmatics and style of advertising texts]. Gomel, 2004.

Solodovnikov S.Yu. *Klasy i klassovaya bor'ba v postindustrial'nom obshchestve: metodologicheskie osnovy politiko-ekonomicheskogo issledovaniya*. [Classes and Class Struggle in Post-industrial society: Methodological foundations of Political and Economic research]. Minsk, 2014.

Chukhanova A.V. *Dinamika zhanrov publitsisticheskogo stilya v russkom yazyke (na materiale reklamnykh ocherkov i reklamnykh interv'yu)*. [Dynamics of Genres of Journalistic Style in the Russian Language (based on the material of advertising essays and advertising interviews)]. Minsk, 2006.

Shvets N.G. *Informatsionnaya sistema semanticheskogo poiska izobrazheniya k tekstu reklamnogo ob'yavleniya*. [Information system for semantic search of an image to the text of an ad]. *Sistemnyy analiz i prikladnaya informatika* [System analysis and applied computer science]. Minsk, 2019.

List of sources

Belaruskii plakat. [Belarusian poster]. URL: <https://plakat.unid.by/avtory/gutkouski-p-m>

V Moskve otkrylas' vystavka maloizvestnykh rabot khudozhnika-avangardista Kazimira Malevicha. [An exhibition of little-known works by the avant-garde artist Kazimir Malevich has opened in Moscow]. URL: <http://mosday.ru/news/item.php?1235465&view=full>.

Golubovich A.G. *Belorusskiy sovetkiy plakat*. [The Belarusian Soviet poster]. Minsk, 2014.

Goncharov M.I. *Belorusskiy politicheskiy plakat*. [Belarusian political poster]. Minsk, 1989.

Maksimovich R. «Naviny groznyya...». *Da gistoryi zachatkaŭ belaruskikh gazetnykh vydannyayŭ*. [“News of Grozny...” On the history of the beginnings of Belarusian newspaper publications]. In: *Spadchyna*. [Heritage]. Minsk, 1994. No. 3.

Minskiy listok, 1891, 1 yanvarya. [Minsk Leaf, 1891, January 1]. URL: <https://amp.ru.google-info.cn/1335561/1/minskiy-listok.html>.

Razdavim fashistskuyu gadinu: agitplakat: izdanie gazety “Sovetskaya Belarus”, 1941. [Crush the fascist reptile: agitplakat: publication of the newspaper “Sovetskaya Belorussia”, 1941]. URL: <https://www.prlib.ru/item/441725>.

Stoma M.A. *Navuku — na sluzhbu pryrodze!* [Science — at the service of nature]. Minsk, 1984.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА ГЕРМАНИИ В «ПУТЕШЕСТВИИ» В.К. КЮХЕЛЬБЕКЕРА

С.С. Жданов

Ключевые слова: пространство, образ Германии, травелог, В.К. Кюхельбекер, русская литература.

Keywords: space, image of Germany, travelogue, W.K. Küchelbecker, Russian literature.

DOI 10.14258/filichel(2021)4-06

Образы Германии в отечественных травелогах и мемуарах конца XVIII — первой трети XIX в. являются предметом множества современных литературоведческих исследований, материалами которых служат, например, тексты Ф.Н. Глинки, И.И. Лажечникова, А.Ф. Раевского [Оболенская, 1994], А.Я. Климова [Фарафонова, 2017], А.Т. Болотова [Пауткин, 2017], Д.И. Фонвизина, В.Н. Зиновьева, Н.М. Карамзина, Ф.П. Лубяновского [Жданов, 2017].

В этот ряд может быть включено и «Путешествие» В.К. Кюхельбекера, травелог, имеющий эпистолярную форму и относящийся к 20-м годам XIX века. Следует отметить, что данный текст уже анализировался исследователями с точки зрения его содержания и жанровой специфики [Тынянов, 1969; Ильченко, 2012; Горемыкина, 2015], проблематики экфрасиса [Москвина, 2016], а также включенности в общий контекст творчества автора в указанный период [Мусий, 2014; Горемыкина, 2015]. В то же время именно «немецкой» пространственной тематике посвящена лишь работа Н.М. Ильченко и С.В. Пепеляевой о Дрездене как культурном хронотопе в картине мира В.К. Кюхельбекера и В.А. Жуковского [Ильченко, Пепеляева, 2015], то есть не рассматривающая репрезентацию всего пространства Германии в произведении В.К. Кюхельбекера. Соответственно, наше исследование призвано заполнить эту лауну и выявить основные черты пространственной структуры Германии в «Путешествии».

Также образ Германии в тексте В.К. Кюхельбекера интересует нас в аспекте сходства и различия с описаниями данной страны в других травелогах конца XVIII — начала XIX в. В связи с этим следует согласиться с высказанной М.В. Горемыкиной мыслью об опоре автора при создании «Путешествия» «на традиции русской эпистолярной прозы, прежде всего на «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина» [Горемыкина, 2015, с. 149], что, на наш взгляд, проявляется и в образе

нарратора, соединяющего ярко выраженное эмоциональное и рациональное начала в своих наблюдениях за инокультурным пространством, и в акцентированном эстетически-нравственном восприятии последнего, и во внимании к пейзажным изображениям, в которых проявляется культ природы, свойственный как сентименталистскому, так и романтическому дискурсу. Также В.К. Кюхельбекер, как и карамзинский русский путешественник, встречается с немецкими культурными деятелями и беседует с ними, в том числе о России. При этом нельзя говорить о полном подобии образов Германии в карамзинском и кюхельбекеровском текстах, о чем будет сказано далее.

Итак, в первую очередь рассмотрим лиминальные локусы в рамках репрезентации немецкого пространства в тексте В.В. Кюхельбекера. В частности, здесь идет речь о прибалтийских территориях как границе, где русскость и немецкость (а также шведскость) диффузны. Эта гетерогенность, разнокультурность пространства подчеркивается В.К. Кюхельбекером в описании Нарвы, чья амбивалентная немецко-русская маркированность отмечается и в карамзинских «Письмах»: *«Немецкая часть Нарвы, или, собственно, так называемая Нарва, состоит по большей части из каменных домов; другая, отделяемая рекою, называется Иван-город. В первой все на немецкую статью, а в другой все на русскую»* (Карамзин, 1984, с. 9). В описании же Нарвы в кюхельбекеровском «Путешествии» присутствуют общий европейски-средневековый готический элемент, выражающийся в образе узких улиц, столь отличных от простора петербургских проспектов (*«Нарва после С.-Петербурга производит на душу странное впечатление. Улицы, и сверх того главные, уже нашего грязного переулка; дома высокие, готической архитектуры с надписями и изречениями из священного Писания»* (В.К. Кюхельбекер, 1979, с. 7)), а также русский и шведский пространственные элементы, представленными как антагонистические: *«Нарва шумит между древними укреплениями русскими и бывшими шведскими: две башни с противных сторон смотрят одна на другую и похожи на двух неприятелей, готовых вступить в бой»* (В.К. Кюхельбекер, 1979, с. 7). Вообще, русскость Нарвы у В.К. Кюхельбекера в основном выражена через локусы, связанные с мотивами исторического прошлого и угрозы: это *«...развалины Иван-города как будто еще и теперь, подобно привидениям воителей, устрашают Нарву», «...дом Петра Великого, где хранятся бабки его работы и два экземпляра его знаменитой дубины»* (В.К. Кюхельбекер, 1979, с. 7). Единственными местами, в которой культурная гетерогенность города имеет мирный характер, являются локусы церквей,

относящиеся к разным конфессиям: «*церковь русская, бывшая некогда католическою, потом лютеранскою*» и «*немецкий собор святого Петра*» (В.К. Кюхельбекер, 1979, с. 7). Здесь, кстати, впервые возникает маркированность пространства Нарвы именно немецкостью.

Еще одним вариантом лиминального пространства выступает в «Путешествии» граница между Пруссией и Курляндией, причем примечательно, что для карамзинского русского путешественника это уже была заграница, а для В.К. Кюхельбекера курляндские земли — еще часть территории Российской империи. Соответственно, сдвинутой в пространстве оказывается сцена эмоциональной встречи с локусом Чужого, имеющаяся и в тексте Н.М. Карамзина. У последнего она связана с пересечением курляндской границы: «*Мы въехали в Курляндию — и мысль, что я уже вне отечества, производила в душе моей удивительное действие. На все, что попадалось мне в глаза, смотрел я с отменным вниманием, хотя предметы сами по себе были весьма обыкновенны. Я чувствовал такую радость, какой со времени нашей разлуки... еще не чувствовал*» (Н.М. Карамзин, 1984, с. 10–11). У В.К. Кюхельбекера выраженной эмоциональностью отмечен эпизод пересечения курляндско-прусской границы: «*Как описать вам... чувства, с коими оставил я Россию? Я плакал как ребенок, и эти слезы, которые удержать был не в состоянии, живо заставили меня чувствовать, что я русский и что вне России нет для меня счастья. <...> Мы въехали в прусские пески...*» (В.К. Кюхельбекер, 1979, с. 9).

Различаются у Н.М. Карамзина и В.К. Кюхельбекера также маркеры дифференциации между Курляндией и Пруссией. Для первого это различие состоит в степени освоенности территорий, т.е., по сути, основанием дифференциации выступает упорядоченность земель: «*...земля в Пруссии еще лучше обработана, нежели в Курляндии...*» (Н.М. Карамзин, 1984, с. 14), которые в духе сентиментализма воспринимаются как облагороженная человеком природа. Для романтика же В.К. Кюхельбекера большое значение имеет природа, условно дикая. Поэтому в его тексте отличие Курляндии от Пруссии актуализируется через противопоставление локусов лесов, а не обработанных полей: «*В Курляндии мало дубов; но лишь только въедешь в Пруссию, как везде встречаешь это народное тевтонское дерево*» (В.К. Кюхельбекер, 1979, с. 9). Также отметим, что дубрава выступает одной из двух основных характеристик земель «тевтонов», то есть немцев, в стихотворении В.К. Кюхельбекера «Прощание» 1820 года, посвященном отъезду за границу: «*Уже сажу в коляске я <...> Уже волшебница Мечта рисует мне... тевтонов древние дубравы и их живые города!*» (В.К. Кюхельбекер, 1967, с. 135). Таким

образом, онирическая Германия предстает в тексте В.К. Кюхельбекера в двух ипостасях»: природном («древние дубравы») и антропо-урбанистическом («живые города»).

Кстати, усеченный образ прусской древней дубравы имеется и в карамзинском тексте, во фрагменте, посвященном городку Гейлигенбейль, где в языческие времена «древние обитатели сей земли» приносили жертвы идолу Курхо под «мрачную тенью» священного дуба, «безмолвного свидетеля рождения и смерти многих веков» (Н.М. Карамзин, 1984, с. 24). В «Путешествии» же В.К. Кюхельбекера в качестве языческого маркирован лесной локус не Пруссии, а Курляндии: «...огромные сосны, ели, липы и березы здесь возвышаются в воздух и напоминают древних богов: Перкуна, Пикола и Потримбоса, которым леты приносили жертвы под их исполинскую тенью» (В.К. Кюхельбекер, 1979, с. 9).

Особо отмечена в «Путешествии» и западная граница Германии с Францией. Это пространство тоже оказывается диффузным с точки зрения ее культурной принадлежности. Так, автор описывает переход через мост «между Келем и Страсбургом», что «соединяет и разделяет Германию и Францию» (В.К. Кюхельбекер, 1979, с. 35). Причем акцент сделан здесь не на немецкости в изображении локуса моста или Рейна, знаковой немецкой реки, о которой В.К. Кюхельбекер лишь мельком замечает как о «зеленых водах», но на русскости, поданной одновременно и в литературно-эстетическом, и в историческом, и в приватно-дружеском контексте¹¹: «...отзывы прекрасного стихотворения Батюшкова на переход русских через Рейн¹² отдались в глубине души моей. Дельвиэ поручил мне вспомнить о нем на берегах Рейна; с ним все друзья мои предстали моему воображению» (В.К. Кюхельбекер, 1979, с. 35).

¹¹ В сходном ключе выстроено пространство в элегическом стихотворении В.К. Кюхельбекера «На Рейне» конца 1820 или 1821 г., где собственно рейнский идиллический пейзаж намечен общими «мазками», изображающими спокойную реку в окружении гор: «Мир над спящею пучиной, мир над долом и горой; Рейн гладкою равниной разостлался предо мной» (В.К. Кюхельбекер, 1967, с. 146). Кроме того, в описании локуса Рейна может быть угадан традиционный для русской литературы мотив рейнвейна, рейнского вина, которое должен попробовать каждый путешественник. Ср. у Н.М. Карамзина: «Мысль, что пью рейнвейн на берегу Рейна, веселила меня как ребенка. Я наливал, пенил, любовался светлостью вина, ...и был доволен как царь» (Н.М. Карамзин, 1984, с. 91). Но В.К. Кюхельбекером напиток («влага чистая и золотая») напрямую не назван и, как и в эпизоде с описанным в «Путешествии» мостом, связывается не с немецкостью, а с воспоминаниями о друзьях, Родине: «Пью за наш союз священный! Пью за русский край родной!» (В.К. Кюхельбекер, 1967, с. 146).

¹² Аналогичным образом Н.М. Карамзин ищет «русский след» в местах, связанных с общеевропейской историей. Так, оказавшись в Гарнизонной церкви в Пруссии, русский путешественник вспоминает о погибшем во время Семилетней войны Клейсте, в гроб которого один из русских офицеров положил свою шпагу.

Сам Страсбург и вообще Эльзас в кюхельбекеровском тексте характеризуются в качестве лиминальных территорий диффузностью немецкого и французского начал: вокруг Страсбурга «...*весь небосклон обставлен горами: со стороны Германии Шварцвальд, со стороны Франции хребет Vogезский*» (В.К. Кюхельбекер, 1979, с. 35), причем, находясь в Vogезах, автор отмечает, что оказывается «...*по карте во Франции, но здесь в нравственном отношении все еще Германия, Германия далеко за Кольмаром. В Страсбурге офранцузенные немцы вам скажут: «Мы немцы, но говорим по-французски», в Кольмаре: «Мы французы, но только говорим по-немецки». ...здесь везде еще немецкая опрятность и немецкая вежливость*» (В.К. Кюхельбекер, 1979, с. 38). «Настоящая» же Франция, по В.К. Кюхельбекеру, «начинается» «*между Кольмаром и Безансоном*» (Кюхельбекер, 1979, с. 38–39).

При описании «внутренних» немецких земель в тексте В.К. Кюхельбекера также есть ряд общих для русских травелогов черт. Например, в отечественной путевой прозе рубежа XVIII–XIX вв. часто встречается мотив медлительных прусских и саксонских «почталионов» [Жданов, 2017, с. 176], столь отличных от русских ямщиков. В.К. Кюхельбекер в прусском фрагменте «Путешествия» также недобрым словом поминает «...*14 часов езды с проклятыми немецкими почталионами, которые даже не сердятся, когда ругаешь их всеми возможными доннерветтерами, и на все твоё красноречие с величайшим, с истинно германическим равнодушием отвечают: «Ja, mein Herr!»*» (В.К. Кюхельбекер, 1979, с. 10). Кроме того, с путешествием по Пруссии в отечественных травелогах связан мотив скуки, например, в карамзинском тексте: «*Ничего нет скучнее этой дороги (в Потсдам. — С.Ж.): везде глубокой песок, и никаких занимательных предметов в глаза не попадается*» (Карамзин, 1984, с. 41). В кюхельбекеровском тексте мотив скучной прусской дороги доведен до крайности: «*Мне море в... переезде из Мемеля в Кенигсберг чрезвычайно наскучило. Море да песок, песок да море <...> В точном... смысле слова: песчаное море! Ни травки, ни муравки, ни куستا, ни дерева! <...> Мы уже дня три едем довольно однообразными песчаными местами...*» (В.К. Кюхельбекер, 1979, с. 10). По ироническому замечанию автора, даже муки голода лучше для него пытки однообразием прусского ландшафта: «...*я умер с тоски, ежели бы голод не умилосердился надо мною и не вздумал разнообразить чувств моих...*» (В.К. Кюхельбекер, 1979, с. 10). При этом «прусские пески» связаны для В.К. Кюхельбекера и с семейной трагедией: в них «уже тринадцать лет

как покоится» его брат, павший «предшественником освободителей Европы»¹³ (В.К. Кюхельбекер, 1979, с. 27).

Особого упоминания в тексте заслуживает «дорога от Лейпцига до Люцена — необъятная, необозримая равнина», которая связана для автора с событиями Тридцатилетней войны, с гибелью шведского короля Густава Адольфа, который В.К. Кюхельбекер характеризует как «героя-мученика», сражавшийся «за свободу мыслей» (В.К. Кюхельбекер, 1979, с. 26). При этом давнюю историю места автор соединяет с недавней, продолжая развивать мотив войны за свободу¹⁴: «Здесь и в наше время два раза бились народы за независимость: здесь сам бог наконец расторгнул их оковы! Святая, незабвенная война!» (В.К. Кюхельбекер, 1979, с. 26). Вообще, образ «полей лейпцигских», связанных с войной против Наполеона, исполнен для автора особой значимости, поскольку, по его словам, там «решалась судьба человечества» (В.К. Кюхельбекер, 1979, с. 26).

К традиционным в русской литературе для пространства Германии характеристикам следует отнести идилличность, упорядоченность, изобильность, уютность немецких локусов [Жданов, 2017, с. 179], отмечаемые и В.К. Кюхельбекером. В таком ключе автор описывает города Мариенвердер и Нейенбург, лежащие «на берегах Вислы самым живописным образом один против другого»: «Необозримые нажити, светлые рощи, богатые луга, множество селений и городков на высоких берегах величественной прелестной реки...» (В.К. Кюхельбекер, 1979, с. 11). Здесь даже эротическое начало неотрывно от гастрономического, что выражено в совете В.К. Кюхельбекера друзьям: «...Мариенвердер богат хорошими сливами и грушами и миленькими девушками. ...ежели будете в Мариенвердере, купите себе груш и слив и поцелуйте хотя одну красавицу в мое воспоминание!» (В.К. Кюхельбекер, 1979, с. 11). Описание данных демиприродных и урбанистических локусов сходно с идиллическими образами Германии в сентименталистских текстах русской лите-

¹³ В.К. Кюхельбекер, смотря на Чужое, Германию, часто видит Свое. Так, училище Шульфорте «в уединении гор», напоминает автору «наше Царскосельское убежище» (В.К. Кюхельбекер, 1979, с. 26).

¹⁴ Познаполеоновская Германия изображается В.К. Кюхельбекером в целом как пространство свободы («Германцы доказали в последнее время, что они любят свободу и не рождены быть рабами...»), хотя тот подмечает здесь и «рабские обыкновения»: «употребление качалок (портшезов)» и «обычай заставлять за деньги петь по улицам сирот, воспитывающихся на счет общественный» (В.К. Кюхельбекер, 1979, с. 36). Образы последних придают пространству Дрездена не идиллический, а моральный контекст: «Вечером...при факелах... их напевы... ужасны при тишине...»; сироты представляются автору «проповедниками смерти, суда и разрушения», «привидениями или усопшими, которые оставили кладбище» (В.К. Кюхельбекер, 1979, с. 36).

ратуры. Оно сближается с экфрасисом, когда природа воспринимается как своего рода «живая картина», предназначенное для созерцания пространство с минимумом динамики. Неслучайно в связи с этим чуть ли не дословное сходство фраз в сентименталистском травелоге Ф.П. Лубяновского, изображающего Дрезден: «*Жаль, что я не живописец; тогда снявши дрезденские местоположения, украсил бы я дом твой самыми приятными картинами*» (Ф.П. Лубяновский, 1805, с. 15), и в «Путешествии» В.К. Кюхельбекера, пишущего о Мариенвердере и Нейенбурге: «...как жаль, что я не живописец!» (В.К. Кюхельбекер, 1979, с. 11).

Подобно сентименталистским текстам Н.М. Карамзина, Ф.П. Лубяновского, саксонские локусы в тексте В.К. Кюхельбекера «аккумулируют» в себе вышперечисленные идиллические свойства, к которым добавляется мотив волшебства как доведенного до крайности визуального разнообразия: «*Я здесь (в Дрездене. — С.Ж.) точно в стране волшебств и очарований*» (В.К. Кюхельбекер, 1979, с. 12). Характерным образом мотив «живой картины» в отношении Дрездена преобразуется в мотив «*волшебного фонаря*», то есть оптического устройства для проецирования изображений, при описании демиприродного локуса общественного сада, «...где дрезденцы по воскресным дням пьют кофе и наслаждаются табаком и природою: что шаг, то новая в глазах моих картина! Экипажи, всадники, иностранцы в богатом английском, студенты в странном германском наряде, гвардейцы в красных мундирах с медвежьими шапками, нищие — словом, волшебный фонарь!» (В.К. Кюхельбекер, 1979, с. 13). С метафорой «*волшебного фонаря*», по-видимому, связано и юмористическое перечисление диковинок, наблюдаемых автором в городе: «*Я видел здесь чудеса разного разбора: двух великанов, восковых чучел, морского льва, благовоспитанного, умного, который чудо из чудес, говорит немецким языком и, как уверяют, даже нижнесаксонским наречием!*» (В.К. Кюхельбекер, 1979, с. 16). В целом Дрезден В.К. Кюхельбекера, как и у сентименталистов, это вписанная в природную рамку яркая и привлекательная урбанистическая идиллия — «*очаровательные отдаленности*»: «*Саксонская природа очаровывает меня...*»; «*чудесный Дрезденский мост через Эльбу, горы лесистые, потом туманные, синие, будто привидения по обеим сторонам*»; «*величественная католическая церковь*»; «*Облака плавают в темно-голубом небе, озаряются вечернею зарею, отражаются в водах вместе с пышными садами и готическими, живописными строениями. Все долины, холмы и скаты усеяны бесчисленным множеством селений, деревень, городов — все здесь кипит жизнью. Люди пестреют в своих разноцветных одеждах*» (В.К. Кюхельбекер, 1979, с. 12–13).

При этом семиотическим центром Дрездена для В.К. Кюхельбекера выступает картинная галерея, которая, в свою очередь, имеет в тексте концентрическую структуру по мере нарастания эстетически окрашенной сакральности, где периферию образуют залы с полотнами фламандцев и немцев, а центр — пространство итальянской живописи: *«Не входя в святилище внутренней, италийской, галереи, я два утра провел в наружной, фламандской, чтобы себя совершенно успокоить и некоторым образом приготовить к созерцанию таинств, к созерцанию чудес небесной Геспериис»* (В.К. Кюхельбекер, 1979, с. 18). По сравнению с описаниями Дрезденской картинной галереи, включающими экфрасис картин, остальные знаковые места города в «Путешествии» едва обозначены: *«зеленый свод»* с *«царской утварью»*, *«собрание древностей»*, оружейная палата (В.К. Кюхельбекер, 1979, с. 23–24).

Антропно упорядоченным, эстетически привлекательным, полным жизни и высококультурным изображается и локус саксонского Лейпцига, который, по мнению автора, *«...по справедливости заслуживает название Афин Германии»*: это *«пригожий, светлый город: он кипит жизнью и деятельностью; жители отличаются особенною тонкостью, вежливостью в обращении: я здесь ничего не заметил похожего на провинциальные нравы...»* (В.К. Кюхельбекер, 1979, с. 26). Единственным серьезным цивилизационным минусом города для В.К. Кюхельбекера является недостаток уюта в местных домах во время зимы: *«Я никогда в С.-Петербурге так не мерзнул, как здесь! Проклятые здешние печи не греют, двойных окон нет, а между тем на дворе бесподобнейший снег и мороз, какого лучше нельзя желать и в России»* (В.К. Кюхельбекер, 1979, с. 26).

Идиллично и пространство Саксонии в целом, изображенное как территория мира, труда и процветания: *«мирные поля лейпцигские»*; *«...в Саксонии, почти нет следов минувшей войны...»*; *«жители зажиточны»*, *«...сила деятельности живет и поддерживает граждан и подает им способы изглаживать следы разрушения»* (В.К. Кюхельбекер, 1979, с. 26). Примечательно, что и Ф.П. Лубяновский в контексте не наполеоновских войн, а Семилетней войны характеризует трудолюбие саксонцев: *«...бедствия, навлеченные семилетнею войною, были для нас великим уроком умеренности, которая обращает все наше внимание на внутреннее благоустройство и обогащение Государства»* (Ф.П. Лубяновский, 1805, с. 24). В образе саксонского монарха также угадываются черты просвещенного идеального правителя, не уделяющего особого внимания общественной цензуре: *«В Саксонии король не обращает внимания на безделицы, которые сами по себе никак не могут быть опасны»*

ми для правителя и только тогда получают важность, когда назовешь их важными» (В.К. Кюхельбекер, 1979, с. 25).

Еще одно относительное сходство между travelогоми Н.М. Карамзина и В.К. Кюхельбекера заключается в том, что по сравнению с имажинально-географической Саксонией Пруссия в текстах писателей изображена более мрачными красками, не подается как идиллия. Выше мы уже писали о проклятиях автора «Путешествия» в адрес прусского природного ландшафта, «песчаного моря». Но и урбанистические локусы Потсдама и Берлина связаны в отдельных фрагментах текста с мотивами смерти, смирения, увядания. Так, из потсдамских локусов автор выбирает предметом описания гарнизонную церковь с могилами «великого Фридриха и его отца», которых, согласно В.К. Кюхельбекеру, «помирала» «смерть» (В.К. Кюхельбекер, 1979, с. 11). Даже в посмертном образе Фридриха II проявляется свойственная ему в русской литературе черта личной умеренности: монарх лежит в «простом гробе с свинцовою обшивкою», что контрастирует с «богатым мраморным мавзолеем» родителя и общим мрачно-пышным церковным убранством, изображенным в романтическом духе («великолепный храм, выбитый алым бархатом», «царствующий мрак», «темно-багровые обои», «потускневшая позолота», безмолвие, чувства тяжести и печали (В.К. Кюхельбекер, 1979, с. 11).

Резко негативными чертами изображена в «Путешествии» сцена посещения берлинской фарфоровой фабрики, которая представляется романтику В.К. Кюхельбекеру неприятным, подавляющим, грязным, антиприродным, механистическим локусом: «Механические работы, махины, горны и проч. <...> для меня отвратительны <...> нечистота и духота, господствующие в них (мастерских и фабриках — С.Ж.), стесняют, стук оглушает меня, пыль приводит в отчаяние, а сравнение ничтожных, но столь тяжелых трудов человеческих с бессмертными усилиями Природы будит во мне какое-то смутное негодование» (В.К. Кюхельбекер, 1979, с. 11–12). Отсюда возникает типично романтический мотив бегства от цивилизации в естественный локус — «под защиту высокого, свободного неба», где можно быть «счастливым даже под завываньем бурь и грохотом грома» (В.К. Кюхельбекер, 1979, с. 12).

Мотивами увядания и страха проникнуто бедное на детали описание осеннего Тиргартена, где В.К. Кюхельбекер гуляет с другом: «... мы ходили... по огромному зверинцу, несколько уже развенчанному рукою осени; воспоминали время минувшее и дивились огромным следам и развалинам, которые оно повсюду оставило <...> глядели на купы

зеленых, синих, пунсовых деревьев¹⁵ и почти пугались, когда вдруг открывали сквозь ветви вид или дорогу там, где еще вчера все для нас было завешано листьями» (В.К. Кюхельбекер, 1979, с. 12). Меланхоличные мысли посещает в Тиргартене и карамзинского путешественника (Н.М. Карамзин, 1984, с. 36).

Одним из немногих позитивных берлинских локусов, описываемых в «Путешествии», в — это местный театр, чей «огромный, светлый концертный зал расширил сердце» русского созерцателя (В.К. Кюхельбекер, 1979, с. 12).

Веймар В.К. Кюхельбекером, как и Н.М. Карамзиным, маркирован как город гениев, «где некогда жили великие: Гете, Шиллер, Гердер, Виланд», из которых ко времени посещения автором «Путешествия» остался лишь «бессмертный» Гете (В.К. Кюхельбекер, 1979, с. 27).

Зато кюхельбекеровский образ Кенигсберга отличается от карамзинского, неожиданно вбирая в себя ориенталистские и южноевропейские коннотации, что создает эффект остранения в пейзажном описании этого восточнопрусского города: «Я... видаю несколько готических городов, но ни один не поразил меня до такой степени. <...> я ахнул: река Прегель по обеим сторонам обсажена узенькими высокими домами <...>, которые <...> снабжены огромнейшими кровлями и тем получают вид каких-то башен китайской или бог знает какой постройки! <...> большие крыльца придают городу веселую южную физиономию. Меня восхитили италянские тополи, которые я здесь увидел...» (В.К. Кюхельбекер, 1979, с. 10).

Описание Мюнстера в основном ограничивается изображением местного кафедрального собора как воплощения средневекового искусства, «чуда готической архитектуры», которое поражает автора «своим огромным величием», «исполинской» колокольной и в то же время невероятными соразмерностью, легкостью, ответственностью всех частей, а также «свежестью» и «сумрачным мерцанием» покрытых живописью окон (В.К. Кюхельбекер, 1979, с. 37).

Наконец, следует подчеркнуть, что В.К. Кюхельбекер как романтический пейзажист гораздо более чувствителен к изображению дикой природы и стихийности, чем Н.М. Карамзин, предпочитающий идиллии-

¹⁵ Романтическая контрастная красочность, прорывающаяся в пространстве кюхельбекеровской Германии, в целом экспрессивней умиротворяющей идиллии Германии Карамзинской, что видно также в описании автором «Путешествия» окрестностей Мюнстера: «...далекие белые Вогезы сияли; темно-синий лесистый Шварцвальд чем ближе, тем более подходил к цвету лиловому, и наконец весь амфитеатр городов, сел и виноградников, покрывающих его, являлся моему взору подернут флером красноватого дыма» (В.К. Кюхельбекер, 1979, с. 36).

ческие демиприродные и антропные локусы. Так, в кюхельбекеровском тексте появляется описание прусского путешествия вдоль берега моря, отмеченное романтическим контрастом между безмятежностью неба и буйством волн: «...вечер был самый поэтический; облака, от вечерней зари, летя, сияли, и <...> улетали за далекий, величественный, ясный небосклон; море кипело и колыхалось. Какая противоположность!» (В.К. Кюхельбекер, 1979, с. 9). Впрочем, изображение балтийского пейзажа у В.К. Кюхельбекера довольно общо, реализуясь в рамках античной мифологической образности — «радостного», «безмятежного» Зевса (неба) и «дикого» Нептуна (моря) (В.К. Кюхельбекер, 1979, с. 9). Выше мы уже говорили о сходном, почти лишенном конкретных деталей описании рейнского ландшафта.

В то же время заснеженные вершины утесов и каменных гор Тюрингии не вызывают у В.К. Кюхельбекера восхищения. По выражению автора, ее «прекрасные виды» «являлись» ему «не живописными картинами, а рисунками» и напоминали не идиллический локус, а суровую «снежную утесистую Финляндию» (В.К. Кюхельбекер, 1979, с. 26).

Таким образом, имагинально-географическая Германия в тексте В.К. Кюхельбекера имеет ряд черт, общих для изображения данного пространства в русской литературе рубежа XVIII–XIX вв.: это, во-первых, лиминальность Прибалтики и Эльзаса с точки зрения возрастания и убывания степени немецкости территорий соответственно; во-вторых, мотив скучного путешествия по Пруссии; в-третьих, изображение Саксонии (а также прирейнских областей со связанным с ними мотивом рейнвейна) как идиллии, а Пруссии как антиидиллии с мотивами раздора, увядания, страха, смерти, впрочем, в значительной мере смягченными в «Путешествии»; в-четвертых, маркирование Германии как земли духа, места встречи со значительными культурными деятелями Европы.

Однако по сравнению с сентименталистским дискурсом романтик В.К. Кюхельбекер в большей мере тяготеет к изображению контрастов в образе Германии, примером чему служит амбивалентный образ Дрездена как не только идиллии, но и пространства несвободы и даже мортальности. Своеобычен и кюхельбекеровский Кенигсберг, в описании которого сочетаются традиционно-немецкие (средневеково-готические) и ориенталистские и южноевропейские элементы. Чертами, характерными для романтической репрезентации отдельных германских локусов в «Путешествии», выступают неприятие механистической цивилизации и его противоположность — культ не-

освоенной человеком природы, отличающейся от природы облагороженной как сентименталистского идеала. Наконец, для В.К. Кюхельбекера оказывается значимым образ Германии как территории сражений за свободу Европы.

Библиографический список

Горемыкина М.В. Жанровая специфика художественной прозы В.К. Кюхельбекера 1820-х годов // Филология и культура. 2015. № 1 (39).

Жданов С.С. Образ Германии в отечественных травелогах рубежа XVIII–XIX вв.: природное и человеческое пространства (к постановке проблемы) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 49. DOI: 10.17223/19986645/49/11.

Ильченко Н.М., Пепеляева С.В. Дрезден как культурный хронотоп в картине мира В.К. Кюхельбекера и В.А. Жуковского // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 4.

Ильченко Н. М. Французские впечатления В.К. Кюхельбекера и А.И. Тургенева: к проблеме специфики романтического путевого очерка // Французская литература в контексте мировой культуры: коллективная монография. Нижний Новгород, 2012.

Москвина Н.М. Экфрасис в «Путешествии» В. К. Кюхельбекера // Научные труды. 2016. № 39.

Мусий В. Три путешествия Вильгельма Кюхельбекера // Вісник ОНУ. Серія: Філологія. 2014. Т. 19, вип. 2(8).

Оболенская С. В. Германия глазами русских военных путешественников 1813 года // Одиссей. Человек в истории. 1993. Образ «другого» в культуре. М., 1994.

Пауткин А.А. Кенигсберг А.Т. Болотова. Оптика самопознания // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2017. № 4.

Тынянов Ю. Н. Французские отношения Кюхельбекера // Тынянов Ю.Н. Пушкин и его современники. М., 1969.

Фарафонова О.А. Специфика изображения «чужого» в «Похождении прапорщика Климова» // Филология и человек. 2017. № 1.

Источники

Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л., 1984.

Кюхельбекер В.К. Избранные произведения: в 2 т. М., Л., 1967. Т. 1.

Кюхельбекер В.К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979.

Лубяновский Ф.П. Путешествие по Саксонии, Австрии и Италии в 1800, 1801 и 1802 годах: в 3 ч. СПб., 1805. Ч. 1.

References

Goremykina M.V. *Zhanrovaya specifika khudozhestvennoy prozy V.K. Kyuhel'bekera 1820-kh godov*. [Genre peculiarities of W.K. Küchelbecker's fictional prose in 1820s]. In: *Filologiya i kultura*. [Philology and Culture]. 2015. No. 1(39).

Zhdanov S.S. *Obrazy Germanii v otechestvennykh travelogakh rubezha XVIII-XIX vv.: prirodnoye i chelovecheskoye prostranstva (k postanovke problem)*. [The image of Germany in Russian travelogues at the turn of the 19th century: natural and anthropic spaces (to the problem statement)]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. [Tomsk State University Bulletin]. 2017. No. 49. DOI: 10.17223/19986645/49/11.

Il'chenko N.M., Pepelyayeva S.V. *Dresden kak kulturny hronotop v kartine mira V.K. Kyuhel'bekera i V.A. Zhukovskogo*. [Dresden as the cultural chronotope in W.K. Küchelbecker's and V.A. Zhukovsky's world views]. In: *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*. [Herald of Vyatka State University]. 2015. No. 4.

Il'chenko N.M. *Francuzskiy vpechatleniya V.K. Kyuhel'bekera i A.I. Turgeneva: k problem specifiki romanticheskogo ocherka*. [W.K. Küchelbecker's and A.I. Turgenev's French experiences: to the problem of romanticist travelogue peculiarities]. In: *Francuzskaya literatura v kontekste mirivoy kul'tury*. [French literature in the context of the world culture: joint monograph]. Monograph. Nizhny Novgorod, 2012.

Moskvina N.M. *Ekfrasis v "Puteshestvii V.K. Kyuhel'bekera"* [Ekphrasis in W.K. Küchelbecker's "Journey"]. In: *Nauchnye trudy* [Scientific works]. 2016. No. 39.

Musiy V. *Tri puteshestviya Vil'gel'ma Kyuhelbekera*. [W.K. Küchelbecker's three journeys]. In: *Visnik ONU. Filologiya*. [Odessa National University Herald. Philology]. 2014. Vol. 19. Iss. 2(8).

Obolenskaya S.V. *Germaniya glazami russkikh voennykh puteshestvennikov 1813 goda*. [Germany through Russian military travelers' eyes in 1813]. In: *Odissey. Chelovek v istorii*. 1993. *Obraz 'drugogo' v culture*. [Odysseus. Human in the history. 1933. Image of the 'other' in the culture]. Moscow, 1994.

Pautkin A.A. *Kyonigsberg A.T. Bolotova. Optika samopoznaniya*. [A.T. Bolotov's Königsberg. Optics of self-knowledge]. In: *Filologicheskiye nauki*. [Philological Sciences.]. 2017. No. 4.

Tynyanov Yu.N. *Francuzskiy otnosheniya Kyuhel'bekera* [W.K. Küchelbecker's French relations]. In: Tynyanov Yu.N. *Pushkin i ego sovremenniki* [Pushkin and his contemporaries]. Moscow, 1969.

Farafonova O.A. *Specifika 'chuzhogo' v "Pokhozhdanii praporshchika Klimova"* [Specificity of representing the 'other' in "Adventures of the ensign Klimov"]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2017. No. 1

List of sources

Karamzin N.M. *Pis'ma russkogo puteshestvennika*. [Russian Traveller's Letters]. Leningrad, 1984.

Kyuhel'beker V.K. *Izbrannye proizvedeniya: v 2 t.* [Selected works: in 2 vols]. Moscow, Leningrad, 1967. Vol. 1.

Kyuhel'beker V.K. *Puteshestiye. Dnevnik. Stat'i* [Journey. Diary. Articles]. Leningrad, 1979.

Lubyanovskiy F.P. *Puteshestvie po Saksonii, Avstrii i Italii v 1800, 1801 i 1802 godakh: v 3 ch.* [Travel in Saxony, Austria and Italy in 1800, 1801 and 1802: in 3 parts]. Saint Petersburg, 1805. Pt. 1.

ФОРМЫ ИСПОВЕДАЛЬНОСТИ В РАССКАЗЕ Г.И. ГАЗДАНОВА «ТРЕТЬЯ ЖИЗНЬ»

А.А. Кухтенкова

Ключевые слова: языковые формы психологизма, лексические текстовые парадигмы.

Keywords: linguistic forms of psychologism, lexical text paradigms.

DOI 10.14258/filichel(2021)4-07

Рассказ Г.И. Газданова «Третья жизнь» посвящен движениям души героя-рассказчика, вызванным его душевной болезнью. «Газданов выделил одну ипостась в жизни человека... Эту ипостась случайного дара жизни он назвал «третьей жизнью». Нормальная жизнь зрелого человека представляется писателю отдохновением после «длительного сумасшествия» творческого акта. Третья жизнь начинается, если однажды писатель переходит в состояние, похожее на болезнь, когда воображаемое и действительное сливаются в одно...» [Коломин, 2008, с. 105]. Условные границы первой жизни очерчиваются детством: *первая кончилась тогда, когда я перестал быть ребенком, вторая жизнь — это иллюзии, мечты, чувственные движения души, игра воображения: это были путешествия, война, книги, университет, встречи и те слепые движения души, которые заставляли меня читать целые часы о давно происшедшем преступлении или писать рассказы...* (Г.И. Газданов, 2009, с. 371).

Третья жизнь в понимании героя-рассказчика — последнее зрение, объединяющее видения и мысли, одухотворенность существования, литературное призвание, душевное погружение, то есть другую жизнь.

Исповедальная природа произведения выражается в формах психологизма. Обратившись к этому вопросу с целью углубить представление об особенностях индивидуального стиля Г.И. Газданова, учитываем классификацию организации форм психологического изображения, предложенную Е.В. Асмоловой и С.С. Тереховой [2006; 2020, с. 15].

Авторы выделяют:

1. **Прямую форму** (изнутри) — непосредственное воссоздание процессов внутренней жизни человека с помощью внутреннего монолога, авторского психологического анализа, несобственно-прямой внутренней речи и т.д.

2. **Косвенную форму** (извне) — фиксация внешних (речевых, пантомимических, физиологических) проявлений внутреннего состояния.

3. **Суммарно-обозначающую** — название того или иного психологического процесса, или состояния.

Исповедальность рассказчика о душевных мучениях представлена в начале рассказа синонимически сближенными суммарно-обозначающими формами выражения тяжелых переживаний в виде атрибутивных словосочетаний. Душевные драмы переданы метафорически и указывают на ненормальные волнения души, вызванные ожиданием наступления третьей жизни. Герой ошибочно полагал, что душевная болезнь в прошлом: «... *могу стать жертвой какой-либо душевной болезни* (перифраза третьей жизни. — А.К.) ... *принадлежу к счастливой части человечества, которая не знает ни сильных душевных потрясений, ни особенных драм, ни резких изменений настроения*. ... *мое времяпрепровождение похоже на душевный отдых после длительного сумасшествия*» (Г.И. Газданов, 2009, с. 366).

Синонимическая цепочка усилительных отрицаний драматического психологического состояния подчеркивает глубину возможных (*могу стать жертвой*) переживаний. На самом деле номинация «длительное сумасшествие» как ассоциат третьей жизни свидетельствует, что подобное уже было с героем, который испытывает теперь душевный отдых, ретроспективный возврат в первую жизнь. Антонимический ряд *отдых, прекратились/ возвращение* проводит условную границу между нормальной жизнью и *душевной болезнью*, то есть *третьей жизнью*.

Герой-рассказчик отказывается называть это болезнью, он называет это переходом в третью жизнь, делает проспективный намек на нее, что представлено прямой формой изображения психологизма. Третья жизнь — это в данном рассказе перифрастическое название указанного психологического состояния, во многом обусловленного пребыванием в *эмиграции*, то есть в состоянии частых сомнений, связанных с тоской о покинутой Родине: «... *стал вновь доступен прежним душевным недомоганиям ... наступило то, что мне кажется не сумасшествием и не болезнью, а переходом в то, что я назвал бы третьей жизнью*. В ней *воображаемое и действительное* настолько сплетены вместе, что нет никакой возможности различить, где *начинается* одно и *кончается* другое» (Г.И. Газданов, 2009, с. 368). Герой-рассказчик старается подобрать более точное название для описания третьей жизни: «...*мне кажется не сумасшествием и не болезнью*», то есть хочет избавиться от двоемирия как сопутствующего проявления душевной болезни. Это состояние художника, творца в широком смысле и поиска вдохновения (именно поэтому антонимы воображаемое и действительное

контекстно соединяются). Их границы в искусстве, действительно, условны, сложно отделить процесс создания от результата.

Модус сомнения (*кажется, что я вспоминаю, насколько я помню, по-моему, около трех часов ночи*) открывает перспективные воспоминания героя-рассказчика о переходе в третью жизнь, о творческом поиске. **Воспоминание** — композиционная рамка многих исповедальных произведений Г.И. Газданова — это можно считать основным звеном психологизма писателя. При изображении перехода в третью жизнь используются прямой и суммарно-обозначающий способы выражения психологизма: *«Мне кажется, что я вспоминаю теперь начало тех изменений, которые предшествовали переходу в третью жизнь»* (Г.И. Газданов, 2009, с. 369).

Глубина страданий героя, его безвыходность, напоминает об эмиграции и ее тяготах, обильно оплакиваемых дождем: *«... с вечера шел непрекращающийся ни на минуту дождь; он то усиливался, то ослабевал, летели, не останавливаясь, бесчисленные капли воды... улица проходила точно между двумя глухими стенами»* (Г.И. Газданов, 2009, с. 369). Используются гипонимы с тактильной семантикой (*зима, дождь, капли воды*), интенсивы (*усиливался, непрекращающийся, бесчисленные*), чередующиеся с экстенсивами (*ослабевал*); заключительное сравнение усиливает впечатление о гнетущем воздействии. Переход в третью жизнь совершается во время эмиграции в Париж. Изменения, происходящие во внутреннем мире души героя, нередко сопровождаются тактильными ощущениями.

Далее наступившее бессознание героя характеризуется метафорически (*забвение*) через отрицание: *«...я потерял сознание. Это не было ни обмороком, ни сном, ни секундным забвением; это было как бы бесконечной душевной пропастью...»* (Г.И. Газданов, 2009, с. 369). Указанное состояние приводит к потере сознания, которое определяется героем метафорически — как душевная пропасть, без физической боли, болезненных последствий. Затем объяснение рассказчика от косвенной формы изображения психологизма переходит к прямой — тоже через метафору (*ледяная ясность ощущения, последнее зрение, не допускающее ошибки, сильное чувство, менявшее в глазах все предметы*). Так, метафорически и при помощи компаративов герой описывает свою другую, третью, жизнь.

Именно сравнения в этом рассказе вводят и объясняют двоемирие, которое переживает герой-рассказчик, стремившийся к третьей жизни: *«я видел себя со стороны и даже скорее издали, чем вблизи, — а как видят изображение на экране или другого человека»* (Г.И. Газ-

данов, 2009, с. 370). Многофокусностью, калейдоскопичностью своей «оптики» мнемонический текст писателя позволяет сочетать взгляд «изнутри» с позицией героя-повествователя как стороннего заинтересованного наблюдателя — «извне» (по отношению к собственным снам-воспоминаниям).

Здесь представлено ретроспективное воспоминание о дожде, во время которого и было погружение в третью жизнь. Экспликаторами «со стороны» выступают сравнения: *скорее издали, чем вблизи, изображение на экране или другого человека*, а также использование устойчивого оборота *видел себя со стороны*.

Тактильно-визуальное восприятие света фонарей, переданное суммарно-обозначающей формой изображения психологизма при использовании противопоставления, отвечает **двоемирие** (*длительная разлука с собой, призрачная возможность возвращения в себя, тень, небытие, мечта, сон*). Антонимия — устойчивое явление в рассказе героя; оно как бы создает рамку душевной болезни: «... я тревожно **следил за этой длительной разлукой с собой** и даже боялся чьего-либо появления, которое вдруг остановило бы своей густой, непросвечивающей **тенью призрачную возможность моего возвращения в себя**...» (Г.И. Газданов, 2009, с. 369). Сравнение «ближе к небытию, чем мечта или сон» актуализирует зыбкость, хрупкость, нестабильность душевного состояния героя-рассказчика. Только в этом состоянии, которое он определил как третью жизнь, герой видит ясно.

Герой-рассказчик стремится к состоянию блаженства (*сладострастие исчезновения*), сравниваемому с воспоминанием или сном, то есть состоянием полного покоя, свободы, переданное как прямым, так и суммарно-обозначающим способом изображения психологизма.

Размыкая круг эмигрантских переживаний, рассказчик использует контекстуальные синонимы (*исчезнуть, забыть обо всем*), сравнение (*сделаться похожим на цвет земли, незаметно исчезнуть совсем*). Рассказчик стремится раствориться в небытии незаметно, это выражено цветовым фоном (*потемнеть, почернеть*). Устойчивый оборот *последние минуты перед смертью* представлен как нормальное состояние (*очнуться*), то есть иметь возможность в другом мире жить спокойно, свободно.

До момента достижения третьей жизни герою-рассказчику суждено **последнее знание**, именно оно является ключом для входа в искомую жизнь. Первая форма психологического изображения часто сопровождается использованием перцептивной (тактильной и визуальной) семантики, которая помогает понять нюансы состояния рассказчика: «*И тогда я*

начал **приходить в себя**; и последняя моя мысль, которая и теперь во мне и необычайно свежа, и холодна, как та влажная и забываемая тьма, в которой она возникла...» (Г.И. Газданов, 2009, с. 371). Неслучайно перцептивное сравнение мысли и ночи во время болезни.

Желание найти третью жизнь в ситуациях душевных невзгод, ледяной тоски напоминает поиски лирического мира, сентиментального транса («Эвелина и ее друзья», «История одного путешествия», «Полет», «Пилигримы»), происходит взаимодействие тем, лейтмотивов, связанных с мечтами героев. Но визуальный характер проявления третьей жизни (*ослепительный свет, мягкий и нежный, как самые ранние воспоминания детства*) — возвращение на Родину в беззаботное детство, в то время как лирический мир — состояние влюбленности, пронизанное любовью к искусству, музыке.

Определение содержания третьей жизни находим в следующих словах: «Я говорил себе, что **если бы я нашел это знание, ... то с этой минуты началась бы третья жизнь** — как прозрачная река, соединенная с ослепительным светом, мягким и нежным, как самые ранние воспоминания детства. Это была бы третья жизнь» (Г.И. Газданов, 2009, с. 371).

Объяснения героем того, как понять третью жизнь, неоднозначны (как неразделенность реального и действительного, душевной драмы и отдыха от нее, *возможность иного видения мира*). Это знание герой искал всю жизнь, но оно было для него *призрачным*. И только один раз присутствует почти прямое указание на то, что такое для героя третья жизнь — но оно завуалировано в образ-сравнение, поэтому звучит это как мечта: как *прозрачная река...*, как *самые ранние воспоминания детства*. В этом тоже нет полной ясности, конкретности представления о *третьей жизни*, тем более, что используется форма условного наклонения (*это была бы третья жизнь*). Темпоральные показатели: *искал всю мою жизнь, каждый раз*, цепочка сравнений (*как тень, или оказывалось не тем, которое мне было необходимо, как воздух*), векторные антонимы (*находил/исчезало*) — подчеркивают важность обретения желаемого. Модус сомнения остается за счет условного наклонения (*началась бы, была бы, если бы нашел*).

Рефлексия героя-рассказчика на предмет доступа в третью жизнь передается суммарно-обозначающим и прямыми способами изображения психологизма: «... в целом мире **неизвестного** есть только один узкий вход в эту **третью жизнь**; ... закрыть глаза... **запахи, картины и образы, и после каждого из них не оставалось ничего, кроме зрительного воспоминания, бесплодного и пустого, как рисунок на песке или исчезающая полоса света**» (Г.И. Газданов, 2009, с. 372).

Вход в третью жизнь сопровождается повышением чувственных восприятий: *звуковые тени третьей жизни, зрительные сравнения, определяющие неуловимость и хрупкость искомого мира (зрительно-го воспоминания, бесплодного и пустого, как рисунок на песке или исчезающая полоса света; как невозможный, сверкающий мираж)*. Доступ в третью жизнь достается только избранным (*только один узкий вход, с уделом единственного счастья, найти именно тот вход*).

Герой-рассказчик слышит отголоски мелодии третьей жизни, это оценивается перцептивным сравнением (*сверкающий мираж*): «... *доносились далекие звуки, недоступные, недостижимые... Это были звуковые тени третьей жизни, оставлявшие меня всякий раз в состоянии жажды и душевного изнеможения, — как невозможный, сверкающий мираж. ... если бы мне не было суждено узнать третью жизнь, я все же никогда не перестал бы надеяться*» (Г.И. Газданов, 2009, с. 372).

Антонимические рамки: *душевная тревога, жажда душевного изнеможения/периоды спокойствия; смерть/ожидание третьей жизни, неизвестного/суждено узнать* задают ретроспекцию горьких переживаний (*беспощадной памяти обо всем том, в чем так трудно и больно было жить; бессильное напоминание*) и счастливо-радостную перспекцию (*все стало бы ясно, светло и хорошо; никогда не перестал бы надеяться, непрекращающегося ожидания*) восприятия происходящего; зона пересечения первой и третьей жизни — метафорически выраженные последствия (*шрамы от давно заживших ран*).

Время поисков, стремлений к третьей жизни конкретно определено, уточнено показателями второй жизни: *мечты, представления*: «Я *думаю, что больше половины всего моего времени я потратил на мечты, поиски и представления о том, каким должно было быть мое существование ...*» (Г.И. Газданов, 2009, с. 372).

Новые перцептивно-тактильные ощущения добавили краски третьей жизни: аллюзия, ассоциирующаяся с незыблемым неподвижным спокойствием, выходом из чужой среды, что отмечено контекстуальными антонимами: «...*первый вечер третьей жизни. Он остался в моей памяти — свежим и прохладным; впервые после такого раскаленного ожидания и душного неба святого Антония...*» (Г.И. Газданов, 2009, с. 378). Метафора *неизвестной страны* связана с *освобождением от всех тягестей* эмиграции.

Ошибочность, иллюзорность, туманность желаемого облегчения эмигрантской жизни, после начала третьей жизни (к которой шел, но не постиг герой-рассказчик), раскрыты в следующих словах: «... *с того дня (о начале третьей жизни. — А.К.) началось то двойное существо-*

вание, которое любой врач определил бы как сумасшествие. ... мне казалось, что я не мог совершать то ночное путешествие, такое странное и необычайно похожее на действительность...» (Г.И. Газданов, 2009, с. 377).

Контекстуальные синонимы-определения, включающие метафору *призрачные и неверные берега*, сопутствующая ассоциация сна о Родине, поддерживаются сравнением (*все точно снится или не снится*) и аллитерацией шипящих звуков и создает визуально-аудиальный фон зимней России (*зима, снег, снежный шуршащий шум*). Перцептивная окраска образов Родины соответствует чувству свободы: «...земля со **снежным, шуршащим шумом**. То, как я вступаю в этот воздух, где **призрачны и неверны берега** ... я вижу в **нестерпимом просвете берег счастливой страны** ...».

После наступления третьей жизни (изображенной прямым и суммарно-обозначающим способами выражения психологизма) начинается **двойное существование**, которое номинируется героем как сумасшествие. Метонимия сонного ночного путешествия (контекстно синонимизируют лексемы *сон и путешествие*) выступает связующей нитью между мирами посредством сравнения *необычайно похожее на действительность*, это возможно благодаря сравнению (*как покрывало фокусника*) и образу *зеркала* — символа двоемирия. Фраза «*это было на самом деле*» передает одну ипостась существования; вторая ипостась противопоставлена: «*все точно снится или не снится, маркер — модус сомнения и воображения казалось*».

Мучительное многочисленное существование передается словами с количественной семантикой: *серия, множество/многочисленности, расщепляло*, например: «...**третья жизнь отличалась от предыдущих**. ... в исчезновении той мучительной **многочисленности существования**, от которой я **так страдал раньше**. Передо мной постоянно проходило **несколько одновременных серий событий**. ... **множество** неважных, **но параллельных и соответствующих** во времени **происшествий** **ежесекундно расщепляло** мое внимание... **И эта множественность существования** вдруг исчезла...» (Газданов, 2009, с. 380).

Интенсивы *мучительной, разрушительная сила*, показатели ретроспекции (*так страдал раньше, до сих пор, раньше я знал*), контраст *необычайного и несравнимого ощущения и душевных знаний* — указывают на желание героя проанализировать происходящее. Контекстуально чувство томления тяжелее и страшнее ожидания смерти, это эксплицирует сравнение (*томления более невыносимого, чем ожидание смерти*).

Варьирующейся синонимический ряд с текстовыми повторами компонентов этого ряда: *печаль, скука* — сквозной во многих про-

изведениях Г.И. Газданова [Кухтенкова, 2015, с. 29]. Указанная синонимическая текстовая парадигма соотносится с описанием эмигрантской судьбы. Спасительная отдушина для эмигранта — путь к свободной и спокойной жизни. Это одна из ведущих психосоматических доминант творчества писателя, например: «*Раньше я знал печаль, и тоску, и скуку, и томление; но только потом, в минуты отчаяния... я узнал всю разрушительную его силу... ужасного томления, в тысячу раз более невыносимого, чем ожидание смерти значило для меня больше, чем годы многолетней, непрекращающейся агонии*» (Г.И. Газданов, 2009, с. 381).

На последних страницах текста герой-рассказчик осознает бесполезность усилий вернуться на Родину (поэтому угасает надежда на возможность обретения *третьей жизни*), воспоминание о которой связано с визуальными образами зимы и контрастно представленными звуковыми впечатлениями: «*Париж и открытое окно моей комнаты. ... Ушли навсегда все воспоминания, и неопределенное томление ожидания, исчезли снега, и море, и весь этот то гремящий и бунтующий, то безмолвный и белый мир, который я знал столько лет...*» (Г.И. Газданов, 2009, с. 381).

Используется грустная аллюзивная перифраза *далекая страна*, и снова возникают трагические, переданные метафорически образы пережитого, связанные с эмиграцией (*кораблекрушение, страшной дали*), соотнесенные с контрастным аудиальным впечатлением (*пронзительный женский плач, всхлипывание ветра, плачет океан*); аудиальные образы сменяются тактильными (*влажный туман и горячая земля*).

Перцептивное преломление воспоминаний делает переживания особо ощутимыми, как бы приближает прошлое к настоящему: «*осталось только безвозвратное путешествие в далекую страну... Это похоже на кораблекрушение: вдали догорает корабль и плачет утопающий, вокруг ночной океан, — и впереди, за пленой влажного морского тумана, горячая земля почти недоступной страны — единственной, на которой возможна моя жизнь. Не осталось ничего, кроме этого последнего путешествия, весь мир закрыт для меня, и есть только эта страна ...*» (Г.И. Газданов, 2009, с. 382).

Пространственные ментальные локусы (*безвозвратное путешествие в далекую страну, почти недоступной страны, последнее путешествие*) выражают отчаяние эмигранта и иллюзорность *третьей жизни*. Хронотопный контраст *весь мир закрыт/ единственной страны, на которой возможна жизнь* определяет причину переживаний героя-рассказчика. Образ океана, глобализирующий осознание мучительной

тоски героя, дополняется, как мы видим, и темпоральной метафорой, и связанным с ней сожалением о тускнеющей памяти.

В самом конце рассказа перцептивный контраст *темное пространство/ослепительное сиянье*, соединенный мотивом ожидания, выражает рефлексию героя-рассказчика (*признаться себе во всем — до конца*), например: «... и после всего, **вместо мрака**, которого я **ожидал**, я увидел точно **ослепительное сиянье воздушной реки...**» (Г.И. Газданов, 2009, с. 383). Перцептивная метафора подсказывает начало нового жизненного этапа, то есть жизнь без грез и миражей.

Заключительные строки произведения тоже связаны с перцептивной темой. Благодаря визуальному сравнению *как снежная тень, проходящая вдоль моей жизни*, поддержанному зрительной и тактильной переключкой, появляется напоминание об эмиграции: «*В ту ночь, когда я потерял себя ... вблизи, в горячем воздухе — холодное и спокойное течение, — как снежная тень, проходящая вдоль моей жизни*» (Г.И. Газданов, 2009, с. 383). Перцептивный контраст *зимний туман/горячий воздух* соединяет приятные воспоминания и боль эмиграции. Метафора *холодное и спокойное течение* подразумевает жизненную реку, частью которой является *снежная тень* — возможно, метонимическое изображение былой жизни на Родине и воображаемое путешествие в третью жизнь.

Третья литературная жизнь выглядит так: «*Очень давно, в самом начале моего пребывания в Париже, я сильно хотел литературного признания; а вместо этого. ... часть моего существования, которая была рядом автоматических движений, лишенных душевного содержания...*» (Г.И. Газданов, 2009, с. 376). Здесь представлена творческая жизнь, ретроспективно ассоциирующаяся с *литературным признанием и возможностями (очень давно, в самом начале)*, перелом — поиски третьей жизни (душевное содержание).

Переходы из одной жизни в другую синонимично-метафорически номинируются душевным погружением, душевной темнотой и темной пеленой (*видения, бесплодности и бессилии всего существующего*), антонимической рамкой *покой, безразличие, спокойствие/постоянная тревога*. Они переключают и сочетают возможные способы передачи психологического состояния: «*Переходы из одного душевного состояния в другое — обычно совершающиеся незаметно, — были для меня очевидны; и мысли, которые в те минуты занимали меня, или параллельно этому душевному погружению*» (Г.И. Газданов, 2009, с. 376). Душевное тепло герой-рассказчик получает только в *воспоминаниях* о заснеженной России. Только в *третьей жизни* можно достичь гармоничной свободы.

Итак, искомое героем-рассказчиком состояние блаженства ассоциируется с воспоминанием или сном и выражается как прямым, так и суммарно-обозначающим способами изображения психологического состояния. Суммарно-обозначающая форма неустойчивого душевного состояния героя нередко сопровождается наблюдением варьирующего света фонарей на парижских улицах с *воспоминанием* о петербургских фонарях. Это становится признаком третьей жизни. При смене прямой формы изображения психологизма на суммарно-обозначающую осуществляется перевод душевной болезни в третью жизнь (при помощи интенсификации/экстенсивов, метафор, сравнений, перцептивных образов и модуса воспоминаний, омытых символическим дождем как проспективным намеком на изменения).

Наступление третьей жизни обозначено усилением чувственных восприятий (запахи, синестезийная метафора, зрительные сравнения), определяющие зыбкость желанного мира. Аллюзии связаны либо с доэмигрантской счастливо-любимой жизнью, либо со светлыми проспективными надеждами избавления от тягот эмиграции. Именно текстообразующие сравнения определяют лейтмотив двоемирия. Темпоральные маркеры, цепочки сравнений, векторные антонимы актуализируют значимость обретения желаемого. Антонимические рамки определяют ретроспекцию тягостно-мучительных переживаний и успокоительную проспекцию восприятия происходящего; зона пересечения — метафорически выраженные следы душевных травм.

Стремление обрести третью жизнь связано с проявлением межтекстовых лейтмотивов лирического мира, сентиментального трансa, то есть перекличкой с такими произведениями как «Эвелина и ее друзья», «История одного путешествия», «Полет», «Пилигримы».

Библиографический список

Асмолова Е.В. Своеобразие художественного психологизма в романах Газданова, М., 2006.

Асмолова Е.В., Терехова С.С. Поэтика психологизма в романах и документальной прозе Г.И. Газданова. Калуга, 2020.

Коломин Д.Е. Женские образы в рассказах Газданова: к вопросу о неавторских циклах в прозе. URL: <http://www.hrono.ru/text/2008kolo0308html>

Кухтенкова А.А. Аллюзивный фон смысловых текстовых парадигм в романе Г.И. Газданова «Возвращение Будды» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2015. Т. 15. № 3.

Источник

Газданов Г.И. Собрание сочинений: в 5 т. М., 2009. Т. 2.

References

Asmolova E. V. Svoeobraziye khudozhestvennogo psikhologizma v romanakh Gazdanova, [Originality of artistic psychologism in Gazdanov's novels]. Cand. Of Philol Diss. Moscow, 2006.

Asmolova E.V., Terekhova S.S. Poetika psikhologizma v romanakh i dokumental'noy proze G.I. Gazdanova [Poetics of psychologism in novels and documentary prose by G. I. Gazdanov.]. Kaluga, 2020.

Kolomin D.E. Zhenskiye obrazy v rasskazakh Gazdanova: k voprosu o neavtorskikh tsiklakh v proze [Women's images in Gazdanov's Stories: on the issue of non-author cycles in prose] Elektronnyy resurs. URL: <http://www.hrono.ru/text/2008kolo0308html> (accessed 12.12.2020).

Kukhtenkova A.A. Allyuzivnyy fon smyslovykh tekstovyykh paradigm v romane G. I. Gazdanova "Vozvrashcheniye Buddy" [Allusive background of semantic text paradigms in G. I. Gazdanov's novel "The Return of the Buddha"] Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika [Izvestiya Saratovskogo universiteta. New series. Series: Philology. Journalism.]. 2015. Vol. 15. No. 3.

A source

Gazdanov G.I. *Sobranie sochineniy*. [Collected works: in 5 vols]. 2009. Vol. 2.

СПЕЦИФИКА ВОПЛОЩЕНИЯ УЛЫБКИ, СМЕХА, НАСМЕШКИ В ТВОРЧЕСТВЕ Б. КАНАПЬЯНОВА

А.Т. Бактыбаева

Ключевые слова: Б. Канапьянов; современная русскоязычная литература Казахстана; комическое; улыбка; смех, насмешка.

Keywords: B. Kanapyanov; modern Russian-language literature of Kazakhstan; comic; smile; laughter, mockery.

DOI 10.14258/filichel(2021)4-08

Бахытжан Канапьянов — современный казахстанский поэт, писатель, переводчик, сценарист, кинорежиссёр. Его первые поэтические произведения были опубликованы еще в середине 70-х гг. XX в. на страницах республиканского журнала «Простор». Практически сразу после окончания Литературного института были изданы три сборника поэзии — «Ночная прохлада» (1977), «Отражения» (1979) и «Чувство мира» (1982). Многим из его произведений свойственен синтез элементов документальной прозы, с одной стороны, и тонкого юмора, выраженного посредством описания событий, персонажей, их взаимоотношений, поступков и отношения к окружающему миру — с другой. Кроме того, определенную роль в обрисовке национальных образов в творчестве Б. Канапьянова играют смех и улыбка. Актуальность нашей статьи определяется повышенным интересом исследователей к проблемам смеха, комического и необходимостью познакомить со смеховой стихией в поэзии и прозе Б. Канапьянова как одного из крупнейших представителей русскоязычной казахстанской литературы, который соединил в своем творчестве разные культурные традиции.

Современные исследователи отмечают, что смеховая стихия в литературных произведениях многообразна. Например, анализируя творчество Ф.М. Достоевского, филологи выделяют несколько типов смеха в его произведениях. Но главное, что сам смех может быть конкретным героем его романов и рассказов, хотя иногда и предстает в маске лицедея на страницах прочитанного [Караулов, 2001, с. 160].

К.М. Старчеус анализирует структурные и семантические конструкции в описании улыбки и смеха в творчестве А.П. Чехова [Старчеус, 2010]. О.В. Уварова и М.А. Федоров в исследовании «Способы актуализации улыбки в английской художественной литературе» описывают

способы воспроизводимости улыбки в художественных текстах английских писателей XIX–XX вв. Они классифицируют улыбку по способу образования: на лице, глазах, губах и подчеркивают, что улыбка используется как составной элемент таких средств выразительности, как эпитет, метафора, сравнение и конвергенция [Уварова, Федоров, 2017, с. 77].

Л.Г. Бабенко при анализе лексических средств обозначения эмоций пишет, что в художественном тексте всегда находятся рядом различные слова, выражающие эмоциональное состояние героев. Подобное «соседство» порождает богатую палитру эмотивных значений. А они, в свою очередь, описывают большое количество эмоциональных характеров, которые помогают писателю или поэту представить противоречивую картину чувств и эмоций своих персонажей [Бабенко, 1999, с. 250]. При этом авторское мировосприятие передается посредством описания внешности героев и их поступков. Слова с эмотивным значением, такие как смех, улыбка, стараются передать не только авторское понимание многоликости чувств персонажей, но и стремятся выразить его личностное осознание окружающего мира [Бабенко, 1999, с. 250–251]. Следовательно, смеховая стихия многообразна, в ней выделяются различные ее формы. Многие из них обозначаются разными словесными формулами и звукоподражаниями. В художественном тексте, наряду с использованием слов «смех», «смеяться», «хохот» и подобные можно обнаружить и другие слова, которые передают чувства комизма, пусть и не всегда с положительной оценкой. Так, например, можно увидеть добрый смех, злую насмешку, рефлексирующий смех и смех, который приносит удовольствие как от самого процесса, так и от того, что стало причиной его появления [Караулов, 2011, с. 352]. Опираясь на эту классификацию, в произведениях Б. Канапьянова мы выделяем следующие частные формы смеха: улыбка, насмешка, смех.

Улыбка как знак, приглашающий к знакомству, представлена в следующем отрывке:

*Рыбак ей хмуро улыбнется,
И девушка, томясь, вздохнет.
На солнцепеке дед очнется,
Пройдет без цели и — вернется¹⁶ (с. 77).*

Из процитированного фрагмента видно, что улыбка «обрисовывает» сам контекст сообщения и социальный статус коммуникантов. Серьезное выражение лица рыбака, по нашему мнению, не признак его особой мрачности. В народной традиции казахов не принято улыбаться

¹⁶ Здесь и далее в круглых скобках указаны страницы издания: Канапьянов Б. Реальность и отражение. Алматы, 2015.

ся при первом знакомстве. Улыбка — это нечто сокровенное, предназначенное в первую очередь близкому и приятному человеку. Улыбка на лице у казахов, о чем свидетельствуют и фольклорные памятники, возникает только в минуты радости, отдыха, легкости души. Соответственно, в приведенном нами фрагменте улыбка вызвана несерьезным отношением того, кому она принадлежит. Такая улыбка передает легкомысленное отношение к девушке, заигрывание с ней и даже определенный намек на переход к близким отношениям.

Улыбка демонстрирует именно доброе отношение. Примечательно, что улыбку сопровождает авторский эпитет «хмуро», подчеркивающий безрадостное настроение рыбака. Одновременно он передает и психологическое состояние, и деталь поведения, и портретную характеристику — внешность героя. Подобный индивидуальный эпитет — оксюморонное сочетание. Алогичное сочетание лексем противоположных понятий хмурость / улыбка создает психологический эффект и тем самым обрисовывает как бы портрет рыбака, усиливая выразительность этого образа.

Хмурость / улыбка в структуре стихотворной строчки находится в отношении тождества и обнаруживает новое семантическое звучание, причем весьма неожиданное. Функция эпитета, кстати, схожа с приемом антитезы. Ю.М. Лотман по этому поводу отметил, что отношения сопоставления и противопоставления — это один из основных «генеральных принципов» организации структуры художественного текста, которые находятся в основе конструкции эпитета. Исследователь подчеркивает, что художественная конструкция формируется как протяженная в пространстве. Она предполагает систематический возврат к тексту, выполняет информационную функцию и тем самым проводит параллель с прежним текстом, смысловое значение которого раскрывается по-новому, определяя невидимый прежде подтекст. Подобный систематически повторяющийся «возврат» является универсальным структурным императивом любого поэтического произведения [Лотман, 1996, с. 7]. Принцип возвращения, безусловно, присутствует в поэзии Б. Канапьянова, где улыбка является не только намеком на продолжение знакомства, но и элементом портрета, как в следующем отрывке:

Нам небесные качели

Ниспослал с улыбкой Бог (с. 87).

Словарное значение «ниспослал» — «неожиданно подарил», и у Канапьянова это не случайно: именно так автор, по нашему мнению, подчеркивает временной оттенок данной эмоции, её «кратковременность». По мнению В.В. Колесова, *улыбка, радость* стоят в одном семантиче-

ском ряду и связаны с идеей «благодати» от Бога [Колесов, 1990]. Согласно взгляду ученого, для простого человека земная жизнь проста и объяснима. Однако совсем непостижима жизнь небесная. Мы можем предположить, что «улыбка Бога» — это явление, которое нельзя объяснить словами, оно понятно в контексте культурной памяти народа и полностью изменяет смысловое пространство стихотворения. Здесь очевидна перекличка с творчеством О. Сулейменова, автором книги «Улыбки Бога» о невидимых тюркизмах в русском языке. Следовательно, в разные периоды творчества Б. Канапьянов постоянно обращается к слову *улыбка*, периодически оттеняя его разными смыслами. Подобный подход к использованию улыбки определяется не эволюцией взглядов казахстанского поэта, а его личностным пониманием смеха и всего комического.

Формирование юмористического мирознания Б. Канапьянова обусловлено его жизненным опытом: природной наблюдательностью, романтическим складом души и характера. В одном из рассказов он пишет: «Придя в себя, мой наставник послушал стук моего сердца. Поняв, что сердце мое бьется, он радостно улыбнулся, и в тот же миг его радость сменилась гневом. Развязав руки, он выволок меня за ногу из-под копнителя. Волоча по земле, он дотащил меня до коробки передач. Я встал с виноватым лицом» (с. 67). В приведенном примере, радость — внутреннее чувство, которое передает читателю физическое ощущение удовольствие комбайнера от того, что его напарник жив. В первом случае «радостно улыбнулся» — синоним любви, возникающей внезапно и не зависящей от желания самого человека.

Во втором случае — радость сменяется гневом. Гнев — непосредственная реакция героя-комбайнера на несоблюдение правил поведения со стороны его «подопечного». Словами «радость сменилась гневом» автор постарался передать резкую, импульсивную реакцию и желание старшего комбайнера разрешить возникшую ситуацию, дать возможность читателю наглядно представить происходящее: у комбайнера в момент душевного смятения учащенный сердечный пульс, поднимается давление.

Причиной смеха, улыбки может быть предметный, вещный мир, человек. Сам человек может выступать объектом смеха, насмешки, осмеяния. При этом он может сам высмеивать себя:

Сборщики ушли ни с чем и обо всем доложили правителю.

— Они встретили вас с радостью и весельем? — спросил сборщиков дани правитель.

— Да, наш повелитель, с радостью и весельем! — ответили сборщики дани.

— Тогда, действительно, у них больше ничего нет, — изрёк повелитель. — Больше не трогайте их. Пусть живут и радуются жизни» (с. 149).

По мнению психологов, умение смеяться, а особенно над собой — это неотъемлемый признак настоящего человека, потому что он сам выступает одновременно в роли и объекта, и субъекта насмешки [Фрейд, 1997].

Насмешка / усмешка в поэзии и прозе Б. Канапьянова встречается наиболее часто, по сравнению с улыбкой, радостью, смехом. По мнению В.Я. Проппа, насмешка — особый вид смеха. Такому смеху свойственна скрытая насмешка. Причиной могут быть разные недостатки, как физического плана, так и морального. По мнению фольклориста, это один из самых распространенных типов смеха, который часто встречается не только на страницах художественных произведений, но и в самой жизни [Пропп, 1999, с. 150]. Однако насмешка — это не действие, а квалификация конкретного действия, которая характеризует и раскрывает адвербиальный признак коммуникативного поступка. Например, в киноповести «Последняя осень поэта» генерал усмехается на вопрос собеседника:

— Что побудило Вас, известного вельможу Петербурга, заступиться за поэта Акмуллу и вызволить его из тюрьмы?

— Его же творчество и побудило, — ответил, усмехаясь, генерал Джангиров. — Сильные мира сего всегда должны прислушиваться к мнению блаженных (с. 141).

Усмешка генерала передает ироничное отношение к тому, кто задает вопросы. Тонкая насмешка содержит иронию, которая может быть истолкована двояко. С одной стороны, слово «усмехаясь» подчеркивает желание вельможи выйти за пределы определенной игры [Уварова, Федоров, 2017]. С другой — маскирует его истинное отношение к человеку, который задает ему вопросы.

Насмешка как выражение недоверия по отношению к происходящему описана в миниатюре «Тополь и урюк»:

Урюк расцвел раньше, чем распустились листья. Пирамидальный тополь с высоты своего роста усмехнулся:

— Ударят заморозки, и людям не видать твоих сладких плодов.

Урюк урюмо молчал, погруженный в розовую пелену цветов. Через несколько дней ударили заморозки. И однажды утром урюк ответил тополю:

— Возможно, ты и прав, люди не познают вкуса моих плодов. Но они почувствовали весну раньше обычного. Цветы мои живут в глазах людей, ибо устали они зябнуть в холоде долгой зимы. Так говорил урюк.

Но тополь не слушал его. Ему было некогда. Он уже пускал белый пух на мостовые города (с. 4).

Примечательно, что миниатюры Б. Канапьянова имеют и бесфабульную, и фабульную структуру. Их родовая природа преимущественно притчевая: сюжетно-событийное ядро существенно в них, но доминирующую роль играет тот нравственный, жизненный урок, проистекающий из сюжетного развертывания, который извлекает читатель. Усмешка / насмешка в этой миниатюре — разновидность иронии, обидная шутка, которая раздражает и ставит в неловкое положение того, кому она адресована, — урюку. В данном случае, тополь использует ее для комического «понижения» значимости собеседника. Небольшой деталью насмешка тополя акцентирует внимание, во-первых, на необычном, случайном: «Урюк расцвел раньше, чем распустились листья...». И вдруг заморозки, которые причиняют зло не только его листьям, стволу, корню, но и угрожают дальнейшему существованию.

Тополь же, которого задевает раннее цветение урюка, получает удовольствие от того, что насмешкой обидел его. Во-вторых, именно насмешка функционально оказывается двунаправленной: нацеленная на одного персонажа, она в действительности выдает истинную сущность другого.

Использование насмешки — это искоренение зависти или страха через высвобождение отрицательных эмоций. Подобное поведение тополя — разновидность агрессии. В процитированном фрагменте автор посредством насмешки осуждает зависть, цинизм и хитрость насмешника-тополя. Здесь, на наш взгляд, Канапьянов выходит за рамки сюжетной миниатюры и продолжает одну из важных тем как фольклора, так и классической литературы — тему смысла жизни, подлинного значения бытия. Мудрость урюка открывается читателям внезапно и без видимой причины. Ответ на вопрос о смысле жизни остается у Канапьянова открытым.

Поиск его решения предоставляется именно читателю. В этом, по нашему мнению, заключается философская позиция писателя, не просто иронически отстаивающего многоликость истины, но демонстрирующего, что мудрость как высшее проявление гуманности достигается не через самоутверждение за счет другого и декларирование собственной значимости, но в ничем не подавляемой субъективности, внутренней свободе.

Усмешка, по мнению исследователей, — это один из подтипов улыбки, подразумевает регулируемость выражаемых эмоций и чувств, некую осмысленность, она несет в себе определенную часть интеллектуальной оценки [Пюрбеев, 2015, с. 24]. Ее цель, как мы уже указывали ранее, — причинить психологический вред объекту осмеяния, обидеть, оскорбить, унижить. Как, например, в следующем отрывке из повести «Мушель»:

— Я так не думаю, — усмехнулся Мукаш. — Наверно, воевал. И звание у тебя, что ни есть, фронтовое — старишина. В тылу, наверно, тоже было с кем воевать (с. 373).

Значение усмешки носит, как правило, отрицательный характер: *На его? — горько усмехнулась Хадиша, показав глазами на портрет Сталина. В небесную канцелярию? Его же нет* (с. 400).

Основное содержание подобной усмешки — передать обиду, разочарование, досаду. Это позволяет автору усилить психологический эффект. Не случайно он употребляет эпитет «горькая».

Безусловно, считать, что усмешка используется исключительно для передачи отрицательных чувств и эмоций, неправомерно. Как показывает наш анализ произведений Б. Канапьянова, улыбка используется поэтом для описания различных эмоциональных состояний, но особенно для передачи симпатии, радости и веселья. Следовательно, такое употребление при раскрытии положительного состояния «души» позволяет нам утверждать, что и усмешка по своей природе, как вид улыбки, является все же положительным знаком в эмоциях человека. Она стремится передать желание говорящего повеселиться:

— Это тебе он поклонился — как восточной женщине, — заметил Юрий Поляков и, усмехнувшись, добавил: — Старый ловелас... (с. 370). Или:

Сидя за низеньким круглым столиком, отец, усмехаясь в усы, поведал жене и дочери о “неутешном горе” своего наследника, который с насупленным видом поедал баурсак за баурсаком, макая их то в чашку с растопленным маслом, то в сметану (с. 361).

В процитированных фрагментах автор описывает насмешку как речевое действие или же мимическую реакцию, при этом насмешка выражает иронию по отношению к собеседнику.

Таким образом, в ходе нашего анализа мы выяснили, что разнообразная и достаточно широкая палитра канапьяновского смеха при- суща не только его поэзии, но и прозе. Герои его стихотворений, рассказов, воспоминаний смеются, издеваются, насмеваются не только друг над другом, но и над собой. В его произведениях улыбка, смех, насмешка выполняют характерологическую, оценочную функции. Формы и «мера» смеха определяются как объективными свойствами предмета, так и мировоззренческими принципами героев, их отношением к миру, к окружающей их действительности. Безусловно, весьма ограниченный объем статьи не позволил нам продемонстрировать, как презентуются формы комического в других произведениях Б. Канапьянова, что и является перспективой нашего исследования.

Библиографический список

Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Екатеринбург, 1989.

Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Кн. 3: Бытие и быт. СПб., 1990.

Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. СПб., 1996.

Пропп В.Я. Проблема комизма и смеха: Ритуальный смех в фольклоре. М., 1999.

Пюрбеев Г.Ц. «Смех» в калмыцком художественном тексте (по роману Эрендзенова «Береги огонь») // Исследования по языкам и культуре монгольских народов. Элиста, 2015.

Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта / гл. ред. Н. Караулов ; Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. М., 2001.

Старчеус К.М. Улыбка и смех в художественной литературе: семантические и грамматические особенности языковых конструкций (на материале прозы А.П. Чехова) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2010. № 1.

Уварова О.В., Федоров М.А. Способы актуализации улыбки в английской художественной литературе // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 6.

Источник

Канапьянов Б. Реальность и отражение. Алматы, 2015.

References

Babenko L.G. *Leksicheskiye sredstva oboznacheniya emotsiy v russkom yazyke*. [Lexical means of indicating emotions in the Russian language]. Yekaterinburg, 1989.

Kolesov V.V. *Drevnyaya Rus': naslediyе v slove*. [Ancient Rus: Heritage in the Word]. Book 3: Being and being. St. Petersburg, 1990.

Lotman Yu.M. *O poetakh i poezii*. [About poets and poetry]. St. Petersburg, 1996.

Propp V.Ya. *Problema komizma i smekha: Ritual'nyy smekh v fol'klore*. [The problem of comedy and laughter: Ritual laughter in folklore]. Moscow, 1999.

Pyrubeev G.C. «Smekh» v kalmytskom khudozhestvennom teste (po romanu Erendzhenova «Beregi ogon'»). [“Laughter” in the Kalmyk Literary text (based on Erendzhenov’s novel “Take Care of the Fire”)]. In: *Issledovaniya po yazykam i kul'ture mongol'skikh narodov*. [Studies on the languages and culture of the Mongolian peoples]. Elista, 2015.

Slovar' yazyka Dostoyevskogo. Leksicheskiy stroy idiolekta. [A dictionary of the language of Dostoevsky. Lexical structure of the idiolect]. Moscow, 2001.

Starcheus K.M. *Ulybka i smekh v khudozhestvennoy literature: semanticheskiye i grammaticheskiye osobennosti yazykovykh konstruksiy (na materiale prozy A.P. Chekhova).* [Smile and laughter in fiction: semantic and grammatical features of language constructions (based on the material of prose by A. P. Chekhov)]. In: *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region.* [News of higher educational institutions. North Caucasian region]. 2010. No. 1.

Uvarova O.V., Fedorov M.A. *Sposoby aktualizatsii ulybki v angliyskoy khudozhestvennoy literature.* [Ways of actualizing smiles in English fiction]. In: *Mir nauki, kultury, obrazovaniya.* [World of Science, Culture, Education]. 2017. No. 6.

A source

Kanapyanov B. *Real'nost' i otrazheniye.* [Reality and reflection]. Almaty, 2015

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОНЯТИЯ «УПРЯМСТВО» В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ

З.Т. Шарафутдинова

Ключевые слова: упрямый, говор, речевое поведение, мотив номинации, башкирский язык.

Keywords: stubborn, dialect, speech behavior, nomination motive, Bashkir language.

DOI 10.14258/filichel(2021)4-09

Слова и выражения, реализующие представления об упрямом человеке, занимают существенное место в лексике башкирского языка и его говоров. Упрямство как отрицательная реакция на требования и стремление поступать по-своему быстро привлекает внимание окружающих. При этом человек с таким нравом получает негативный «ярлык», осуждающий его речевое поведение и действия.

В диалектной среде данная черта характера отличается высокой степенью детализации, что доказывает его значимость в жизни носителей говоров. Языковой образ упрямого человека формируется словами из разных лексико-семантических областей путем переноса значений. В предлагаемой статье делается попытка выявить смысловые связи лексики упрямства с другими сферами представлений о мире, свойственных для диалектоносителей, и определить основные мотивы номинации. Материалом для исследования послужили лексические и фразеологические единицы с семантикой упрямства, отобранные из «Машинного фонда башкирского языка»¹⁷.

В башкирском литературном языке упрямый человек и его речевые действия номинируются следующими словами: *үз һүҙле, еңмеш, тиҫкәре, карышмал, кире* 'упрямый, своенравный, неуступчивый'; *тиҫкәреләнеү, киреләнеү, карышыу* 'упрямиться, упорствовать, настаивать' и др.

В говорах башкирского языка наименования упрямого человека составляют объемный синонимический ряд диалектизмов, образованных на основе самых различных мотивов номинации: *аҫағиғәү* (ток-суран,

¹⁷ Машинный фонд башкирского языка. URL: mfb12.ru.

ик-сакм.), *ағач игеу* (караид.), *ағасйаңак, сатраш* (среднеур.), *серәшкә* (ай.) ‘упрямец’, *боролош* (гайн.) ‘упрямец, упрямица’, *албирмә* (сакмар.), *йеммеш* (сред.), *йеңемеш* (сред., иргиз.), *жиңмеш* (сев.-зап. говоры), *йеңмеш* (киз., миас.), *йеңәрмән* (ик.-сакм.), *карышкыр* (сред., ай.), *карышкыры* (киз.), *карышкак* (дем., ай.), *карышкан* (сред.), *карышы* (дем., сакмар.), *карышма, карышмал* (сред., ик.), *гезе* (сев.-зап. говоры), *кезе* (сред.), *денсез* (дём.), *йаралашнай* (миас., сред.), *кейезғолак* (сев.-зап. говоры), *кибер* (среднеур.), *кизе* (сакмар.), *секерей* (среднеур.), *ырықта* (миас., сред.), *этенмеш* (гайн., караид.), *эт кайышы, кәреше* (сред.), *кирек* (иргиз.), *каратырыши* (ток-суран., сакмар.), *карымталы* (сред.), *кырын, кырын изеу* (иргиз.), *сытырай* (сакмар., ай.), *сәпкәш* (ик.), *сәркәш* (ай.), *тырыз* (киз., ик.-сакм.), *үжәт* (ик.-сакм., иргиз.), *этийғыш* (киз.), *сәрелтәк* (сред.), *тырабыз, тырабис* (киз.), *ығымһыз* (сред.) ‘упрямый’, *кизәм* (киз., сред.) ‘упрямый, своенравный’, *күткәре* (сакмар., киз.), *сиракан* (миас.), *сарталак* (арг.) ‘капризный, упрямый’, *кымыш* (киз.) ‘настойчивый’, *сайа* (киз., сред., ай.), *үһһүһте* (сальют.), *сайых* (ик.), *серәш* (среднеур.) ‘своевольный’, *коткоро* (миас.), *сәке* (караид.) ‘несговорчивый, упрямый’, *тискәрбай* (караид.).

Довольно многочисленны диалектные глаголы, принадлежащие к рассматриваемой лексико-семантической группе: *аркырайыу* (гайн.), *аркырыланыу* (ай., киз., ток-суран., среднеур., гайн., караид.), *Ғазилашыу, Ғазиллашыу* (дём.), *жиңмештәнеу* (ай.), *йеңмештәнеу* (киз., миас.), *кезеләнеу* (ик.-сакм.), *серәшеу* (ай.), *серәнеу* (среднеур.), *үзһүстәнеу* (арг.), *һереләнеу* (ик.-сакм.), *кырыағалау* (киз.), *ырыкталаныу* (миас.), *эскәктәу* (арг., среднеур., ай.) ‘упрямиться’, *кандашыу* (среднеур.), *кыркашыу* (гайн., среднеур.), *кырталашыу* (сред., среднеур., сакмар., ик.), *кырышыу* (сальют.), *никәшеу* (дём.), *никашыу* (сакмар.), *нығытыу* (сев.-зап. говоры), *ныкашыу* (киз.), *табанлашыу* (сакмар.), *ныкытыу* (ик.-сакм.), *ныкыу* (ср.), *кыркызуашыу* (восточные говоры) ‘настоять на своем’, *тәпәйзәу* (сальют.) ‘настаивать’, *нейгәшеу* (киз.) ‘просить настойчиво’, *ирешеу* (сакмар.) ‘противиться’.

Наиболее употребительным в литературном языке является слово *үз һүзле* ‘упрямый, своенравный’ < *үз* ‘свой’ + *һүзле* ‘со словом’, который прямо, непосредственно номинирует субъекта речи. В говорах бытуют фонетические варианты *үһһүһте* (сальют.) ‘своевольный’, *үс-сүзле* (караид.) ‘упрямый’. К ним примыкают глаголы *үзһүзләнеу* (лит.), *үзһүстәнеу* (арг.) ‘упрямиться’.

Значительная часть номинаций образована от корня *карыш-* ‘противиться, упрячиться, упорствовать’: *карышмал* (лит.), *карышкыр* (сред., ай.), *карышкыры* (киз.), *карышкак* (дем., ай.), *карышкан* (сред.), *карышы* (дем., сакмар.), *карышма, карышмал* (сред., ик.) ‘упрямый’, *карышыу* (лит.) ‘упрячиться’. Этимологически они связаны с древ-

нетюркским *qariš-* 'быть различным, отличаться друг от друга; противостоять друг другу' [Древнетюркский словарь, 1969, с. 428].

Рассмотренные выше лексемы напрямую выражают семантику упрямства. Остальная часть слов развивает подобную семантику в производных значениях.

Символом упрямства считается твердость, крепость субъекта речи: *aғасигәу* (ток-суран., ик-сакм.), *aғач игеу* (караид.) 'упрямец' букв. 'деревянный напильник', *aғасйаңак* (среднеур.) 'упрямец' букв. 'деревянная щека'. То же самое наблюдается в словах *сәке* (караид.) 'упрямый, несговорчивый', ср. *чикреш* 'крепкое, трудно раскалывающееся (о дереве)'; *кәреше* (сред.) 'упрямый' < *кәреше* (сред.) 'плотный, крепкий'; например: *кәреше ағас* 'крепкое дерево', ср. *керәш* (кубалак.), *кершиш* (инзер.), *кәрше* (ик.-сакм.) 'кряжистый', 'трудно раскалывающийся'. Выделяется корень *кер-*, который может иметь отношение к ком. *кер*, удм. *кор* 'бревно'. В данных наименованиях упрямый человек обозначается через образы дерева, т. е. он нестигаемый, твердый, бесчувственный. Продолжают этот ряд лексемы *һере* (бурз., ик-сакм.) 'упрямый', *һереләнеу* (ик.-сакм.) 'упрямиться' < *һере* (ик.-сакм.) 'крепкий, плотный': *һере тауар* (ик.-сакм.) 'крепкий материал'; *чапыр* (гайн.) 'упрямый, несговорчивый' < *чапыр* (гайн.) 'грубая ткань' < перс. *чāpār*, *чānpār* 'ткань с широкой поперечной полосой, плетень'. Отсюда проясняется, что упрямые люди уподобляются плотному, устойчивому к воздействию материалу. Интересно в этом плане сложное слово *кейезғолак* (сев.-зап. говоры) 'упрямый': *кейез* 'войлок' + *колак* (/к//ғ) 'ухо' (букв. 'войлочное ухо'): ухо упрянца «изготовлено» из войлока — плотного, непроницаемого материала, поэтому он ничего не слышит, не чувствует и не воспринимает. Идея крепкости находит отражение в диалектизмах *гезе* (сев.-зап. говоры), *кезе* (сред.), *кизе* (сакмар.), *кезеғолак* 'упрямый', *кезеләнеу* (ик.-сакм.) 'упрямиться', восходящие к древнетюрк. *ked* 'сильный, крепкий' [Древнетюркский словарь, 1969, с. 292]. Мотив крепости актуален и для однокоренных лексем *серәшкә* (ай.) 'упрямец', *серәш* (среднеур.) 'своевольный', *серәшеу* (ай.), *серәнеу* (среднеур.) 'упрямиться'. Ср.: древнетюрк. *seril-* 'быть стойким, крепко держаться, противостоять' [Древнетюркский словарь, 1969, с. 496]; тур. *серкеш* 'непокорный, непослушный, неповинующийся'. В данный синонимический ряд входят широко известные фразеологические единицы *каты колак* 'упрямый' (букв. 'твердое ухо'); *таш маңлай* 'упрямый' (букв. 'каменный лоб'), где первые компоненты содержат сему 'твердый, не поддающийся изменениям'.

Мотив физического противодействия с упиранием ног реализуется в глаголах *табанлашыу* (сакмар.) 'упорствовать' < *табан* 'стопа, ступня', *тәпәйзәу* (сальют.) 'настаивать' < *тәпәй* 'нога, ножка', *сиракан* (миас.)

‘капризный, упрямый’ < *сирак* ‘голень’ + аффикс *-ан*: человек, настаивающий на своем, упирается ступнями, не желая соглашаться на что-либо или с чем-либо. Здесь же нужно упомянуть устойчивые словосочетания *аяк терэү* ‘заупрямиться, сопротивляться, противиться’ (букв. ‘упираться ногами’), *денгэ терэшеү* (гайн.) ‘не уступать’ (досл. ‘упираться в душу’ (в гайнинском говоре слово *йән* ‘душа’ употребляется в фонетическом варианте *ден*)).

Мотив обратного направления проявляется в лексемах *кире*, *кирегэ бөткэн* (лит.), *кирек* (иргиз.) ‘упрямый’, *күткәре* (сакмар., киз.) ‘капризный, упрямый’, *көткоро* (миас.) ‘несговорчивый, упрямый’ < *күт* ‘задняя часть’ + *кире//кәре//коро* ‘обратно’, *киреләнәү* (лит.) ‘упрямиться’. Человек, который говорит и делает все наоборот, осознается как субъект, идущий в обратном направлении. В этой же мотивационной зоне располагаются лексемы *тишкәре* (лит.), *тишкәрбай* (караид.), *тишкәреләнәү* (лит.) ‘упрямиться’ < *тишкәре* ‘обратная сторона, север’ < *тиреш* ‘север’ + аффикс *-кәре*, являющийся древним формантом латива. Интересны наименования *ыкка килмәгән* (лит.), *ығымһыз* (сред.) ‘упрямый’: *ык* ‘направление’ + *-ым* (словообразовательный аффикс) + *-һыз* (аффикс отрицания), то есть *ығымһыз* досл. ‘идущий не по течению’.

В основе номинации *оторо* ‘упрямый’ (от значения ‘против, напротив’, ср. древнетюрк. *utru* ‘напротив, навстречу’) лежит мотив расположения напротив: субъект речи воспринимается какдвигающийся навстречу, направляющийся против кого-то, то есть противодействующий, агрессивный.

Мотив препятствия воплощен в номинации *аркыры* (лит.) ‘упрямый’. Она возникла в результате метафорического переноса на основании соположения в пространстве: *аркыры* (лит.) ‘упрямый’ < *аркыры* (лит.) ‘поперёк’. В ней упрямый человек сопоставляется с поперечно лежащим предметом, мешающим движению. Сюда включается диалектное слово *сатраш* (среднеур.) ‘упрямец’ < *сатраш* (лит.) ‘крест-накрест (вдоль и поперёк)’.

Мотив поворота актуален для наименования *боролош* (гайн.) ‘упрямец, упрямец’ < *боролош* (лит.) ‘поворот’. Оно указывает на того, кто отворачивается, не желая соглашаться с мнениями других людей.

Проявление упрямства может отражаться на лице говорящего: *сытырай* (сакмар., ай.) ‘упрямый’ < *сытырайыу* (лит.) ‘морщиться, поморщиться (от неудовольствия)’. В основу номинации кладется мотив изменения внешнего облика: когда человек упрямствует, он угрюмо, сурово морщит лицо, хмурит брови, поджимает губы и т.п. Наименования *кырын* ‘упрямый’ букв. ‘криво, косо’, *кырын изеү* (иргиз.) (< *изеү* ‘оба края рта’) ‘упрямый’ (букв. ‘кривить уголки рта’) также обусловлены внешним обликом упрямого человека: от своей строптивости ему свойственно кривить губы или лицо. Сюда примыкает слово *секерей* (среднеур.) ‘упрямый’

< *секерэйеу* (лит.) ‘выпучивать, выпучить глаза (со злостью)’. Как видим, глаза выступают своего рода катализатором упрямства. Данная метафорическая модель воплотилась и в семантике фразеологизма *үз һүзле, үгез күзле* ‘упрямый, с бычьими глазами’, т.е. у упрянца глаза выпучены, как у разъярившегося быка. Кроме того, в языковом сознании башкир бык часто ассоциируется с упрямцем: *сәркәш* (ай.) ‘упрямый’ < *сәркәш* (перс.) ‘племенной бык’, *үгез кеүек* (лит.) ‘упрямый’ < *үгез кеүек* (лит.) ‘как бык’. Пейоративному переосмыслению подвергнут и зооним *кәзә* ‘коза’ в глаголе *кәзәланеу* (лит.) ‘упрямиться’. Перенос основан на сходстве поведения упрямого человека с поведением рогатых домашних животных.

Упрямство может возникнуть у человека как выражение негативных или враждебных чувств к другим людям [Сюй, 2020, с. 284], что отражается в номинациях *сайых* (ик.) ‘своевольный’ < *сайых//сәйех* (ик.) ‘злой’, *сайа* (киз., сред., ай.) ‘своевольный’ < *сая* (лит.) ‘бойкий’, *үжәт* (ик.-сакм., иргиз.) ‘упрямый’. Последнее является искаженным заимствованием араб. *важд* ‘различное внутреннее состояние: любовь, горе и др.’ с дальнейшим развитием значения [Ишбердин, 1981, с. 45].

В тюркских языках заимствование *кибер*, имеющее в арабском языке значения ‘большая величина, огромность; высокомерие, величие’, в основном утвердилось в значении ‘высокомерный’. В башкирском языке произошло расширение значения слова от высокомерия к упрямству на основе сходства проявлений данных чувств.

Мотив внутренней напряженности воплощен в глаголе *әскәктәу* (ай.) ‘упрямый’ < *әскәктәу* (ай., арг., среднеур.) ‘не стоять спокойно на месте, беспокоиться’. В нем реализуется представление о возбужденном и напряженном состоянии упрямого человека.

Мотив неразвитости реализуется в лексемах *ырыкта* (миас., сред., куб.) ‘упрямый’, *ырыкталаныу* (миас.) ‘упрямиться’ < *ырыкта* (лит.) ‘слабый’, ср. *ырыкта* (куб.) ‘глупый’. Каузатором упрямства становится умственная и познавательная недостаточность человека.

Мотив подчинения находим в лексемах *еңмеш* (лит.), *йеммеш* (сред.), *йеңемеш* (сред., иргиз.), *жиңмеш* (сев.-зап. говоры), *йеңмеш* (киз., миас.), *йеңәрмән* (ик.-сакм.) ‘упрямый’ < ‘победивший, одержавший верх’. Речевые действия подобных людей обозначаются глаголами *жиңмештәнеу* (ай.), *йеңмештәнеу* (киз., миас.) ‘упрямиться’. В кизильском говоре бытует устойчивое выражение *йеңәремгә сығыу* ‘упрямиться’ досл. ‘выйти победителем’. Этот же мотив выражается в диалектизмах *этенмеш* (гайн., караид.), *этеңмеш* (караид.), *эт жиңмеше* (среднеур.) ‘упрямый’, где компонент *эт* ‘собака’ усиливает проявление признака. Человек, номинируемый данными словами, никогда не сдается и не отступает, он становится более настырным и напористым, добиваясь желаемого.

Мотив подчинения актуален для глаголов *җазилашыу*, *җазиллашыу* (дём.) ‘упрямиться’ (от араб. *җази* ‘победитель /на войне/).

Мотив мести реализуется в лексеме *карымталы* (сред.) ‘упрямый’ < *карымта* ‘кровная месть’, здесь упрямство выступает как средство мести, когда говорящий упорствует вопреки, назло другим. Подобный перенос значения встречается в слове *кизэм* (киз., сред.) ‘упрямый, своенравный’ < *кенэ//кинэм//кизэм* ‘месть, злоба’, *кинэм тотоу//кизэм тотоу* ‘затаить месть, злобу’. Мотив представлен в глаголе *кандашыу* (среднеур.) ‘упорствовать’ досл. ‘кровь за кровь’ < *кан* ‘кровь’.

Религиозный мотив выражается в лексемах *денҗез* (дём.) ‘упрямый’ < *денҗез//динҗез* (дём.) ‘безбожник, безобразник’, *керэшен* (лит.) ‘упрямый’ < *керэшен* (лит.) ‘крещёный’. В них упрямец представляется как отрицающий Бога или же приравнивается человеку, принявшему другую веру.

Мотив конфликтности присутствует в глаголе *ирешеш* (сакмар.) ‘противиться’ < *ирешеш* (лит.) ‘ругаться, браниться, ссориться’. Данное наименование указывает на речевые действия человека, добивающегося своего конфликтным путем.

Мотив резкости находим в глаголах *кырьяғалау* (киз.) ‘упрямиться’, *кыркашыу* (гайн., среднеур.), *кырталашыу* (сред., среднеур., сакмар., ик.), *кырышыу* (сальют.) ‘упорствовать’, *кыркыузашыу* (восточные говоры) ‘настоять на своем’. Упрямый человек может резко ответить, резко возразить, резко прервать собеседника. Мотив резкости воплощен и в наименовании *йаралашнай* (миас., сред.) ‘упрямый’ (< древнетюрк. *jar-* ‘рассекать, расщеплять’), который связан с резким звуком, возникающим при рассекании, расщеплении.

Образоподражательным *тыр* ‘стоп’ мотивирована лексема *тырабыз* (киз., сред.) (*тыр* + и мертвый аффикс *-абыз*), которая имеет значения 1) ‘подвижный, шустрый, проворный’ (сред.); 2) ‘упрямый’ (киз.). Фонетическими вариантами являются *тырабис* (киз.) ‘упрямый’, *тырабыз* (киз.) ‘упрямый, своенравный’, *тырыз* (киз., ик-сакм.) ‘упрямый’.

Мотив применения максимальных усилий реализуется в наименовании *каратырыш* (сакмар., ток-суран.) ‘упрямый’ < досл. *кара* ‘чёрный’ и *тырыш* ‘усердный, старательный’. В нём колороним *кара* употребляется в переносном значении ‘сильно, очень’, то есть *каратырыш* ‘человек, проявляющий усердие в достижении своей цели’. Продолжают этот синонимический ряд слова *албирмэ* (сакмар.), *ал бирмэҗ кеше* (лит.) ‘упрямый’ < *ал бирмэҗ кеше* ‘не уступающий первенства, лидирующий’. Анализируемые лексемы употребляются в позитивном значении, то есть характеризуют человека, который никогда не сдаётся, достигает своей цели, преодолевая трудности.

Лексемы *ныкыш* (лит.) ‘упрямый’, *кымыш* (киз.) (<*ныкымыш*) ‘настойчивый’, *ныкышыу* (лит.) ‘упорствовать’ *никэшеу* (дём.), *никашыу*

(сакмар.), *ныҕытыу* (сев.-зап. говоры), *ныкашыу* (киз.), *ныкытыу* (ик.-сакм.), *ныкыу* (урта) ‘настоять’, *нейгәшеу* (киз.) ‘просить настойчиво’ мотивированы глаголом *ныкыу* ‘наполнять, набивать, давить, надавить’, который указывает на повышенную степень физического воздействия. На базе первого значения сформировалось переносное значение с семантикой говорения.

Таким образом, слова и выражения данной лексико-семантической группы демонстрируют восприятие упрямства как поведения, не соответствующего определенной норме. Анормальное всегда привлекает внимание окружающих, поэтому подобные качества характеризуются высокой номинативной плотностью. Многочисленные номинации характеризуются различными мотивами именования, рассмотрение которых помогает увидеть ассоциативные представления народа об упрямом человеке.

Библиографический список

Древнетюркский словарь / под ред. В.М. Наделяева, Д.М. Насилова, Э.Р. Тенишева, А.М.Щербака. Л., 1969.

Ишбердин Э.Ф. Семантическое развитие слова в башкирских говорах // Исследования и материалы по башкирской диалектологии. Уфа, 1981. С. 37–49.

Сюй Л. Ассоциативное поле концепта ‘упрямство’ в русском языковом сознании // Мир науки, культуры, образования. 2020. №1. С. 282–285.

Источник

Машинный фонд башкирского языка. URL: <http://mfb12.ru/>

References

Drevnetyurkskij slovar'. [Ancient Turkic dictionary]. Ed. by of V.M.Nadelyaeva, D.M.Nasilova, E.R.Tenisheva, A.M.Scherbak. Leningrad, 1969.

Ishberdin E.F. *Semanticheskoye razvitiye slova v bashkirskikh govorakh*. [Semantic development of the word in Bashkir dialects]. In: *Issledovaniya i materialy po bashkirskoy dialektologii*. [Research and materials on Bashkir dialectology]. Ufa, 1981. P. 37–49.

Syuy L. *Assotsiativnoye pole kontsept'a 'upryamstvo' v russkom yazykovom soznanii*. [Xu L. Associative field of the concept ‘Stubbornness’ in the russian language consciousness]. In: *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. [The world of science, culture, education]. 2020. №1. P. 282–285.

A source

Mashinnyy fond bashkirskogo yazyka. [The machine fund of the Bashkir language]. URL: <http://mfb12.ru/>

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ХЕШТЕГА #BLACKLIVESMATTER

В.В. Катермина, Е.А. Яченко

Ключевые слова: хештег, семантический анализ, интернет-коммуникация, социальное движение, Black lives matter.

Keywords: hashtag, semantic analysis, internet communication, social movement, Black lives matter.

DOI 10.14258/filichel(2021)4-10

В настоящее время хештег считается особым лингвистическим феноменом. Хештеги не только объединяют неоднородный контент и связывают совершенно разных пользователей, но и обеспечивают «узнавание» информации о крупном явлении или движении, передаваемой с помощью хештега в сжатом виде, а также позволяют интерпретировать хештег за счет восстановления ассоциативных связей и коннотаций [Рябченко, Катермина, Гнедаш, Малышева, 2018, с. 143]. Мы считаем, что хештеги обладают большим потенциалом в интернет-коммуникации и являются благоприятным полем для лингвистического анализа. Многие современные социальные движения используют хештеги для быстрого и широкого распространения своих идей и приобретения популярности в online-пространстве. Причем значительная часть движений зарождается и развивается именно в нем, а затем конвертирует накопленный социальный капитал в offline [Рябченко, Катермина, Гнедаш, Малышева, 2018, с. 140]. К ним мы можем отнести и движение Black lives matter, которое оказалось в центре мирового внимания в 2020 г.

Интернет-коммуникация стала неотъемлемой частью жизни почти каждого человека. По мнению Л.Ю. Щипициной, интернет-коммуникация «...представляет собой один из исторических этапов в развитии коммуникационных средств», отличительной чертой которого является компьютерная опосредованность [Щипицина, 2010, с. 41]. Интернет радикально изменил сферу публичной коммуникации, увеличив число её субъектов и расширив их свободу в презентации своих мнений и доступ к информационным ресурсам и аудитории. Интернет-коммуникация обладает рядом особенностей, в частности, к ним относится языковая компрессия. «Она способствует лаконичности, динамичности текста, обогащению его неявно выраженными подтекстовыми смыслами, избавляет текст от ненужного повторения информа-

ции, поскольку опускается, редуцируется именно то, что менее информативно значимо [Атягина, 2012, с. 10]. При совершении действий с контентом интернет-пользователи опосредованно или намеренно совершают социальные действия, которые влияют на социально-политические процессы [Рябченко, Катермина, Гнедаш, Малышева, 2018, с. 145]. То же самое происходит при совместной классификации сообщений с помощью хештегов, или меток, связанных с классифицируемым информационным объектом посредством логики [Рябченко, Малышева, 2018, с. 364]. Хештег теперь не только отмечает отдельные твиты и посты, но и извлекает из них главную мысль или созданный образ и накапливает прагматический и манипулятивный потенциал [Емельяненко, 2013].

Говоря о первоначальной функции хештегов, важно отметить, что удобство их использования обуславливается тем, что возрастает плотность информационного потока и возникает потребность в управлении объемами информации и их фильтрации. Нами согласно данным, полученным с помощью графов, были систематизированы хештеги, наиболее часто встречающиеся в одном контексте с хештегом *#blacklivesmatter*, а также проведен их семантический анализ. Мы опираемся на тот факт, что «облако хештегов представляет собой многослойный и многовекторный конструкт, непредвзято определяющий понятие, выраженное родительским хештегом» [Рябченко, Малышева, 2018, с. 365]. Хештеги объединяют между собой контент, продуцируемый самими разными интернет-пользователями, а сочетание различных хештегов в одном контексте формирует единое содержательное поле. Каждый хештег «соотносится через множество переходов со всеми другими, создавая сомкнутую сеть, отражающую непрерывность концептуальной сети человеческого сознания» [Беловодская, 2019].

Движение Black lives matter возникло в 2013 г. после убийства Джорджем Циммерманом подростка-афроамериканца Трейвона Мартина. Тот факт, что убийцу оправдали в суде, вызвал общественный резонанс. Создателем хештега *#blacklivesmatter* стала Патрис Куллорс, одна из основательниц движения, а Опал Томети, другая основательница, запустила одноименный веб-сайт и аккаунты в социальных сетях, а в 2016 г. была создана мировая сеть Black Lives Matter Global Network. Движение Black Lives Matter достаточно аморфно, у него нет формального руководства или иерархии. Сам хештег *#blacklivesmatter* актуализируется и входит в мировые тренды каждый раз, когда происходит несправедливое (согласно мнению общественности) убийство темнокожего человека.

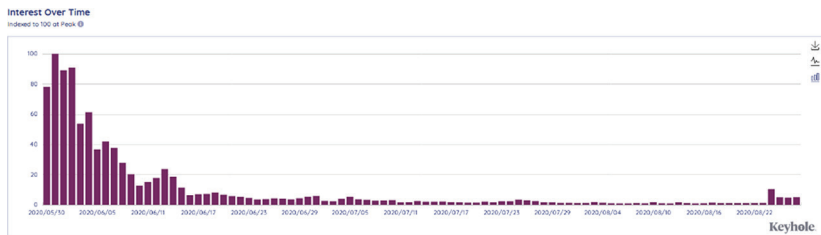

Рис. 1. Частота использования хештега #Blacklivesmatter за май-август 2020 г. согласно сервису Keyhole

С помощью сервиса OSoMe: the IUNI observatory on social media нами было сгенерировано два графа корреляции хештега #blacklivesmatter с другими в популярной социальной сети Twitter (первый граф показывает корреляцию хештегов на неделе с 25 по 31 мая, второй — с 1 по 7 июня, данные периоды выбраны неслучайно: именно в это время наблюдается наиболее активное использование согласно сервису Keyhole). Каждая вершина графа обладает множеством устойчивых связей с другими, благодаря чему создается единое плотное поле хештегов.

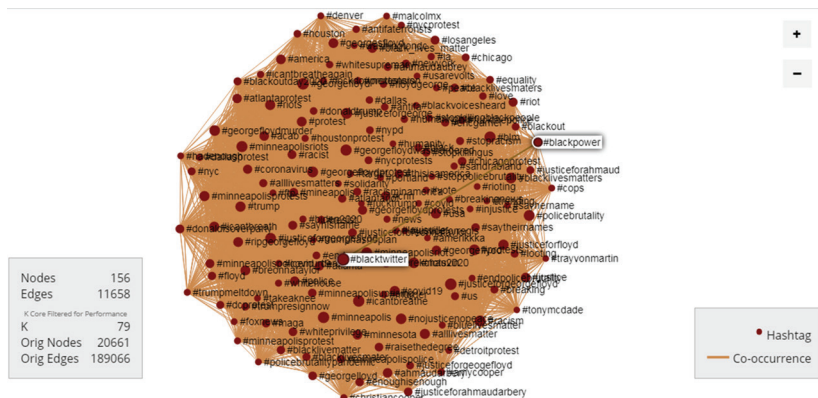

Рис. 2. Пример графа, полученного с помощью сервиса OSoMe: the IUNI observatory on social media (25–31 мая)

Сам исследуемый хештег встречается в разных вариантах написания: собственно #blacklivesmatter, #black_lives_matter с нижним подчёркиванием, #blacklivesmatters (грамматически неверный вариант с глаголом в форме единственного числа), #blm (в данном случае мы наблюдаем аббревиацию, позиционирующую движение как бренд),

#blacklivesmatter нус с сокращенным названием города и некоторых других. Также сторонники движения связываются посредством использования хештегов *#blackpower* и *#blacktwitter*.

Итак, согласно тематике, можно разделить коррелирующие хештеги на 16 групп.

К первой группе относятся хештеги, маркирующие основную локацию движения Black lives matter, то есть топонимы: *#america #usa #amerikkka #denver #losangeles #chicago #newyork #houston #washingtondc #minneapolis #portland #dallas #louisville #minnesota #atlanta #newyorkcity #la #нус*.

Следующая группа хештегов связана с предыдущей, так как в ней также присутствует компонент-топоним, однако к нему добавлен компонент, обладающий семей «протест, бунт», что позволяет отследить географию протестного движения: *#atlantaprotest #atlantariot #minneapolisprotests #minneapolisriot #minneapolispolice murder #minneapolisuprising #houstonprotest #chicagoprotest #dallasprotest #nycprotests #dcprotest #detroitprotest #seattleprotests #bostonprotest(s) #washingtondcprotest #laprotests #losangelesprotests*. Таким образом, можно заметить, что, помимо Миннеаполиса — города, в котором 25 мая 2020 г. произошло убийство Джорджа Флойда, ставшее триггером для активизации социального движения Black lives matter, протесты охватили другие крупные города, а в начале июня протестное движение приобрело общенациональный характер, о чем свидетельствует добавление также таких хештегов, как *#usaprotest #usarevolts #usariot #usaonfire*. Помимо этого, стоит отметить, что география движения выходит за границы США, так как коррелирующими хештегами являются следующие: *#blacklivesmatteruk #londonriots #uk #london #ukprotests #blacklivesmatterberlin #blacklivesmatteraustralia #brooklyn*.

В третьей группе собраны хештеги, маркирующие референтов — участников ситуации, ставшей триггером для движения Black lives matter в 2020 году. Референтом большей части хештегов является афроамериканец Джордж Флойд (жертва): *#georgesfloyd #georgefloyd #floyd #floydgeorge #georgeflyod #georgefloydmurder #georgefloydwasmurdered #justiceforgeorge #justiceforfloyd #georgefloydprotest #ripgeorgefloyd #justiceforgeorgefloyd #georgefloydmemorial #derekchauvin* (референт последнего хештега — полицейский Дерек Шовин, по чьей вине погиб вышеупомянутый мужчина). Следует отметить разнообразие написания хештегов, относящихся к референту, включая и неправильное написание имени. Е.А. Гончарова отмечает, что «вследствие недостаточной интегрированности текстов в гипертекст, сообщения, появляющи-

еся в Твиттере, быстро теряют свою актуальность» [Гончарова, 2019, с. 54], поэтому упор делается на быстроту отправки сообщения, что ведёт к пренебрежению орфографией.

В четвёртую группу объединены хештеги, референтами которых выступают другие жертвы-афроамериканцы: *#ahmaudarbery* *#justiceforahmaud* *#breonnataylor* *#justiceforbreonnataylor* *#justiceforregis* *#tonymcdade* *#ericgarner* *#sandrabland* *#trayvonmartin* *#justicepouradama*. Первые два хештега отмечают Ахмада Арбери, убитого во время пробежки в феврале 2020 г. Референт следующих двух хештегов — Бреона Тейлор была застрелена полицейскими в марте 2020 г. *#justiceforregis* относится к Регис Корчински-Паке, которая разбилась после инцидента 31 мая 2020 г. в Торонто. Тони Макдэйд был застрелен в конце мая 2020 г. Эти хештеги используются для создания дополнительных инфоповодов. Примечательно, что также актуализируются хештеги, референты которых погибли достаточно давно. Эрик Гарнер был убит в июле 2014 г. в ходе задержания полицией. Сандра Блэнд погибла в июле 2015 г. после задержания полицией. Трейвон Мартин был убит в феврале 2012 г. Адама Траоре умер в июле 2016 г. в отделении полиции во Франции. Таким образом, использование имени собственного, особенно в сочетании с популярным компонентом “justice for”, подогревает интерес общественности к проблеме и намекает на то, что расовая несправедливость — явление продолжительное. К данной группе также можно отнести хештеги *#christiancooper* *#amuscooper*, которые выступают в качестве маркеров инцидента с темнокожим орнитологом, видеозапись инцидента стала вирусной.

Кроме того, в совместном употреблении с *#blacklivesmatter* актуализируется хештег *#sayhername*, возникший в 2015 г. для привлечения общественного внимания к дискриминации темнокожих женщин. По аналогии создаются новые хештеги *#sayhisname* и *#saytheirnames*, призывающие помнить имя каждой жертвы, так как сама по себе номинация обладает достаточной силой воздействия.

Следующая группа объединяет хештеги, референтом которых является другой, но уже менее определенный участник ситуации — полиция: *#police* *#nypd* (*New York Police Department*). В этой же группе собраны и сленговые выражения (включая нецензурные) *#cops* *#acab* (*all cops are bastards*) *#fuckthepolice* (*#ftp*), которые обладают эмоционально-оценочным компонентом. Кроме того, сюда же можно отнести хештеги *#policestate* *#neverforget1984*, являющиеся отсылкой к антиутопии Джорджа Оруэлла «1984» (дается ассоциация на контроль населения силами полиции).

В шестой группе собраны хештеги, являющиеся маркерами политического дискурса, такие как *#donaldtrump*, *#vote*, *#maga* (хештег, запущенный в ходе предвыборной кампании Трампа, сокр. от Make America Great Again) *#whitehouse* *#biden2020* *#antifa* *#antifaterrorists* (последние два хештега относятся к так называемому Антифа, движению против насилия и т.д.). Актуализируются такие хештеги, как *#QAnon* *#anonymous*, ранее маркировавшие одну из конспирологических теорий, в которой главной фигурой является Трамп). Референтом большей части хештегов является президент США Дональд Трамп. Эти хештеги отличаются особо негативной коннотацией и демонстрируют накал недовольства политикой и личностью президента: *#dictatortrump* *#racist* *#trumpdictatorship* *#trumpincitesviolence* *#trumphasnoplan* *#trumpmeltdown* *#fucktrump*. Некоторые хештеги являются яркими политическими лозунгами, направленными против Трампа: *#trumpresignnow* *#trumpout* *#americaortrump* *#voteouthate*. Отдельного упоминания заслуживает «бум» хештегов, маркирующих укрытие президента США в бункере во время протестов: *#bunkertrump* *#bunkerboy* (название вирусной песни) *#bunkerdon* *#bunkerbabytrump* *#cowardinchief* *#babygate* (временная стена, возведенная вокруг Белого дома). «Имена-этикетки становятся средством создания определенным образом окрашенного представления об обозначаемом персонаже или явлении. Массовое употребление того или иного хештега в такой функции становится медийным событием и попадает на страницы СМИ» [Галямина, 2014, с. 17].

В группе номер семь находятся хештеги с общей семой «протест, бунт»: *#protesters* *#riot(s)* *#protest* *#rioting* *#resist* *#riots2020* *#protests2020* *#blmp protest*. В одном поле оказываются такие, казалось бы, противоположные по значению хештеги, как *#peacefulprotest* и *#revolution*: ключевое слово в первом — «мирный», второй же обладает противоположным значением (в самой дефиниции слова “revolution” делается акцент на насильственное, жестокое действие).

Также *#blacklivesmatter* коррелирует с хештегами, которые употребляются как маркеры пандемии, которая совсем недавно была самым центром обсуждений общественности: *#coronavirus* *#covid* *#covid_19* *#covid19* *#lockdownextension*. Отдельно стоит отметить хештег *#policebrutalitypandemic*, в котором присутствует игра слов, связывающая две острые проблемы 2020 г.

Далее мы выделяем хештеги, являющиеся маркерами новостей о параде сексуальных меньшинств, который проходит ежегодно в июне: *#pride* *#pridemonth* *#pride2020*. В 2020 г. не обошлось без столкновений

демонстрантов с полицией, что объясняет тот факт, почему данные хештеги находятся в одном поле с *#blacklivesmatter*.

В девятую группу нами были объединены хештеги-лозунги: *#stopkillingus #stopkillingblackpeople #stoppolicebrutality #endpolicebrutality #endracism #stopracism #takeaknee #raisethedegree #saynotoracism #antiracism #theshowmustbepaused #nojusticenopeace #blackvoicesheard*, без которых не обходится ни одно социальное движение. К концу второй недели к ним присоединяются более целенаправленные лозунги: *#abolishthepolice #policepolice #policeform #policeformnow #defundthepolice #scantwait*. Облачение лозунгов в форму хештегов способствует объединению разных людей и акций. Таким образом, данная лингвистическая единица приобретает особую культурную значимость [Solis, 2011].

Следующая группа хештегов семантически охватывает причины активизации движения и «называет» те проблемы, на которые обращено его внимание: *#hadenough #enoughisenough #murder #injustice #policeviolence #policebrutality #whitesupremacy #whiteprivilege #racisminamerica #systemicracism*. 4 июня был добавлен новый хештег *#bluefall*, обращающий внимание на жестокость полицейских. Сюда же мы можем отнести хештеги *#icantbreatheagain #icantbreathe*, которые являются отсылкой к словам, сказанным Джорджем Флойдом перед смертью. Вслед за ней можно выделить хештеги, несущие положительную коннотацию и вызывающие соответствующие ассоциации с движением у пользователей: *#peace #equality #love #humanrights #humanity #solidarity #justice #equalityforall #civilrights*.

Двенадцатая группа хештегов указывает на появление оппонентов движения: *#alllivesmatter #bluelivesmatter #whitelivesmatter*. Первый хештег символизирует недовольство тем шумом, которое собрало вокруг себя движение, авторы второго выступают против угнетения полицейских радикальными представителями движения, а третий хештег маркирует протест против угнетения светлокожих людей теми же радикальными представителями движения.

Также нами была выделена группа официальных хештегов новостных ресурсов, корреляция с которыми свидетельствует о том, что движение получило особый резонанс в средствах массовой информации: *#cnn #news #breakingnews #trending #foxnews #breaking*.

Наконец, стоит разобрать значение тех коррелирующих хештегов, которые не вошли в вышеупомянутые группы. Так, например, хештеги *#phillyexploisons* (относится к взрывам в Филадельфии, 2020) и *#looting* (пер. мародёрство) выступают в роли новостных маркеров, так же, как и хештеги *#blackout #internetshutdown #blackoutday2020* (относят-

ся к слухам об отключении электричества как способе государственного контроля).

Проанализировав графы коррелирующих хештегов в период наиболее активного употребления головного хештега *#blacklivesmatter* и изучив значение каждого хештега, мы можем проследить, как представлено социальное движение Black lives matter в интернет-сообществе и какова реакция интернет-пользователей на данное движение. Выделенные группы коррелирующих хештегов демонстрируют широкую географию социального движения, выходящую за пределы США, выделяют ключевых лиц, имена и названия которых активно используются для актуализации движения, указывают на причины его возникновения, отражают его характер, пересечение с другими движениями или явлениями, транслируют его главные идеи. Значительная часть хештегов интегрирует социальное движение в политический дискурс. Хештег — это тот инструмент, который помогает организовать социальное движение и сформировать представление о нём среди пользователей. Изучение хештегов является перспективным направлением лингвистических, политических и социологических исследований.

Библиографический список

Атягина А.П. Языковая компрессия в Twitter // Медиаскоп. 2012 №3. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1136>.

Беловодская А.А. Об исследовательском потенциале изучения хештега как медиадискурсивного феномена // Медиалингвистика. 2019 № 6 (1) DOI: 10.21638/spbu22.2019.105.

Галямина Ю. Е. Лингвистический анализ хештегов Твиттера // Современный русский язык в интернете. М., 2014.

Гончарова Е.А. Жанрообразующие характеристики Твиттер // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики, 2019 № 3. DOI: 10.29025/20796021-2019-3-51-58.

Емельяненко В. Слова за решёткой // Русский мир.ru, 2013. № 2. URL: <https://rusmir.media/2013/02/01/reshetka>.

Рябченко Н. А., Катермина В. В., Гнедаш А. А., Малышева О. П. Политический контент социальных движений в online-пространстве современных государств: методология анализа и исследовательская практика // Южно-российский журнал социальных наук. 2018 Т. 19. № 3.

Рябченко Н.А., Малышева О.П. Управление политическим контентом: семантический анализ тегов и хештегов // VIII международная социологическая Грушинская конференция «Социолог 2.0: трансформация профессии». М., 2018.

Шипицина Л.Ю. Компьютерно-опосредованная коммуникация: Лингвистический аспект анализа. М., 2010.

Solis B. The Hashtag Economy. Brian Solis. 2011. URL: <http://www.briansolis.com/2011/06/hashtag-this-the-culture-of-social-media-is>.

References

Atjagina A.P. *Jazykovaja kompressija v Twitter*. [Language Compression in Twitter Messages]. In: *Mediascope*. [Mediascope]. 2012 No. 3 URL: <http://www.mediascope.ru/node/1136> (accessed 05.09.2020).

Belovodskaja A.A. *Ob issledovatel'skom potenciale izuchenija hjeshtega kak mediadiskursivnogo fenomena*. [About Research Potential of Studying Hashtag as Mediadiscourse Phenomenon]. In: *Medialingvistika*. [Medialinguistics]. 2019 No.6(1) DOI: 10.21638/spbu22.2019.105.

Galjamina Ju.E. *Lingvisticheskij analiz heshtegov Tvitterra*. [Linguistic Analysis of Hashtags in Twitter]. In: *Sovremennyj russkij jazyk v internete*. [Modern Russian on the Internet]. Moscow, 2014.

Goncharova E.A. *Zhanroobrazujushhie karakteristiki Tvitterra*. [Genre-forming characteristics of Twitter]. In: *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoj lingvistiki*. [Current Issues in Philology and Pedagogic Linguistics]. 2019 No. 3 DOI: 10.29025/20796021-2019-3-51-58.

Emel'janenko V. *Slova za reshjotkoj*. [Words behind the Hash]. In: *Russkij mir.ru*. [Russian World.ru]. 2013 No. 2. URL: <https://rusmir.media/2013/02/01/reshetka> (accessed 05.09.2020).

Rjabchenko N.A., Katermina V.V., Gnedash A.A., Malysheva O.P. *Politicheskij kontent social'nyh dvizhenij v online-prostranstve sovremennyh gosudarstv: metodologija analiza i issledovatel'skaja praktika*. [Political content of social movements in the online space of modern states: methodology of the analysis and research practices]. In: *Juzhno-rossijskij zhurnal social'nyh nauk*. [South-Russian Journal of Social Sciences]. 2018 Vol.19. No.3

Rjabchenko N.A., Malysheva O.P. *Upravlenie politicheskim kontentom: semanticheskij analiz tegov i hjeshtegov*. [Managing Political Content: Semantic Analysis of Tags and Hashtags]. In: *VIII mezhdunarodnaja sociologicheskaja Grushinskaja konferencija «Sociolog 2.0: transformacija professii»*. [International Sociological Grushinskaja Conference „Sociologist 2.0: Transformation of Profession”]. Moscow, 2018.

Shhipicina L.Ju. *Komp'juterno-oposredovannaja kommunikacija: Lingvisticheskij aspekt analiza*. [Computer-assisted Communication: Linguistic Aspect of Analysis]. Moscow, 2010.

Solis B. *The Hashtag Economy*. 2011 URL: <http://www.briansolis.com/2011/06/hashtag-this-the-culture-of-social-media-is/>.

К ЧЕМУ ВЕДЕТ НАЗВАНИЕ РАДИОПРОГРАММЫ? К ВОПРОСУ О КОММУНИКАТИВНОЙ ФУНКЦИИ НАЗВАНИЯ

А.А. Орешкина

Ключевые слова: радиодискурс, название радиопрограммы, восприятие.

Keywords: radio discourse, radio title program, perception.

DOI 10.14258/filichel(2021)4-11

Названия телевизионных и радиопрограмм вызывают большой интерес у исследователей в области филологии и журналистики. Связано это, в частности, с тем, что они выполняют как схожие, так и различные функции. Читая или слыша одни названия, адресат может легко предположить, о чём будет программа, понять её основную тему и, возможно, даже формат (развлекательная, информационная, дискуссионная и т.д.). Другие же названия не несут информации, на основании которой можно прогнозировать тематику и жанр программы. Воспринимая их, адресат нередко сталкивается с интригой. Он не понимает, что скрывается за названием, какой контент включает программа, почему автор решил назвать свою программу именно так. Исследование названий как важнейшего компонента теле- и радиодискурса с позиций аттрактивности и коммуникативности медиатекста является актуальной проблемой медиалингвистики.

Интерес к названиям аудиовизуальных СМИ отражает научная литература. Е.С. Руфова, И.А. Обутов [2018], Е.Л. Пупышева [2014] рассматривают такие свойства названий телепрограмм, как прецедентность и интертекстуальность. Заметим, что Е.С. Руфова и И.А. Обутов включают названия телепрограмм в широкое поле телевизионного дискурса, не ограничиваясь рамками телевизионного текста. В сферу их научных интересов входят также основные функциональные характеристики названий российских телепрограмм: информативная конкретность и воздействующая функция номинативных структур. С.В. Фацанова [2011], Н.В. Баско [2018] анализируют роль языковой игры в наименовании радиопрограмм. М.М. Сулейман [2019], описывая основные принципы наименования телепрограмм, разделяет названия на идентифицирующие (выполняющие информативную функцию) и условно-символические (реализующие функцию воздействия).

В работах Е.Н. Басовской, М.С. Дудниковой, М.А. Лапухиной, М.М. Сулейман, А.М. Хайретдиновой и других осуществляется классификация названий программ аудиовизуальных СМИ по тем или иным признакам, изучается их функциональная нагрузка, выделяются языковые и национально-культурные особенности наименований. Особый интерес в контексте данного исследования, связанного с аттрактивной функцией названий, вызывают работы М.С. Дудниковой и Е.Н. Басовской. В публикации М.С. Дудниковой [2011] рассматривается номинативная парадигма англоязычного телевизионного дискурса с целью оптимального прогнозирования массово-коммуникативной деятельности в области развлекательного телевидения. Е.Н. Басовская [2017] отмечает антропоцентризм современной медиаречи и аттрактивный эффект языковой игры в названиях программ российского радио.

В основу анализа названий радиопрограмм в данной статье лёг коммуникативно-прагматический подход, предполагающий «исследование особенностей речевого взаимодействия, направленного на достижение успешной коммуникации и регулирования коммуникативного поведения её участников» [Нестерова, 2020, с. 341]. Название радиопрограмм включается в сложное структурное и коммуникативное целое, обозначенное Н.Г. Нестеровой как гиперрадиотекст, составляющими которого автор считает «звучащий в эфире текст, анонсы радиопрограмм, чат во время прямого эфира, интернет-комментарии к радиопрограммам, блоги журналистов и комментарии к ним, другие тексты, объединённые сайтом радиостанции в единое коммуникативное пространство радиодискурса» [Нестерова, 2019, с. 337], в том числе названия программ. В дальнейших исследованиях томских медиалингвистов выдвинуты основания рассматривать понятие «гиперрадиотекст» шире, с учётом выхода радио в сферу социальных сетей [Нестерова, Сабаева, 2021].

В данной статье рассматривается наименование аттрактивного типа в аспекте восприятия программы адресатом. Объектом анализа является функционирование названия, содержащего лингвистическую интригу, которая затрудняет механизм прогнозирования слушателем тематической доминанты радиопрограммы. Представлена попытка ответить на следующие вопросы:

Если название программы не является инструментом прогнозирования, не позволяет «предугадать» тематику текста, то каковы функции его использования? Является ли интрига, порождённая названием, главной целью названий подобного рода, или же есть другая функция, не предусматривающая вызов заинтересованности у адресата?

Целью статьи является исследование авторской коммуникативной стратегии наименования радиопрограмм в тех случаях, когда название не выполняет информативную функцию и препятствует когнитивному прогнозированию.

Новизна работы заключается в предложении и апробации новой методики анализа названий радиопрограмм. Существенное внимание уделяется аттрактивной функции названий и вопросу их восприятия адресатом. Источником материала послужила радиопрограмма «Равные среди первых», которая выходит на «Радио России». В качестве материала для исследования привлечены тексты четырёх выпусков программы¹⁸.

Методика анализа названия радиопрограммы «Равные среди первых» включает несколько исследовательских этапов:

- Поиск ассоциаций путём установления связи названия с прецедентными текстами.
- Установление связи названия с тематикой программы.
- Анализ анонсов выпусков программы с целью выявления характера актуализации в них названия.
- Анализ восприятия адресатом названия радиопрограммы посредством опроса и обращения к интернет-комментариям.

В статье рассматривается условно-символическое наименование программы, которое, будучи косвенной характеристикой программы, делает акцент на образность, символичность, метафоричность. В связи с этим первым этапом анализа является *поиск ассоциаций*. Ассоциации выявляются путём установления связей названия с прецедентными текстами.

Название «Равные среди первых» отсылает адресата к латинскому выражению «Primus inter pares». В переводе «Первый среди равных» оно известно носителям русского языка, что подтверждают результаты проведённого опроса¹⁹; также известно, что это выражение относится к римскому императору. Словосочетанием «Первый среди равных» характеризовали взаимоотношения монарха и крупных феодалов в средневековом обществе²⁰. В энциклопедическом словаре крылатых слов

¹⁸ <https://www.radiorus.ru/brand/58950/episodes>.

¹⁹ Ответ одного из опрашиваемых: «Название является необычным, так как отсылает к знаменитому выражению «первый среди равных». Таким образом, происходит игра значениями. Видя название, человек сразу вспоминает эту известную фразу и непреднамеренно начинает сравнивать эти варианты. Возможно, названием автор хотел подчеркнуть принадлежность людей с инвалидностью к обычному обществу и то, что от остальных людей их больше ничего не отличает, кроме физического недуга».

²⁰ <https://dic.academic.ru>

и выражений стоит помета: «Шутливо-иронически: о ком-либо, кто руководит людьми при формальном равенстве с ними»²¹.

Чего хотел добиться автор программы, изменив известную фразу: не *первый среди равных*, а *равные среди первых*? Краткий лингвистический анализ позволил ответить на этот вопрос. Во-первых, в новом варианте наблюдается изменение числа с единственного на множественное. Адресат понимает, что речь пойдёт не о каком-то одном человеке, который выделился на фоне некоего большинства (как римский император), а о многих людях. Во-вторых, важно указать на неочевидную мысль: семантика слова *первые* включает в себя элемент оксюморона. Согласно Большому толковому словарю, «первый» — это порядковое числительное к «один» или прилагательное, означающее «первоначальный, самый ранний; происходящий, действующий раньше других»²², а также «лучший из всех в каком-л. отношении; отличный»²³. Таким образом, словарные дефиниции приводят к выводу, что слово *первый* подразумевает кого-то одного, а множественное число разрушает эту семантику и делает из *самого... много самых...*, из *лучшего среди всех много лучших*. В-третьих, здесь можно наблюдать изменённый порядок слов. В русском языке при прямом порядке слов на первом месте стоит тема, то есть то главное, о чём сообщается в предложении. В оригинальном выражении акцент стоит на том, что кто-то именно *первый*, он является главным среди прочих. В названии программы акцент смещается на слово *равные*. Таким образом, адресат может предположить, что программа под названием «Равные среди первых» посвящена в первую очередь вопросам равенства.

Разобрав название радиoproграммы по отдельным смысловым элементам, тематику программы всё ещё невозможно установить. Этот факт побуждает слушателя узнать, кто такие «равные» и среди каких «первых» они равны?

Вторым этапом анализа является **установление связи названия с тематикой программы**. На данном этапе происходит обращение к аннотации на сайте «Радио России»:

«Программа рассказывает о знаменитых людях с ограниченными возможностями, достижения которых значительно повлияли на развитие мировой науки, политики, спорта, искусства, литературы, культуры и общественной жизни»²⁴.

²¹ <https://dic.academic.ru>

²² <http://gramota.ru>

²³ <http://gramota.ru>

²⁴ <https://www.radiorus.ru/brand/58950/about>

В 2015-м году, в связи с Годом литературы, программы посвящались писателям и поэтам разных эпох. В 2016-м году героями программ были россияне, известные своим героизмом на войне или талантами в различных областях науки, искусства, спорта. В 2017-м году радиoproграммы были посвящены знаменитым людям с инвалидностью, чья профессиональная или общественная деятельность повлияла на международное положение России»²⁵.

После прочтения аннотации становится понятна и тематика программы, и, главное, мысль автора программы, заложенная в названии: люди с инвалидностью равны людям без неё и могут достичь любых высот. Именно на этом этапе становится понятно, о каком равенстве идёт речь. Название, не неся в себе семантики «инвалидности», служит тем импульсом, который позволяет адресату размотать весь «клубок интерпретаций», прочитать все смыслы, которые хотел донести автор до слушателя.

На данном этапе также ставится задача выявить связь названия с текстом программы, который сосредоточен на героях конкретных выпусков, а также с её участниками. Героями программы становились представители разных эпох: паралимпийский чемпион Андрей Строкин, фельдмаршал Михаил Кутузов, дайвер Дмитрий Павленко, певица Анна Герман, боец Великой войны Никодим Корзенников, композитор Людвиг ван Бетховен, генерал-полковник Василий Петров и многие другие.

Автором и ведущим программы выступает вице-президент Всероссийского общества слепых, депутат Государственной думы РФ Олег Смолин, почти слепой от рождения. Частый гость программы — Светлана Суворова, руководитель интернет-проекта «Победившие судьбу». Другие участники программы связаны непосредственно с той областью деятельности, к которой относится герой программы. Так, если герой выпуска — певец, то в студию приглашают лауреата российских и международных конкурсов вокального искусства; о полководце рассказывает заместитель директора музея обороны и т.д. Анализ показал, что название не актуализировано непосредственно в тексте программы, не связано с конкретными участниками. Оно позволяет слушателям на уровне ассоциаций понять главную мысль автора программы: человеку с какой-либо инвалидностью ничто не мешает жить, творить, заниматься наукой наравне с другими людьми.

Третьим этапом анализа стало расширение исследовательского контекста, то есть рассмотрение того, как название программы

²⁵ <https://www.radiorus.ru/brand/58950/about>

отражено в социальных сетях. В первую очередь реализуется задача — выяснить, **актуализируется ли название программы в анонсе конкретных выпусков** (обыгрывается ли как-то название, используются ли языковые единицы, синонимичные названию, и т.д.). В рамках этого этапа был использован поиск информации по хэштегу (#РавныеСредиПервых_РадиоРоссии).

Отдельного интернет-ресурса у программы «Равные среди первых» нет, но «Радио России» представлено на нескольких интернет-платформах: у радио есть сайт, группа в социальной сети «ВКонтакте», в «Одноклассниках» и в «Фейсбуке», аккаунт в «Твиттере» и в «Инстаграме», а также канал на «Ютубе». При этом программа «Равные среди первых», отражена лишь на сайте и в нескольких социальных сетях: «ВКонтакте», «Одноклассники» и «Фейсбук». В качестве самой активной аудитории квалифицирована группа в социальной сети «ВКонтакте». В этой группе представлены анонсы выпусков программы, а также комментарии слушателей к ним. Примечательно, что в текстах анонсов, в отличие от текста самой программы, присутствуют слова, семантически связанные с названием программы:

*Далеко не о каждом человеке, даже не о каждом герое нашей программы можно сказать: **единственный в мире**. Но сегодня именно такой случай²⁶; Он стал инвалидом в 39 лет. После того, как переболел полиомиелитом. Но это не помешало ему стать **единственным** человеком в истории, который четыре раза избирался на пост президента США; О музыканте и преподавателе Адольфе Баллере говорили: он построил мост из Австрии XIX века в Силиконовую долину. Его именем назван фонд, который помогает студентам с невысокими доходами получать музыкальное образование. **В дуэте с Иегуди Менухиным** его имя вошло во всемирную историю музыки²⁷.*

Определение **единственный** ставит акцент на уникальности таких людей, а конструкция *в дуэте с...* подчёркивает мысль, заложенную в названии программы. Оно ведёт слушателя к мысли о том, что инвалидность не является препятствием в стремлении любого человека жить полной жизнью.

Четвёртым этапом является **анализ восприятия названия программы адресатом**. Он осуществляется посредством поиска и изучения комментариев в сети, составления и проведения опросов.

Основной целью изучения комментариев была попытка понять, используют ли комментаторы отсылки к названию программы, «ушло ли на-

²⁶ <https://vk.com/radiorussia1>, дата публикации 13.06.20.

²⁷ Здесь и далее орфография и пунктуация оригинального текста сохранены.

звание в народ», или же осталось только названием. После мониторинга социальных сетей был сделан вывод, что комментарии в данном конкретном случае нерепрезентативны. Связано это, во-первых, с их крайне незначительным количеством, а во-вторых, с их низкой информативностью. В основном комментаторы пишут о героях программы или благодарят авторов за выпуск, название в комментариях никак не отражено).

С целью выявить особенности восприятия названия радиoprogramмы адресатом, проведён опрос среди студентов Томского государственного университета и пользователей социальной сети «ВКонтакте». Опрошенным предлагалось прочитать название программы и ответить на следующие вопросы: «Приходилось ли вам раньше слышать об этой программе?», «Доводилось ли вам слушать выпуски этой программы?», «Как вы думаете, о чём может быть эта программа?». Первые два вопроса заданы в целях чистоты эксперимента и возможности при необходимости исключить из анализируемых данных ответы участников опроса, которым уже знакома тематика программы. Далее опрошенным была представлена аннотация программы и задан новый ряд вопросов: «Было ли у вас предположение, что эта программа рассказывает о знаменитых людях с инвалидностью?», «Как вы думаете, почему автор назвал свою программу «Равные среди первых»? О чём слушателям может сказать это название?».

Полученные ответы позволили сделать вывод, что даже такое «неопределённое» название программы ведёт адресатов в одном и том же направлении мыслей: *«Возможно, о людях каких-то профессий, которые чем-то отличились от других. <...> достижения каких-либо высот в своей профессии или хобби. Программа о выдающихся людях»*. Примечательны ответы, напрямую отсылающие к названию: *«Наверное, о победителях. Есть же **первые**, вторые и третьи места. Кто-то не занимает никаких мест вовсе. Следовательно, все победители **равны** между собой. Потому что они победители, они шли к своей цели. О том, как среди победителей, людей, преуспевших в своём деле нет разных. Все из них **равны**»*. В одной анкете использованы созвучные слова «разный-равный» с целью подчеркнуть мысль об отсутствии различия, о равенности «первых». Отметим ещё несколько ответов. Один из участников опроса не только написал предположения относительно названия и тематики программы, но и подробно описал процесс мыслительной деятельности: *«При обдумывании ответа на этот вопрос, возникает какой-то ступор. Название само по себе звучит хорошо и как-будто понятно, но, если начинаешь над этим задумываться, ответ не сразу приходит в голову. Возможно, программа о понимании того, что на самом деле значит быть первым. Кто это определяет, отличаются ли*

победители по типу: «самый первый из первых» и т.д. Этот ответ коррелирует с высказанной в начале статьи мыслью, согласно которой названия радиопрограмм такого рода, создавая некую лингвистическую интригу, тормозят механизм прогнозирования. Другой же опрашиваемый предположил: *думаю о равноправии.* Стоит отметить, что из 58 участников опроса пятеро ещё на этапе чтения названия программы определили её точную тематику: *«Наверное, что-то об инклюзии, о талантливых людях с ограниченными возможностями».*

Показательными являются рассуждения участников опроса об идее, которую содержит название: *«Люди с инвалидностью равны между собой. Среди «первых», потому что добились серьезных успехов в творчестве, науке и общественной жизни, несмотря на ограниченные возможности здоровья и находятся наравне с обычными людьми. Неважно инвалид ты или человек без проблем со здоровьем. Если ты первый в чем-либо, то ты наравне с остальными «первыми» в этой же области. О толерантности и неограниченных возможностях при ограниченных возможностях».*

Результаты опроса позволяют сделать вывод о том, что название изучаемой программы большую часть адресатов ведёт по одной и той же «тропе восприятия»: сначала адресат предполагает, что тематика программы связана с какими-то выдающимися людьми, потом появляются мысли о равенстве внутри некой общности «первых». И уже в конце, после прочтения аннотации программы, становится очевидной идея автора о равенстве между людьми, вне зависимости от наличия или отсутствия инвалидности.

Заключение

К чему же ведёт название радиопрограммы? Подытожив промежуточные результаты, приходим к выводу, что главной мотивацией автора при выборе названия для программы не обязательно должно быть сообщение информации о теме программы или попытка привлечь, заинтересовать аудиторию. Название может содержать подтекст, ключевую информацию, высказанную между строк. Оно может быть «собакой-поводырь», которая ведёт слушателя (или зрителя) через сложные лабиринты интерпретаций и метафор, непременно приводя его к самой главной мысли, которую хотел донести автор до своего адресата. Название не сообщает тему программы (ибо тема в данном случае — жизнь знаменитых людей с инвалидностью), оно приводит адресата к глубокому философскому осмыслению жизни. Ведь, какие бы сложности ни встретились человеку на жизненном пути, у всех есть равные возможности, и если человек захочет, то его ничто не остановит перед достижением высоких целей: ни глухота, ни слепота, ни любое другое препятствие.

В качестве перспектив исследования выделим применение представленной методики для анализа названий других средств массовой коммуникации (названий телепрограмм, заголовков статей и т.д.), а также сопоставительный анализ названий с разными принципами наименования: идентифицирующим и условно-символическим.

Библиографический список

Баско Н.В. Креативность в медийной номинации: средства и способы реализации // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. 2018. №2.

Басовская Е.Н. «Имя дважды собственное»: антропонимы в названиях радиопрограмм // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. №4(11).

Дудникова М.С. Номинативная парадигма англоязычного телевизионного дискурса: на материале названий развлекательных телепередач Британии и США. Самара, 2011.

Нестерова Н.Г. Радиодискурс и радиотекст в условиях новых коммуникаций // Медиалингвистика. 2019. № 6(3).

Нестерова Н.Г. Теле- и радиодискурс в российских исследованиях // Медиалингвистика славянских стран. М., 2020.

Нестерова Н.Г., Сабаяева Ю.С. Публичная страница радиостанции в социальной сети как текст в структуре радиодискурса (на примере публичной страницы «Радио Сибирь» в социальной сети «ВКонтакте») // Вестник Томского государственного университета. 2021. №4.

Пупышева Е.Л. Функционирование прецедентных элементов в названиях программ // Вестник МГЭИ. 2014. №3(19).

Руфова Е.С., Обутов И.А. Функциональные особенности названий российских телепрограмм // Социосфера. 2018. №4.

Сулейман М.М. Названия российских и британских телепрограмм: ономазиологический и прагмалингвистический аспекты. Мытищи, 2019.

Фащанова С.В. Трансформация прецедентных текстов как прием языковой игры в радиодискурсе // Вестник Томского государственного университета.. 2011. №350.

Источники

Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2014. URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/?lop=x&bts=x&ro=x&zar=x&ag=x&ab=x&sin=x&lv=x&az=x&pe=x&word=первый> (дата обращения 19.12.20).

«Равные среди первых»: описание. URL: <https://www.radiorus.ru/brand/58950/about>.

«Радио России»: группа ВКонтакте. URL: <https://vk.com/radiorussia1>.

Серов В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М., 2003 URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/2041/Первый (дата обращения: 14.11.20).

References

Basko N.V. *Kreativnost' v medijnoj nominacii: sredstva i sposoby realizacii*. [Creativity in the media category: means and methods of implementation]. In: *Ural'skij filologicheskij vestnik*. [Ural Philological Bulletin. Series: Language. System. Personality: linguistics of creativity.]. 2018. No. 2.

Basovskaya E.N. "Imya dvazhdy sobstvennoe": antroponimy v nazvaniyah radioprogramm. ["Name, double-own": the anthroponyms in the names of radio programs]. In: *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*. [Ecology of language and communicative practice]. 2017. No. 4(11).

Dudnikova M.S. *Nominativnaya paradigma angloyazychnogo televizionnogo diskursa: na materiale nazvanij razvlekatel'nyh teleperedach Britanii i SSHA*. [Nominative paradigm of the English-language television discourse: on the material of the names of entertainment TV shows in Britain and the USA]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Samara, 2011.

Nesterova N.G. *Radiodiskurs i radiotekst v usloviyah novykh kommunikacij*. [Radio discourse and radio text in the context of new communications]. In: *Medialingvistika*. [Medialinguistics]. 2019. No. 6(3).

Nesterova N.G. *Tele- i radiodiskurs v rossijskikh issledovaniyah*. [Tele- and radio-discourse in Russian studies]. In: *Medialingvistika slavyanskih stran*. [Medialinguistics of Slavic countries.]. Moscow, 2020.

Nesterova N.G., Sabaeva YU.S. *Publichnaya stranica radiostancii v social'noj seti kak tekst v strukture radiodiskursa (na primere publichnoj stranicy «Radio Sibir'» v social'noj seti «VKontakte»)*. [The public page of a radio station in a social network as a text in the structure of the radio discourse (for example, the public page of «Radio Siberia» in the social network «VKontakte»)]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Bulletin of the Tomsk State University]. 2021. No. 4.

Pupysheva E.L. *Funkcionirovanie precedentnykh elementov v nazvaniyah program*. [Functioning of the precedent elements in the names of television programmes]. In: *Vestnik MGEL*. [Bulletin of the Moscow state humanitarian and economic institute]. 2014. No. 3(19).

Rufova E.S., Obutov I.A. *Funkcional'nye osobennosti nazvanij rossijskikh teleprogramm*. [Functional features of Russian television titles]. In: *Sociosfera*. [Sociosphere]. 2018. No. 4.

Sulejman M.M. *Nazvaniya rossijskih i britanskih teleprogramm: onomasiologičeskij i pragmalingvističeskij aspekty*. [Titles of Russian and British TV Programs: Onomasiological and Pragmalinguistic Aspects.]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Mytishchi, 2019.

Fashchanova S.V. *Transformacija precedentnyh tekstov kak priemazykovoju igru v radiodiskurse*. [Transformation of precedent texts as a method of language game in radio discourse]. In: *Vestnik TGU*. [Bulletin of Tomsk State University.]. 2011. No. 350.

List of sources

Kuznecov S.A. *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka*. [Great Dictionary of Russian language]. SPb., 2014. URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/?lop=x&bts=x&ro=x&zar=x&ag=x&ab=x&sin=x&lv=x&az=x&pe=x&word=первый>

«*Ravnje sredi pervyh*»: *opisanie*. [“Equal among the first”: description]. URL: <https://www.radiorus.ru/brand/58950/about>

«*Radio Rossii*»: *gruppy VKontakte*. [“Radio of Russia”: VKontakte group]. URL: <https://vk.com/radiorussia1>

Serov V. *Enciklopedičeskij slovar' krylatyh slov i vyrazhenij*. [Encyclopedic dictionary of winged words and expressions.]. Moscow, 2003 URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/2041/Pervyj

ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ МЕДИАСТРАТЕГИЙ РОССИЙСКИХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ТЕЛЕКОМПАНИЙ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА ТРАДИЦИОННЫХ СМИ

Е.А. Манскова

Ключевые слова: медиастратегия, цифровое телевидение, региональное телевидение, медиапотребление, новые медиа.

Keywords: media strategy, digital television, regional television, media consumption, new media.

DOI 10.14258/filichel(2021)4-12

Слово «кризис» в определении основных трендов традиционных медиа стало шаблонным для аналитики медиаизмерений рынка и научного дискурса. Появление нового типа медиапотребления, ориентированного на цифровые форматы, и утверждение смартфона как главного инструмента коммуникации заставляют медиаканалы корректировать стратегии продвижения контента, учитывая специфику и форматы новой цифровой реальности. Если для печатных СМИ изменения имели поступательный характер, а потеря аудитории была связана с одним основным фактором — изменением типа медиапотребления, то для электронных медиа, в особенности региональных телестудий, этот процесс был осложнён переходом системы телевещания в России на цифровой формат. Одновременно десятки студий лишились своего основного канала коммуникации. Среди телекомпаний, вынужденных в короткие сроки поменять медиастратегию, оказался и барнаульский информационный канал «Наши новости». Разработка и апробация концепции ребрендинга и перезапуска канала в формате кабельного вещания 24x7, а также интеграции контента канала на мультимедийной платформе «Толк» холдинга «Сибирская медиагруппа» стали эмпирической базой данного исследования.

Авторы научных работ, посвящённых процессам трансформации регионального вещания едины во мнении о том, что переход на «цифру» завершил процесс тотального подчинения регионального ТВ государству [Дугин, 2019; Каратаев, 2017]. В доступных широкому зрителю первом и втором мультиплексах осталось только вещание региональных филиалов ВГТРК на каналах «Россия-1» и «России-24», 21-е кнопки кабельных сетей уже были заняты региональными телекомпаниями, учредителем которых чаще всего также является государство, эти

же телекомпании стали сетевыми партнёрами ОТВ, получив возможность эфирных «врезок» на 10 канале первого мультиплекса. Коммерческие местные студии, не имеющие договоров с кабельными операторами, потеряли традиционные каналы коммуникации безальтернативно. Так называемый «Закон о 22-ой кнопке» вступил в силу только спустя полтора года после перехода на цифровое вещание.

Однако, анализируя последствия «цифровизации», исследователи отмечают и возможность использования новых технологий для равной конкуренции регионального телевидения с федеральными каналами, которое в старой парадигме функционирования СМИ было невозможно. «В парадигме унификации технологий федеральные и региональные телеканалы становятся в одинаковой мере равнодоступными для зрителя. В таких условиях решающими факторами в борьбе за зрительскую аудиторию становятся качественный контент и грамотное программирование по продвижению эфирного продукта» [Каратаев, 2017]. При этом основу новых медиастратегий должен составить «субъектно-субъектный» тип коммуникации, учитывающий дальнейший тренд персонификации каналов потребления вместо «субъектно-объектного» с ориентацией на массовую аудиторию [Каратаев, 2017]. При новом подходе методы управления медиапроектами на стадии целеполагания требуют детальной социологии: изучения рынка, аудиторного запроса, особенностей медиапотребления потенциальной аудитории.

Медиаизмерения последних лет демонстрировали устойчивую динамику роста потребления контента диджитал и социальных медиа при падении объёмов телесмотра. Устойчивый рост сохраняют несколько трендов: среднее время, проведённое в интернете, смартфон как основной инструмент потребления контента и переход пользователей из «текстовых» медиа в хостинги и сети, ориентированные на визуальный формат [Digital 2020: Global Digital Overview].

Свои коррективы в структуру медиапотребления на время внесла пандемия. По данным исследовательской компании «Медиаскоп», в апреле 2020 г. жители российских городов с населением более 100 тыс. человек старше четырех лет в среднем смотрели телевизор на 25% дольше (269 минут в день), чем в апреле 2019 г. [Ачкасова, 2020]. Нелояльную аудиторию телевизор сохранил и в мае. При этом «Медиаскоп» традиционно оставляет первое место в структуре информационного потребления в России за телевидением, а высокую долю в рейтингах демонстрируют «местные новости».

Исследование «Медиапотребление в России-2020», проведённое компанией «Делойт», показывает несколько иные данные по итогам

всего года: под влиянием пандемии общий индекс медиаактивности вырос на 23%, но наибольший рост показали Интернет-платформы, а такие медиаканалы, как телевидение и газеты, продолжили терять аудиторию. На первое место исследование ставит потребление новостей через официальные сайты и только на второе — телевидение, при этом доля его аудитории в 2020 г. (88%) стала самым низким показателем за пять лет исследований (94% в 2015 г.), а рост телесмотрения в 28% в 2020 г. продемонстрировала в основном лояльная традиционная для телевидения аудитория 55+ [Медиапотребление в России-2020]. Также по данным исследования, информационный контент в 2020 г. не показал рост, аудитория чаще стала выбирать научно-познавательные программы (+21 п.п.) и сериалы (+5 п.п.), включают телевизор, чтобы посмотреть конкретную программу лишь 24% респондентов, растёт доля потребителей телеконтента по запросу через интернет, со смартфона и компьютера (43, 70 и 65% респондентов соответственно) [Медиапотребление в России-2020]. И здесь мы можем отметить первую проблему перехода к новым медиастратегиям регионального вещания.

1. Исследование аудитории СМИ

Бюджеты небольших телекомпаний ограничены, и менеджмент таких студий редко вкладывает средства в собственные исследования аудитории. Управленческие решения опираются на данные медиаизмерений, демонстрирующие общемировые и общероссийские тенденции. В российских медиаизмерениях телевидение, как демонстрирует приведённая выше статистика, по-прежнему занимает лидирующие позиции. При этом данные по региональному эфирному вещанию дают другую картину. Эти цифры закрытые, компания «Медиаскоп» предоставляет их по договору. Основной заказчик статистики регионального телесмотрения — ВГТРК. Так выглядели рейтинги телекомпаний Алтайского края на начало 2019 г., накануне перехода на цифровой формат: «Вести-Алтай» ГТРК «Алтай» (канал Россия-1) — 6–7% в зависимости от дня недели, телекомпания «Катунь-24» (21-й канал) — 0,5%, городская телекомпания «Наши новости» (сетевые партнёры: «РенТВ», «СТС», с апреля 2019 г. телеканал «Толк») — меньше 0,1%. В абсолютных цифрах «Вести-Алтай» смотрели в среднем 155000 зрителей, «Катунь-24» и «Наши новости» — 11000 и 2500 человек соответственно. На тот же период число подписчиков «Вести-Алтай» в Инстаграме составляло 12600 человек, на YouTube — 19000, число подписчиков «Катунь-24» в Инстаграме и на YouTube насчитывало по 11600 человек, «Наших новостей» — 5200 и 16000 пользователей соответственно. Это ещё раз подтверждает тезис о том, что цифровая эпоха дала региональ-

ному вещанию новые конкурентные возможности, которые в альтернативном коммуникативном пространстве разрушают монополию «федеральной кнопки». С 2019 г. прирост подписчиков у всех трёх телекомпаний в Инстаграме составил почти 290%, на хостинге YouTube — 180%. Однако статистика просмотров YouTube продолжает демонстрировать низкий процент вовлеченности аудитории в контент, что является маркером несоответствия формата и содержания продукта запросам аудитории хостинга.

2. Контент и формат

Механический перенос классического информационного телеформата на интернет-площадки — ещё одна распространённая ошибка в продвижении телевизионного контента на платформах новых медиа. В классическом формате пользователи социальных сетей готовы смотреть проблемные сюжеты на актуальные темы, которые не могут быть потоковыми в телепроизводстве. Жанру репортажа аудитория новых медиа предпочитает титрованные ролики, stream, короткие видео или синхроны, вирусное видео, action-видео, таймлапсы, слоу-мо и т.п. Пример из кейса телеканала «Толк»: сюжет в формате life-to-tape о мастер-классах ремесленников в городском парке. Блогеры вырезали из сюжета короткое интервью с гончаром, которому корреспондент задаёт вопрос, согласен ли он с тем, что женщина — священный сосуд. Фрагмент репортажа за несколько дней стал вирусным видео, набрав миллионы просмотров в разных аккаунтах разных социальных сетей, при этом исходный материал собрал 6019 просмотров²⁸. Это типичный пример ошибок в стратегии программирования продвижения контента, его «переупаковки».

При корректировке медиастратегий региональные телекомпании не проводят глобальную перестройку редакционных структур, которую требуют процессы конвергенции. Вместо трансформации редакций для интегрированного мультимедийного производства нового типа контента в состав отделов вводят smm и seo-специалистов, отвечающих за продвижение в социальных сетях и администрирование официального сайта. Однако процесс переформатирования продукта под каждый канал коммуникации захватывает весь производственный цикл от pre-production до post-production. На этапе планирования редактор оценивает альтернативные форматы, корреспондент в процессе производства создаёт уникальный контент отдельно для социальных медиа, отбирает материал для сайта, на этапе pre-

²⁸ Данные актуальны на 15 марта 2021 г. <https://www.youtube.com/watch?v=7LXisLmF6X0>.

production выбирает монтажные инфомолекулы для переупаковки. Это требует определённых навыков, компетенций и трудозатрат от всей производственной бригады.

Вторая проблема современного телеформата связана с новым типом медиапотребления. Его главная характеристика — мобильность. «Вынуждена подстраиваться под мобильность пользователя и сама редакция. Отныне важнее скорость передачи новостей, чем авторское мнение, оперативность донесения фактов до потребителя» [Качкаева, 2010, с.46]. Однако современное телевидение, имея в ряду всех СМИ самый сложный процесс производства контента, в реальности новых медиа проигрывает в оперативности. К моменту выхода в эфир главного вечернего выпуска аудитория знает все основные новости дня. Региональные студии всегда отстают от официальных информационных порталов, социальных сетей, пабликов, хостингов. Поэтому при разработке новой медиастратегии стоит учитывать возможность использования концепта «slow news». «Идея медленных новостей состоит не в том, чтобы игнорировать ежедневные оперативные новости..., а в том, чтобы искать скрытые ракурсы тем» [Laufer, 2014, с. 6] Медленные новости предполагают тщательную проверку информации, её проработку, сбор разных мнений, архивных и статистических данных, то есть работу аналитика. Самое сложное во внедрении этого концепта — не объяснить редакции и менеджменту эффективность такой парадигмы, её преимущества перед «гонкой лент», а собрать полный штат репортёров-аналитиков, способных производить не по два коротких информационных сюжета в день, а два-три аналитических специальных репортажа в неделю.

3. Кадровый ресурс

Независимо от форматов и технологий журналистика остаётся творческой деятельностью, в которой замысел, организацию, драматургию нарратива определяет автор. Поэтому трансформация стратегии начинается с трансформации мышления команды. Методология и алгоритмы мультимедиазации разных типов редакций на сегодняшний день разработаны детально и апробированы, однако на практике первая проблема, с которой сталкиваются при их внедрении, — это невозможность изменить образ мыслей исполнителей, осуществить выход за привычные модели производства. Сопrotивление инновациям — типичная реакция любого сотрудника и системы в целом. Поэтому необходима стратегия управления сопротивлением в рамках «традиционного менеджмента вещательного процесса, включающего четыре основные фазы: планирование и программирование, организацию про-

изводственного процесса, реализацию, контроль достижения целей» [Briandana R., Irfan M., 2019].

Ограниченный кадровый ресурс в регионах не позволяет выбрать простое управленческое решение: «уволить всех, набрать новые кадры под новые задачи». Процесс перестройки может занимать месяцы и годы. И в рамках этой трансформации уже от руководства телекомпании потребуется определенный уровень компетенций в сфере проектного менеджмента, способность и готовность быстро реагировать на постоянно меняющийся рынок.

4. Управление проектом

Трансформация медиастратегии, как и любое проектирование, начинается с целеполагания. Зачем вам необходимо сохранить телекомпанию, зачем вам необходимо сделать это на традиционной платформе? Если учредителем является бизнес, вовлечённый в политику, телевизионный формат для него — понятный инструмент влияния на активную часть электората. Однако политические задачи в данном случае будут вступать в противоречие с бизнес-целями. Телевидение в его классическом формате — дорогое предприятие, в регионах со слабой промышленной экономикой неспособное приносить прибыль. Эффективная бизнес-модель предполагает реновацию всей структуры путём оптимизации процессов с приоритетом мультимедийного производства. Противоречия в целеполагании в итоге негативным образом могут влиять на весь процесс трансформации медиастратегии.

Пандемия 2020 г. только усилила кризисные явления в традиционном медиасекторе. Но высокий скачок сделали онлайн сервисы, стриминговые платформы, цифровые экосистемы. Страх при принятии управленческого решения, отказ от постановки инновационных технологических задач, таких как полный отказ от кабельного ТВ в пользу «ТВ в кармане» (приоритет мобильного потребления через приложения, хостинги, социальные медиа), в перспективе будет тормозить дальнейший процесс трансформации регионального телевидения.

5. Экономика

Любые инновации требуют инвестиций. При переходе на новые модели продвижения контента расширяется круг обязанностей исполнителей, необходимо техническое обновление, бюджет, обеспечивающий финансовые риски, связанные с временной потерей рекламодателей в процессе перехода на новые платформы. Ограниченные финансовые возможности региональных студий становятся одним из основных факторов глобального сокращения регионального сегмента медиарынка.

Таким образом, при разработке или корректировке региональными телевизионными студиями медиастратегии необходимо концентрировать внимание на решении пяти блоков задач:

- 1) финансовое обеспечение проекта;
- 2) чёткая постановка цели трансформации;
- 3) обучение команды и разработка алгоритмов управления сопротивлением инновациям;
- 4) изучение аудиторного запроса, выбор каналов коммуникации;
- 5) поиск новых форматов, адекватных выбранным платформам, аудиторному запросу и ресурсным возможностям компании.

В условиях наступающей эпохи осознанного потребления в формате диджитал переход от модели СМИ как инструмента массового информирования к нишевой коммуникации с лояльной узкой аудиторией онтологически близок именно региональному рынку медиа, и технологически телекомпании сегодня способны разработать и апробировать рабочие модели новых коммуникативных стратегий. При этом они должны учитывать уровень финансовых вложений на мультимедиазацию редакции, её кадровый потенциал, особое внимание уделить анализу рынка, выбору платформ продвижения и форматов.

Библиографический список

Ачкасова К. Медиапотребление в новой реальности. Отчёт Медиаскоп. URL: <https://mediascope.net/upload/iblock/ffa/Digital%20Brand%20Day%202020.pdf>.

Дугин Е.Я. Региональное телевидение в условиях цифровых трансформаций // Журналист. Социальные коммуникации. 2019. №1(33).

Дугин Е.Я. Региональное телевидение: некоторые итоги перехода на цифровое вещание // Журналист. Социальные коммуникации. 2019. №3(35).

Каратаев Р.Ю. Последствия перехода России на цифровое вещание для регионального ТВ // Вестник Костромского государственного университета. 2017. №3.

Медиапотребление в России-2020. Отчёт исследовательского центра компании «Делойт» в России. URL: www2.deloitte.com.

Журналистика и конвергенция: почему и как традиционные СМИ превращаются в мультимедийные / под ред. А.Г. Качкаевой. М., 2010.

Briandana R., Irfan M. Broadcasting Management: The Strategy of Television Production Configuring for Sustainability in The Digital Era. International Journal of English, Literature and Social Sciences, 2019. 4(6).

Digital 2020: Global Digital Overview.. URL: . <https://datareportal.com/reports/digital-2020-global-digital-overview>.

Laufer P. *Slow News: A Manifesto for the Critical News Consumer*. Literature Politics & Policy, 2014.

References

Achkasova K. *Mediapotreblenie v novej real'nosti. Otchjo. t Mediaskop*. [Media consumption in a new reality. MediaScope report]. URL: <https://mediascope.net/upload/iblock/ffa/Digital%20Brand%20Day%202020.pdf>.

Dugin E.Ja. *Regional'noe televidenie v uslovijah cifrovych transformacij. Zhurnal'ist. Social'nye kommunikacii*. [Regional television in the context of digital transformations]. In: *Zhurnal'ist. Sotsial'nyye kommunikatsii*. [Journalist: Social communications]. 2019. No. 1(33).

Dugin E.Ja. *Regional'noe televidenie: nekotorye itogi perehoda na cifrovoe veshhanie*. [Regional television: some results of the transition to digital broadcasting]. In: *Zhurnal'ist. Social'nye kommunikacii*. [Journalist. Social communications]. 2019. No. 3. (35).

Karataev R.Ju. *Posledstviya perehoda Rossii na cifrovoe veshhanie dlja regional'nogo TV*. [Consequences of Russia's transition to digital broadcasting for regional TV]. In: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Bulletin of the Kostroma State University]. 2017. No. 3.

Mediapotreblenie v Rossii-2020. Otchjot issledovatel'skogo centra kompanii «Deloit» v Rossii. [Media consumption in Russia-2020. Deloitte Russia Research Center Report]. URL: . www2.deloitte.com.

Zhurnal'istika i konvergencija: pochemu i kak tradicionnye SMI prevrashhajutsja v mul'timedijnye. [Journalism and Convergence: Why and How Traditional Media Are Turning into Multimedia]. Ed. A.G. Kachkaeva. Moscow, 2010.

Briandana R., Irfan M. *Broadcasting Management: The Strategy of Television Production Configuring for Sustainability in The Digital Era*. [Broadcasting Management: The Strategy of Television Production Configuring for Sustainability in The Digital Era]. *International Journal of English, Literature and Social Sciences*, 2019. 4(6).

Digital 2020: Global Digital Overview. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2020-global-digital-overview>.

Laufer P. *Slow News: A Manifesto for the Critical News Consumer*. Literature Politics & Policy, 2014.

О РОЛИ СКРЫТЫХ ЭКВИВАЛЕНТОВ ТЕКСТА В РЕДАКЦИЯХ ПОЭМЫ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «ДЕМОН»

М.П. Гребнева

Ключевые слова: редакции поэмы, скрытые эквиваленты текста, композиция, сюжет, темы, образы.

Keywords: editions of the poem, hidden text equivalents, composition, plot, themes, images.

DOI 10.14258/filichel(2021)4-13

Наряду с автореминисценциями и реминисценциями [Аринштейн, 1985] одним из средств, показывающих взаимодействие редакций поэмы М.Ю. Лермонтова, являются эквиваленты текста, определенные Ю.Н. Тыняновым как замещающие текст внесловесные эквиваленты [Тынянов, 1965, с. 43]. Эквиваленты текста предполагают, условно говоря, «предисловие» или «послесловие». В этой ситуации они так же, как и автореминисценции, выступают в качестве особого художественного приема, обращенного в будущее или прошлое творчество. Отточия, тире, перестановки и пропуски строк, которыми обычно обозначаются эквиваленты текста, могут быть обусловлены цензурными, автобиографическими и художественными причинами.

Как отмечала И.Б. Борисова, «поэзия М.Ю. Лермонтова всегда активно изучалась и продолжает изучаться, но, насколько нам известно, ни одна из работ не была посвящена ее графическому облику» [Борисова, 2014, с. 13]. В последнее время интерес к графическому облику лермонтовского текста продемонстрировали ставропольские исследователи [Штайн, Петренко, 2016].

Однако особый вид эквивалента текста — **скрытый** — связан с пропуском строк без какого-либо графического их обозначения. Скрытые, неявные смысловые эквиваленты текста, не выявленные графически, — это одно из проявлений глубинной внутренней амбивалентной сущности поэмы Лермонтова на всех ее уровнях: образном, тематическом, сюжетном, композиционном и т.д. В первой редакции намечаются два варианта развития образа главного героя. Первый связан с характером павшего ангела в творчестве В.А. Жуковского, а второй — с характером влюбленного беса, а также с искушением человека бесом в творчестве А.С. Пушкина.

В первом варианте рассказывается о герое, который

... блуждал под сводом голубым.

И лучших дней воспоминанья

Чредой теснились перед ним,

Тех дней, когда он не был злым,

Когда глядел на славу бога,

*Не отвращаясь от него*²⁹ (т. 2, с. 546).

В его душе теперь все пусто, он не способен на любовь, но готов обольстить смертную. Связующим мостом между прежней жизнью и настоящей является мотив слез, слез, которые роняются *«посреди мученья»* (т. 2, с. 547). Муки героя свидетельствуют об его внутренней противоречивости.

Второй вариант, как мы уже отметили, ближе к пушкинской трактовке темы, так как Демон *«влюбляется в смертную»* (т. 2, с. 547) (ср.: влюбленный бес): *«Все оживилось в нем, и вновь Погибший ведает любовь»* (т. 2, с. 549). Варианты тем падшего ангела и влюбленного беса здесь накладываются друг на друга и сочетаются с темой искушения человека бесом, поскольку Демон в разговоре с монахиней сообщает: *«И о спасенье не молись, Не искутить пришел я душу»* (т. 2, с. 549), хотя все дальнейшее развитие поэмы свидетельствует о том, что он преследует именно эту цель.

Если у Жуковского образ падшего ангела был представлен в разных произведениях («Пери и ангел», «Аббадона»), у Пушкина тема влюбленного беса также была представлена в разных произведениях (замыслы поэмы и повести), то Лермонтов уже в первой редакции своего произведения намечает пути к их объединению.

Во второй редакции мысли об объединении реализуются на практике. Первая строфа поэмы включает в себя два отрывка из предыдущей редакции, относящихся к различным составляющим единого замысла: *«Печальный Демон, дух изгнанья»* (т. 2, с. 550) и аналогичный отрывок в первой редакции (с. 546); *«В изгнанье жизнь его текла»* (с. 550) и *«Узрюмо жизнь его текла»* (с. 547) в первой редакции. Тема падшего ангела и влюбленного беса во второй редакции в первой строфе дополняются темой искушения человека бесом во второй строфе:

И в усиленную обитель

Вступает мрачный искунитель (т. 2, с. 551).

Искушение любовью и истинная любовь борются в герое:

²⁹ Здесь и далее в тексте в круглых скобках с указанием номера тома и страниц даются ссылки на издание: Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений : в 4 т. М. ; Л., 1961–1962.

*Он искусить хотел — не мог,
 Не находил в себе искусства;
 Забыть — забвенья не дал бог,
 Любить — недоставало чувства* (т. 2, с. 553).

Ангелоподобный образ монахини в этой редакции противопоставляется образу Демона: ее рука, «как неба утра облака» (с. 553), а он «угрюм, как ночи мрак безлунный» (с. 553). Мотив покрывала, связанный с образом героини, также напоминает о творчестве Жуковского, разрабатывавшего по преимуществу образ ангела.

Удалившийся от монахини Демон живо напоминает павшего ангела, желающего примириться с небом, так как он составляет «светлые» шары, «над болотом освещает» путь (с. 555), «изгнанник помнит свет небес» (с. 556). На пороге кельи монахини «волнение надежд несмелых» сочетается с пламенем «неземной крови» и выражается «в чертах окаменелых» (с. 557). Увиденное в келье заставляет его остановить руку, готовую совершить крестное знамение: «Сведенный перст Оледенел» (с. 557).

Тема влюбленного беса соседствует с темой искушения человека бесом:

*И вот, облекшись в образ томный,
 Обманчивый он принял вид,
 Он юноша печальный, скромный,
 Какой-то тенью взор облит.
 Его опущенные крылья
 Объяты участью бессилья.
 На голове венец золотой
 Померкнул и покрылся мглой* (т. 2, с. 559).

Несостоявшийся ангел (юноша, крылья, венец золотой) превращается в демона (обманчивый вид, тенью взор облит, венец покрылся мглой). В конце текста второй редакции несостоявшийся ангел и «реальный» встречаются друг с другом:

*Был мрачен искуситель гений.
 Он близ могилы промелькнул
 И тусклый, мертвый взор кидая,
 Посла потерянного рая
 Улыбкой горькой упрекнул...* (с. 565).

Третья редакция тематически не отличается от предыдущего варианта. Тематическая близость трех первых редакций естественным образом обусловила и их сюжетное сходство. Они создают сюжетный архетип для последующих вариантов: Демон видит монахиню, не решается к ней подойти, удаляется, переживает, изменяется, возвращается,

видит Ангела, решается погубить героиню. Таким образом, получается, что первоначально поэма посвящена была только Демону, хотя уже во второй редакции намечается история монахини и несколько вариантов иного сюжета, не связанного пока с героем: бедное житье и сиротство, любовная трагедия, страх. Из этих вариантов Лермонтов выбирает второй, значимость которого подчеркивает упоминание о *пергаменте пыльном* в третьей редакции:

*Спустя сто лет пергамент пыльный
Между развалин отыскал
Какой-то странник. Он узнал,
Что это памятник могильный;
И с любопытством прочитал
Он монастырские преданья
О жизни девы молодой... (т. 2, с. 571–572).*

Дальнейшее изменение сюжета в редакциях поэмы определяется образом монахини, приобретением ею самостоятельного демонического характера. Монахиня все больше и больше сближается с Демоном, приобретает черты греховности. Темы падшего ангела, влюбленного беса и искушения человека бесом проецируются на образ будущей Тамары, естественно, в преобразованном виде.

Если рассматривать балладу Лермонтова «Тамара» (1841) в демоническом контексте, то нельзя не отметить, что царица Тамара — реальное воплощение женщины-вампира, искусительницы и погубительницы людей:

*На голос невидимой пери
Шел воин, купец и пастух;
Пред ним отворялися двери,
Встречал его мрачный евнух (т. 1, с. 535).*

Потенциально образ Тамары в этом смысле имел неограниченные возможности. Тамара предстает двойником Демона [Фохт, 2013, с. 772–773]. В пятой редакции впервые появляется описание местонахождения монастыря — прибежища монахини, ее реплика «*Оставь меня, о дух лукавый*» (т. 2, с. 601), мотив отравления героини ядом. Роль поцелуя, на наш взгляд, не однозначна, так как это не только средство погубления, но и способ приобщения монахини к демонам.

По сравнению с пятым вариантом, в шестой редакции новшествами можно считать ночное явление Демона Тамаре, описание жениха грузинской княжны, его гибель, трагедия героини и ее семьи, монолог Тамары, обращенный к отцу, ее греховные желания в монастыре, диалог Демона и Ангела, ознаменовавший победу греховного над святым

в душе монахини, кончина Тамары и ее похороны. Как видим, сюжет поэмы осложняется за счет образа героини, которому в зрелых редакциях Лермонтов уделяет равное внимание с образом Демона. Диалог Демона и Тамары в шестой редакции намного длиннее, чем в пятой, но главное отличие заключается в том, что в этом увеличенном объяснении героев Лермонтов делает существенные структурные изменения, перестановку частей, имеющих уже в предыдущем варианте. Отдельные строки из пятого варианта полностью исчезают в шестом, например:

*Забывать волнение страстей
Я поклялась давно, ты знаешь;
К чему ж теперь меня смущаешь
Мольбою странною своей?* (т. 2, с. 598).

Греховная суть героини шестой редакции для Лермонтова уже не вызывает сомнений, поэтому он избавляется от строк, которые этому противоречат.

Знаменитая богоборческая часть диалога героев «*К чему мне знать твои печали?*» (т. 2, с. 600) в пятой редакции находится в самом начале его, когда монахиня еще очень мало знает о печалях Демона, а главное до ее слов «*Оставь меня, о дух лукавый...*» (с. 601). Видимо, открытое восстание героя против бога заставило монахиню просить о пощаде. В шестой редакции героиня, еще ни слова не слышав о боге, просит Демона оставить ее, имея для этого уже не религиозные, а личные причины — ощущение собственной греховности («*Но Демон огненным дыханьем Тамары душу запятнал...*» (с. 624).

В восьмой редакции богоборческая часть диалога вообще отсутствует, так как речи о боге в обществе двух грешников кажутся неуместными. Изменяется поведение Тамары, появляется новая реплика героини:

*Кто б ни был ты, мой друг случайный,
— Покой навеки погубя,
Невольню я с отрадой тайной,
Страдалец, слушаю тебя* (т. 2, с. 529).

Непримиримая позиция, занятая Тамарой в шестой редакции — «*Зачем мне знать твои печали?*» (т. 2, с. 632) — сменяется компромиссной позицией в восьмой редакции:

*Но ты все понял, ты все знаешь —
И жалишься, конечно, ты!* (т. 2, с. 530).

Постепенное усиление роли образа Тамары в поэме привело к изменениям в ее композиционной структуре: фрагментарность ранних редакций сменилась строго хронологическим изложением событий в шестой и восьмой редакциях [Соколов, 1941].

Композиция восьмой редакции основана на принципе зеркальности. Важнейшие мотивы ожидания, поцелуя и смерти имеют соответствия в каждой из двух частей поэмы, благодаря их значимости и для героя, и для героини. Традиционные темы падшего ангела, влюбленного беса, искушения человека бесом подвергаются удвоению не только за счет сюжетных, но и композиционных особенностей поэмы. Шестнадцать строф первой части могут быть соотнесены с таким же количеством строф во второй части по аналогии и контрасту, позволяя тем самым правильнее понять содержательную сторону «Демона» и позицию его автора.

Например, четвертая строфа первой части восьмой редакции изображает родную для Тамары долину:

*И перед ним иной картины
Красы живые расцвели:
Роскошной Грузии долины
Ковром раскинулись вдали;
Счастливым, пышным край земли!* (т. 2, с. 506).

Во второй части в четвертой строфе описывается местность около монастыря, ставшего тюрьмой для героини. И горы, и долины отличаются многообразием красок и оттенков. Но в первом случае образ Тамары слит с природой долины, а во втором случае он подчеркнуто отъединен от горного пейзажа, от гор:

*И между них³⁰, прорезав тучи,
Стоял, всех выше головой,
Казбек, Кавказа царь могучий,
В чалме и ризе парчевой* (т. 2, с. 520).

Нам представляется, что это не случайно, поскольку в предыдущей литературной традиции, например в творчестве В.А. Жуковского, долина — место пребывания ангелов, ангелоподобных существ, каким была и Тамара до прихода в монастырь, до встречи с Демоном, а горы, напротив, — пристанище демонов, к которым постепенно приближается героиня после знакомства с искусителем.

В десятой строфе первой части показан князь, ведущий караван верблюдов с дарами для невесты:

*Под тяжелой ношею даров
Едва, едва переступая,
За ним верблюдов длинный ряд
Дорогой тянется, мелькая...* (т. 2, с. 510).

³⁰ Вершин гор.

Движение каравана осуществляется по дороге, которая также является привилегией ангелов, в отличие от бездорожья, не мешающего демонам, которые осуществляют движение над поверхностью.

Во второй части в десятой строфе Демон так же, как и князь, обещает Тамаре множество даров взамен ее любви:

Я дам тебе все, все земное —

Люби меня!.. (т. 2, с. 533).

Но его «путь» к героине хаотичен и бездорожен:

По вольной прихоти теченья

Так поврежденная ладья

Без парусов и без руля

Плывет, не зная назначенья (т. 2, с. 527–528).

Можно привести целый ряд других примеров, подтверждающих зеркальную композицию последней редакции «Демона», отражающих события то с ангельской, то с демонической точки зрения.

Мотив ожидания. В восьмой строфе первой части Лермонтов изображает Тамару-ангела на пороге новой жизни, а в соответствующей строфе второй части искуителя-демона, готового к новой любви:

И часто тайное сомненье

Темнило светлые черты;

И были вес ее движенья

Так стройны, полны выраженья,

Так полны милой простоты... (т. 2, с. 509)

И входит он, любить готовый,

С душой, открытой для добра,

И мыслит он, что жизни новой

Пришла желанная пора. (т. 2, с. 523).

Мотив поцелуя. В одиннадцатой строфе первой части жених Тамары (потенциальный «ангел») целует воображаемую невесту, а во второй части то же самое только наяву проделывает Демон, сравним:

Он в мыслях, под ночную тьмою,

Уста невесты целовал (т. 2, с. 512)

И он слегка

Коснулся жаркими устами

Ее трепещущим губам (т. 2, с. 533)

Мотив смерти. В тринадцатой строфе первой части дается картина, изображающая мертвого жениха-ангела, скачущего на коне, а в со-

ответствующей строфе второй части описана мертвая Тамара-демон, лежащая в гробу, сравним:

*На нем есть всадник молчаливый!
Он бьется на седле порой,
Припав на гриву головой* (т. 2, с. 513).

*Как пери спящая мила,
Она в гробу своем лежала,
Белей и чище покрывала
Был томный цвет ее чела* (т. 2, с. 534).

Мотив руки. Аналогично в четырнадцатой строфе первой части Лермонтов обращает внимание на руку мертвого князя, замершую на гриве коня, а во второй части — на руку мертвой княжны, сжимающую цветы, сравним:

*В крови оружие и платье;
В последнем бешеном пожатье
Рука на гриве замерла* (т. 2, с. 514).

*Цветы родимого ущелья
(Так древний требует объяд)
Над нею льют свой аромат
И сжаты мертвою рукою
Как бы прощаются с землею!* (т. 2, с. 535).

Перечисленные композиционные особенности свидетельствуют об усилении роли образа Тамары, о том, что она становится двойником Демона. При этом следует подчеркнуть особую роль еще одного персонажа — князя, жениха Тамары. Роль его явно недооценена в современном литературоведении. Именно он выполняет роль связующего звена между Демоном и Тамарой, именно он неразрывно связан с мотивами ожидания перемен, поцелуя, смерти, остановившейся руки. Изменения в сюжете поэмы инициированы не только усилением образа Тамары, но и появлением образа князя — описание жениха грузинской княжны, его гибель, трагедия героини и ее семьи в связи с его смертью, кончина Тамары и ее похороны, напоминающие о смерти ее жениха. При этом виновником смертей оказывается Демон. Образная система произведения расширяется, свидетельствуя о стремлении автора к эпизации романтической поэмы, увеличению количества персонажей, усложнению сюжета. Образ жениха Тамары зеркально отражается в образе святого, похороненного в часовне: «Тут с давних лет почит в бже Какой-то князь, теперь святой...» (т. 2, с. 511). Властитель

Синодала предстает святым грешником, так как под влиянием Демона герой презрел обычаи предков:

*С тех пор на праздник иль на битву,
Куда бы путник ни спешил,
Всегда усердную молитву
Он у часовни приносил* (т. 2, с. 511–512).

Князь, как и Демон, предстает влюбленным, но не бесом, а человеком. Благодаря властителю Синодала в поэме представлены темы святого грешника, а не падшего ангела, влюбленного человека, а не влюбленного беса, и искушения человека бесом.

Библиографический список

Аринштейн Л.М. Реминисценции и автореминисценции в системе лермонтовской поэтики // Лермонтовский сборник. Л., 1985.

Борисова И.М. О композиционных функциях графических формантов в поэме М.Ю. Лермонтова «Демон» // Вестник Оренбургского государственного университета. 2014. № 11.

Соколов А. Композиция «Демона» // Литературная учеба. 1941. № 7–8.

Тынянов Ю.Н. Проблемы стихотворного языка. М., 1965.

Фохт У.Р. «Демон» Лермонтов как явление стиля // М.Ю. Лермонтов: Pro et contra. Личность и идейно-художественное наследие в оценках отечественных и зарубежных исследователей и мыслителей. Т. 1. СПб., 2013.

Штайн К.Э., Петренко Д.И. Графическая фактура прозаического и поэтического текста М.Ю. Лермонтова // Лермонтовский текст: Ставропольские исследования о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова. Т. 2. М., 2016.

Источники

Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: В 4-х т. Т. 1. М.; Л., 1961.

Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: В 4-х т. Т. 2. М.; Л., 1962.

References

Arinshteyn L.M. *Reministsentsii i avtoreministsentsii v sisteme lermontovskoy poetiki*. [Reminiscences and autoreminiscences in the system of Lermontov's poetics]. In: *Lermontovskiy sbornik*. [Lermontov collection]. Leningrad, 1985.

Borisova I.M. *O kompozitsionnykh funktsiyakh graficheskikh formantov v poeme M.Yu. Lermontova «Demon»*. [The compositional functions in the poem M. Yu. Lermontov «Demon»].

of graphic formants in the poem by M.Yu. Lermontov's "Demon". In: *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Bulletin of the Orenburg State University]. 2014. No. 11.

Sokolov A. *Kompozitsiya «Demona»*. [Composition "Demon"]. In: *Literaturnaya ucheba*. [Literary study]. 1941, No. 7–8.

Тын्यानov Yu.N. *Problemy stikhotvornogo yazyka*. [Problems of the poetic language]. Moscow, 1965.

Fokht U.R. «*Demon*» Lermontov kak yavlenie stilya. [Lermontov's "Demon" as a Phenomenon of Style]. In: *M. Yu. Lermontov: Pro et contra. Lichnost' i ideyno-khudozhestvennoe nasledie v otsenkakh otechestvennykh i zarubezhnykh issledovateley i mysliteley*. [M.Yu. Lermontov: Pro et contra. Personality and ideological and artistic heritage in the assessments of domestic and foreign researchers and thinkers]. Vol. 1. St. Petersburg, 2013.

Shtayn K.E., Petrenko D.I. *Graficheskaya faktura prozaicheskogo i poeticheskogo teksta M.Yu. Lermontova*. [The graphic texture of the prose and poetic text of M.Yu. Lermontov]. In: *Lermontovskiy tekst: Stavropol'skie issledovaniya o zhizni i tvorchestve M.Yu. Lermontova*/ [Lermontov text: Stavropol studies on the life and work of M.Yu. Lermontov]. Vol. 2. Moscow, 2016.

List of sources

Lermontov M.Yu. *Sobranie sochineniy*. [Collected works: In 4 volumes]. In 4 volumes. Vol. 1. Moscow ; Leningrad, 1961.

Lermontov M.Yu. *Sobranie sochineniy*. [Collected works: In 4 volumes]. In 4 volumes. Vol. 2. Moscow ; Leningrad, 1962.

«ГОГОЛЕВСКОЕ» В РОМАНЕ И.А. БУНИНА «ЖИЗНЬ АРСЕНЬЕВА»

Е.В. Вранчан

Ключевые слова: И.А. Бунин, роман «Жизнь Арсеньева», Н.В. Гоголь, русская литература, авторская позиция.

Keywords: Ivan Bunin, The Life of Arseniev, Nikolai Gogol, Russian literature, author's position.

DOI 10.14258/filichel(2021)4-14

Гоголя и Бунина разделяет чуть более шести десятилетий. Вместе с тем писатели, являясь выходцами из мелкопоместного дворянства, одинаково воспевают жизнь своего сословия. Так, Н.В. Гоголь открывает свой миргородский цикл идиллической повестью, в самом начале которой говорит: *«Я очень люблю скромную жизнь тех уединенных владетелей отдаленных деревень, которых в Малороссии обыкновенно называют старосветскими, которые, как дряхлые живописные домики, хороши своею пестротой»* (Гоголь, 1966, с. 7)³¹. В отличие от Гоголя, И.А. Бунин, акцентируя внимание не на пестроте, а на цельности вечно прекрасного мира, восклицает: *«Наступает царство мелкопоместных, обедневших до нищенства. Но хороша и эта нищенская мелкопоместная жизнь!»* (Бунин, 2006, с. 418). Расставаясь со старым патриархальным укладом, Бунин стремится удержать то, что должно сохраниться в памяти потомков. Это простота, домовитость, слаженность хозяйства и быта дворянско-крестьянской жизни. Картины прошлого надолго запечатлеваются в памяти писателя, а затем по-новому оживают на страницах его романа «Жизнь Арсеньева».

В произведении «Жизнь Арсеньева», созданном в эмиграции, автором управляет поток ностальгических воспоминаний о родине. Ностальгической идеализацией прошлого проникнуты не только произведения И. Бунина, но и сочинения Ив. Шмелёва, Б. Зайцева и других писателей-эмигрантов. Отметим, что они тоже близки Гоголю по восприятию России. Сближению творчества этих писателей посвящены многочисленные труды публицистов и ученых, среди которых можно выделить работу М.С. Сосницкой³², А.М. Любомудрова, Е.А. Жильцо-

³¹ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на тексты из списка источников, приведенного в конце статьи.

³² Сосницкая М.С. Мелкопоместное дворянство у Гоголя и Бунина. URL: <https://www.domgogolya.ru/science/researches/205/>

вой [Любомудров, 2011; Жильцова, 2013]. В этих работах для нас оказывается значимым то, что в ходе сближения творчества Гоголя и Бунина исследователи по-своему видят, как личность писателя-предшественника сказывалась на традиции воспроизведения патриархально-го быта дворянско-крестьянской жизни. Здесь важно подчеркнуть, что писатели имели хорошую память рода. По мнению П. Кулиша, у Гоголя она проявлялась в таком легком воссоздании черт старинной мелкопоместной жизни, что возникало ощущение, «как будто он залез в прадедовскую душу» и видел сквозь нее собственными глазами своего предка» [Родословие Н.В. Гоголя, 2009, с. 47].

Несмотря на неоднозначное отношение Бунина к личности и творчеству Гоголя, он учится у классика средствам художественной изобразительности. Так, в его прозе появляются точные предметные сравнения, заимствуется у Гоголя кулинарно-гастрономическая тема. В то же время становление Бунина-художника шло своим путем. Приступив в 1927 г. к созданию романа «Жизнь Арсеньева», Бунин отводит вымыслу очень скромную роль. Не случайно главным достоинством этого произведения признают «поэтическое и точное изображение картин русского прошлого» [Аверин, 2003, с. 185]. Как отмечает Б. Аверин, несмотря на все попытки автора «Жизни Арсеньева» «избегать излишней автобиографичности», его роман был воспринят как автобиографический [Аверин, 2003, с. 184–185]. А вот информацию о личности Гоголя для детализации его биографии можно было получить, по замечанию биографов, критиков и писателей, только из его писем.

Чтобы обнаружить влияние гоголевской традиции в позднем творчестве Бунина-эмигранта, остановимся на рассмотрении характерных гоголевских образов и приемов, используемых писателем в романе «Жизнь Арсеньева». В первую очередь обратим внимание на картины дворянско-деревенской жизни, возникающие в памяти героя романа. Важно, что автор отводит специфике его памяти ведущую роль. Не менее значимой оказывается интенсивность чувственного переживания Алеши Арсеньева, его *«повышенная впечатлительность, унаследованная ... не только от отца, от матери, но и от дедов, прадедов»* (Бунин, 2006а, с. 27). Так, рассказывая о том, как он с Баскаковым лазил на чердак, потому что там *«по преданиям, будто бы валялась какая-то дедовская или прадедовская сабля»* (Бунин, 2006а, с. 30), юный Арсеньев по-своему освещает или актуализирует образ прошедшего, передает ощущение связи поколений. К тому же автобиографический герой Бунина, сталкиваясь с предметом изображения, подобно рассказчику «Старосветских помещиков» Гоголя, склонен занимать позицию неравнодушного

наблюдателя. Представляя себе мирно текущую жизнь усадьбы, бунинский рассказчик сосредоточивает свое внимание на том, что воспроизводит его память. Он видит сад, простиравшиеся за садом поля, старосветскую усадьбу, где живет его бабушка, огороды, скудные мужицкие гумна и ряд жалких изб. Такой материал воспоминаний основан на действительных событиях и фактах, которые легко находят выражение в словесном описании, лишенном признаков мистицизма.

Гоголевскому повествователю также свойственна впечатлительность и любовь к прошлому, поэтому он поэтично представляет идиллические картины сельской природы: сад, наполненный яблонями и сливами; деревенские избы, осененные вербами, бузиной и грушей; душистую черемуху. В дальнейшем таким образом патриархального сада, наполненного ароматом яблок, Бунин отведет главную роль в своем раннем рассказе «Антоновские яблоки». Сходное настроение он будет испытывать и при описании мелкопоместного прошлого, вспоминая своих предков в романе «Жизнь Арсеньева». Иными словами, Бунину, как и Гоголю, не пренебрегавшему при создании своих сочинений богатым материалом из семейного архива (Родословие Н.В. Гоголя, 2009), тоже была дорога родная старина.

Одним из характерных гоголевских приемов, применяемых Буниным в романе «Жизнь Арсеньева», является лирическое отступление. Например, данный прием воплощается автором как рассказ Арсеньева об опыте своего читательского восприятия в детстве. В первую очередь Алеша Арсеньев вспоминает, как читал «Дон Кихота» и слушал рассказы Баскакова о рыцарских временах. По его представлениям, эти истории о рыцарстве производили незабываемое впечатление. Даже возникла уверенность в том, что он принадлежит этому миру, является «*пламенным католиком*» (Бунин, 2006а, с. 32). Характерно, что истории о рыцарских временах привлекали и предшественника Бунина — Гоголя. Отголоски рыцарства легко обнаружить у него в начале 1830-х гг., когда он создает малороссийский исторический роман «Гетьман», в 1835 г., когда выходит в свет его повесть «Тарас Бульба». Правда, рассказчик Бунина, вспоминая о своих детских впечатлениях от чтения книг Гоголя, называет не эти исторические произведения, а приводит фрагменты из идиллической повести «Старосветские помещики» и из повести «Страшная месть». Так, постигая значение гоголевского влияния на свое детское сознание, Арсеньев по-гоголевски называет то предметное («*поющие двери*»), то живое («*дикие коты, обитавшие за садом*») (Бунин, 2006а, с. 34). Можно сказать, что писатель вспоминает только то, что удерживает его читательское внимание. Не случайно сам рас-

сказчик делает акцент на избирательной работе своей памяти: «К одному я был холоден и забывчив, другое ловил с восторгом, со страстью, навсегда запоминая, закрепляя за собой» (Бунин, 2006а, с. 35). Надо заметить, что для избирательной работы памяти рассказчика самым важным становится не столько содержательность эпизода, сколько то, что связано с чувственным переживанием изображаемого.

Думается, читательские эмоции юного Арсеньева близки читательским впечатлениям Б. Зайцева и А. Белого, тоже очарованным повестью «Страшная месть». У А. Белого это очарование, произведенное на него в детстве, продлилось так долго, что в 1934 г. вышла в свет монография «Мастерство Гоголя», в которой он уделил большое место разбору повести. В 1935 г. был напечатан очерк Б. Зайцева «Жизнь с Гоголем». В нем автор тоже признается, что его очаровывала «Страшная месть», особенно впечатляли чудесно-ужасные образы мифологически-средневекового периода Малороссии: «*таинственный замок, мертвецы, встающие из могил, грозный Всадник в Карпатах*» (Зайцев, 2000, с. 132). По-другому передает свое впечатление от прочтения гоголевской повести герой романа Бунина «Жизнь Арсеньева». Так, его восхищают не готические образы средневекового периода Малороссии, а картины быта, обычаи и обряды малорусского населения: хутор пана Данила и его дедовские хоромы, празднование свадьбы в конце Киева у есаула. Кроме того, на бунинского рассказчика производят неизгладимое впечатление образы Данилы, Катерины, казаков, без которых не раскрылась бы патриотическая тема. Этот опыт читательского восприятия характерен и для самого И. Бунина, который вдохновлялся родиной Гоголя и создавал немало текстов на «украинскую» тему с отсылками к гоголевским произведениям³³.

Примечателен тот факт, что Бунин, подобно Гоголю, любил путешествовать. Помимо Украины, которую писатель посещал с 1889 г. и на протяжении 30 лет, он «не раз бывал в Турции, по берегам Малой Азии, в Греции, в Египте вплоть до Нубии, странствовал по Сирии, Палестине, был в Ороне, Алжире, Константинополе, Тунисе и на окраинах Сахары, плавал на Цейлон, изъездил почти всю Европу, особенно Сицилию и Италию» (Бунин, 2006, с. 17–18). Показательна для понимания творческой направленности Бунина-путешественника его склонность занимать позицию гоголевской отстраненности от того, что ему было до-

³³ Влияние гоголевской традиции можно обнаружить в таких ранних рассказах Бунина, как «Антоновские яблоки», «Сосны», «Новая дорога», «Архивное дело», «Грибок», «История с чемоданом». В 1936 г. Бунин, находясь в эмиграции, пишет рассказ-шутку «Жилет пана Михольского», главным источником которого становится анекдот о Гоголе.

рого с детства. Прежде всего, это хутор Бутырки, глубокая тишина полей. Вместе с тем писатель постоянно менял свою позицию: то бродил по свету, то снова возвращался к родным полевым просторам. Не случайно в романе «Жизнь Арсеньева» герой так связан с родной природой, что она не может восприниматься отдельно от него. Представляя себя частицей бытия, сохранившегося в памяти, он задает себе вопрос и сам же отвечает: *«Великий простор, без всяких преград и границ, окружал меня: где в самом деле кончалась наша усадьба и начиналось это беспредельное поле, с которым сливалась она? Но ведь все-таки только поле да небо видел я»* (Бунин, 2006а, с. 36). Подобные пейзажные зарисовки в романе свидетельствуют об обостренном восприятии автором родного пространства.

Итак, Бунину, как и Гоголю, нужна была особая дистанция для изображения своей родины. В романе «Жизнь Арсеньева» рассказчик признается, что, покинув родные просторы, впервые чувствует *«поэзию забытых больших дорог, отходящую в преданье русскую старину»* (Бунин, 2006а, с. 49). Такая обращенность к прошлому дополняется осознанием Арсеньевым своей национальной идентичности, так как он *«почувствовал ... Россию, почувствовал ее прошлое и настоящее, ее дикие, страшные и все же чем-то пленяющие особенности и свое кровное родство с ней»* (Бунин, 2006а, с. 50). Учитывая, что у Бунина воспоминания могут накладываться одно на другое, стоит предположить, что такие чувства родства с Россией могли возникнуть не столько у юного Арсеньева, сколько у пятидесятилетнего автора романа, работавшего над рукописью в эмиграции. Если для Бунина особой дистанцией для изображения России оказывается эмиграция, то для Гоголя дистанцией для изображения Украины является Петербург. Действительно, став жителем Петербурга, Гоголь создает свои первые книги, посвященные далекому малороссийскому миру. В процессе создания цикла повестей, обращенного к Украине, он тоже осознает как свое кровное родство с ней, так и связь с историческим прошлым, передает ощущение необъятности родного пространства: *«Степь чем далее, тем становилась прекраснее. Тогда весь юг, все то пространство, которое составляет нынешнюю Новороссию, до самого Черного моря, было зеленою, девственною пустынею»* (Гоголь, 1966, с. 52). Такое обобщение достигается писателем в масштабе украинского, казачьего мира, к которому он всегда ощущал свою принадлежность.

Поэтичность при описании пейзажа малой родины присутствует как в прозе Гоголя, так и в прозе Бунина. Вместе с тем воспоминания писателей об идиллических картинах сельской, окружавшей их приро-

ды, о незатейливой обстановке родительского дома пронизаны светлой тоской. В романе Бунина «Жизнь Арсеньева» создается впечатление, что автор, погружаясь в эти воспоминания, достигает гармоничного соотношения конкретного, что представлено описанием однообразия жизни владельцев обедневших уездных поместий, и обобщенного, что связано у него с глубоким постижением русского прошлого. Так, вспоминая о крещенских морозах, он представляет «глубокую древнюю Русь» с ее невероятными стужами (Бунин, 2006а, с. 67), а вспоминая о вечерней красоте июньского вечера, изображает старинные идиллические картины (Бунин, 2006а, с. 83–84). Такое повествование, которое сосредоточено на воспоминании о прошедшем, нередко дополняется слиянием противоположностей. Например, рассказчик, передающий свои впечатления в момент описания постепенного разорения семьи, строит предложение так, что в нем соседствуют слова «беднел» и «радовался»: «Я видел, как беднел наш быт, но тем дороже был он мне; я даже как-то странно радовался этой бедности» (Бунин, 2006а, с. 111). Все сказанное позволяет охарактеризовать бунинское воспоминание как движение души, преображающее русское прошлое.

Гоголь тоже стремился к соединению противоположностей, но осуществлял это по-другому. В повести «Старосветские помещики», делая акцент на неподвижности, замкнутости образа жизни героев идиллического мира, он прибегал к изменчивому стилю, благодаря которому неподвижность оказывалась относительной, замкнутость мира старосветских помещиков нарушалась вторжениями извне: то авторским взглядом, постоянно меняющим точку отсчета, то длительными отступлениями, то лексическими вторжениями [Виролайнен, 2003, с. 318]. В то же время разрушение границы замкнутого старосветского мира становится признаком его гибели. В дальнейшем и Бунин укажет на то, что благополучие мелкопоместной жизни обречено на разрушение: «*все разрушалось и дичало, как дичали, зарастали бурьяном, кустарником и огороды, гумна, простиравшиеся за ними и сливавшиеся с полем*» (Бунин, 2006а, с. 74–75). Несмотря на это, писатель по-гоголевски был привязан к провинциальной жизни, романтизировал её в своем воображении.

В целом Бунин, подобно Гоголю, совмещал в себе любовь к размеренному дворянскому быту и страсть к путешествиям. Это же было свойственно и герою его романа. Вот почему Арсеньев называет себя бродником, то есть бродягой (от слова «бродить»). По его замечанию, так называются казаки. Здесь и далее рассказчик акцентирует внимание на особом отношении к украинской земле. Его впечатляют не только «красота ... нив и степей, хуторов и сел, Днепра и Киева», мело-

чи быта, но и история южной Руси, песни и легенды о прошлом Малороссии (Бунин, 2006а, с. 155). Путешествуя по Украине, Арсеньев не случайно вспоминает Гоголя и фрагменты украинского пейзажа из его первых повестей, появившихся в 1829–1832 гг. Эти и другие фрагменты из гоголевских и других художественных текстов, вплетаемые в повествование, становятся составной частью биографии героя романа «Жизнь Арсеньева».

Таким образом, творческое влияние Гоголя на автора романа «Жизнь Арсеньева» отличается своим разнообразием. Как было выявлено, мысли о Гоголе возникают в романе то в связи с описанием быта мелкопоместного дворянства, то в связи с ностальгическими воспоминаниями автора-рассказчика о родине, то в связи с опытом его читательского восприятия украинских повестей Гоголя, то в связи с путешествиями Алексея Арсеньева по Украине. Все, что узнаем о рассказчике, явно восходит к самому Бунину, который, пытаясь актуализировать то, что ему удалось сохранить в памяти, строит роман в форме воспоминаний. Кроме того, намереваясь избежать излишней автобиографичности, автор романа применяет гоголевские приемы, а также занимает позицию гоголевской отстраненности от изображаемого им мира, не отмечая своей связи с ним.

Библиографический список

Аверин Б.В. Дар Мнемозины: Романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции. СПб., 2003.

Виролайнен М.Н. Речь и молчание: Сюжеты и мифы русской словесности. СПб., 2003.

Жильцова Е.А. Русская классическая литература в восприятии И.А. Бунина и М.А. Алданова: дис. ... канд. филол. наук. Великий Новгород, 2013.

Любомудров А.М. Николай Гоголь и Иван Шмелев. Путь спасения как художественная задача // Поэзия русской жизни в творчестве И.С. Шмелева. М., 2011.

Родословие Н.В. Гоголя: Статьи и материалы. М., 2009.

Источники

Бунин И.А. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 1. Стихотворения. 1888–1911. Рассказы 1892–1901. М., 2006.

Бунин И.А. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 5. Жизнь Арсеньева. Роман. 1927–1929; 1933; Божье дерево. Рассказы. 1927–1931 М., 2006а.

Гоголь Н.В. Собр. соч.: в 7 т. Т. 2. Миргород. М., 1966.

Зайцев Б.К. Собр. соч.: в 11 т. Т. 9 (доп.). Дни. Мемуарные очерки. Статьи. Заметки. Рецензии. М., 2000.

References

Averin B.V. *Dar Mnemosyny: Romany Nabokova v kontekste russoj avtobiograficheskoj tradicii*. [The Gift of Mnemosyne: Nabokov's Novels in the Context of the Russian Autobiographical Tradition]. St. Petersburg, 2003.

Virolajnen M.N. *Rech' i molchanie: Syuzhety i mify russoj slovesnosti*. [Speech and Silence: Plots and Myths of Russian Literature]. St. Petersburg, 2003.

Zhil'cova E.A. *Russkaya klassicheskaya literatura v vospriyatii I.A. Bunina i M.A. Aldanova*. [Russian classical literature as perceived by Ivan Bunin and Mark Aldanov]. Cand. of Art Diss. Velikiy Novgorod, 2013.

Lyubomudrov A.M. *Nikolaj Gogol' i Ivan SHmelev. Put' spaseniya kak hudozhestvennaya zadacha* [Nikolai Gogol and Ivan Shmelev. The path of salvation as an artistic task]. *Poeziya russoj zhizni v tvorchestve I.S. SHmeleva*. [Poetry of Russian life in the works of Ivan Shmelev] Moscow, 2011.

Rodoslovie N. V. Gogolya: Stat'i i materialy. [Genealogy N.V. Gogol: Articles and materials.] Moscow, 2009.

List of sources

Bunin I.A. *Polnoye sobraniye sochineniy. Stihotvoreniya. 1888–1911. Rasskazy 1892–1901*. [Full Collection of Works Poems. 1888–1911. Stories 1892–1901]. In 13 vol. Moscow, 2006. Vol. 1.

Bunin I.A. *Polnoye sobraniye sochineniy. Zhizn' Arsen'eva. Roman. 1927–1929; 1933; Bozh'e derevo. Rasskazy. 1927–1931*. [Full Collection of Works. Life of Arseniev. Novel. 1927–1929; 1933; God's tree. Stories. 1927–1931]. In 13 vols. Vol. 5. Moscow, 2006a.

Gogol' N.V. *Sobraniye sochineniy. Mirgorod*. [Collection of Works. Mirgorod]. In 7 vols. Moscow, 1966. Vol. 2.

Zajcev B.K. *Sobraniye sochineniy. Dni. Memuarnye ocherki. Stat'i. Zametki. Recenzii*. [Collection of Works. Days. Memoir sketches. Articles. Notes. Reviews]. In 11 vols. Moscow, 2000. Vol. 9.

СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА РАННЕЙ ЛИРИКИ ДИМАНА БЕЛЕКОВА

М.С. Дедина

Ключевые слова: алтайская литература, Диман Белеков, ранняя лирика, семантика, топос, образ, мотив.

Keywords: Altai literature, Diman Belevkov, early lyrics, author's song, image, genre.

DOI 10.14258/filichel(2021)4-15

Изучение лирического произведения в аспекте выявления значимости образной системы является предметом лингвопоэтики, поскольку «на уровне семантики неограниченность эстетического потенциала языковых единиц проявляется в семантической сложности поэтического слова» [Соколова, 2020, с. 19]. Это его свойство предопределяет перспективность изучения поэзии на уровне расшифровки образа, созданного «средствами семантического преобразования слова», и его актуализации в структуре и системе авторского мироотражения и миромоделирования. В то же время созданная автором картина мира со всеми проявлениями субъективных и объективных начал является определенной системой, о которой как о житнетворческой семантической системе еще в 1975 г. писал Ю. Лотман. Опираясь на это исследование, Е.А. Худенко приходит к выводу о том, что «структура феномена житнетворчества базируется на соотношении двух текстов — текста жизни и текста искусства», а своеобразие авторской стратегии заключается в осмыслении и отражении их взаимодействия и взаимоотношений. «При этом житнетворчество, будучи двутекстовым образованием, не является замкнутой автономной системой, а содержит «хаотические» (внетекстовые) элементы — это миметические реально-бытовые детали, мнемонические «следы», особенности индивидуально-творческого, мифологического и общекультурного развития художника, образующие контекст текста поведения — некую информационную систему и структуру, нацеленную на то, чтобы тоже быть интерпретированной» [Худенко, 2016, с. 64].

Целью исследования стало изучение структуры и семантики ранней лирики Д. Белекова с точки зрения авторского художественного миромоделирования, что, на наш взгляд, позволит выявить типичное и индивидуальное в мировоззренческих поисках поэта.

Диман Белеков (Белеков Иван Итулович) — алтайский писатель, журналист, общественный деятель. Он родился 20 марта 1953 г. в с. Сальдьяр Онгудайского района. После окончания Областной национальной средней школы в 1969 г. работал литературным сотрудником в газете «Алтайдын Чолмоны». В 1970–1975 гг. учился в Московском литературном институте им. М. Горького, после окончания вернулся в редакцию «Алтайдын Чолмоны». В 1979 г. стал литературным консультантом в писательской организации Горного Алтая. В 1980 г. был избран инструктором отдела пропаганды и агитации областного комитета КПСС. В 1988 г. поступил в очную аспирантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС, а в 1991 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Формирование системы подготовки и переподготовки журналистских кадров в условиях демократизации общественной жизни». В 1990–1992 гг. работал главным редактором газеты «Алтайдын Чолмоны», с 1992–1997 гг. — заместителем председателя правительства Республики Алтай. В конце 1997 г. он был избран депутатом Государственного Собрания Эл-Курултай Республики Алтай, а с начала 1998 по 2002 г. был заместителем председателя Государственного Собрания. В феврале 2002 г. И.И. Белеков был назначен министром культуры и кино Республики Алтай. С 2006 по 2016 г. трижды избирался депутатом и председателем Государственного Собрания — Эл Курултай Республики Алтай четвертого, пятого и шестого созывов. Был секретарем республиканского отделения политической партии «Единая Россия» с 2006 по 2016 г. 18 сентября 2016 г. избран депутатом Государственной Думы VII созыва. Иван Итулович был председателем Алтайского регионального отделения Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО, депутатом Государственной Думы VII созыва, членом Комитета по делам Содружества Независимых государств, евразийской интеграции и связям с соотечественниками.

Наряду с активной общественно-политической деятельностью Иван Итулович является талантливым алтайским писателем, автором более десяти сборников художественных произведений. О поэте-политике Д. Белекове В. Чукуев писал: «Какую бы должность ни занимал, а занимал и занимает он высокие посты, он всегда остается поэтом. А это сопереживатель всех людских проблем, да и не только людских. Быть в душе поэтом и оставаться равнодушным к окружающему миру невозможно» (В. Чукуев. Нести энергию добра. Звезда Алтая. 2003. 22 марта). А. Адаров в рецензии к третьему сборнику поэта «Күрее кожон» («Песни в кругу») отмечает, что политическая деятельность положи-

тельно сказывается на его творчестве: «Йыман Итулович Белеков поэт ле партийный ишчи. Партийный иш — ол јенгил эмес ле каруулу иш. Онын учун поэтинг кўнўн сайын эткен ижи, јўрген јўрўми онын поэзиязына јаан толку, јангы ажу кўргўзип јат» / Иван Итулович Белеков поэт и партийный работник. Партийная работа — это сложное и ответственное дело. Поэтому ежедневный труд, каждый прожитый день для его поэзии дает сильный импульс и открывает новые горизонты») (А.О. Адаров. Алтайдын Чолмоны. 8 ноября 1985 г.). В своем интервью в 2003 г. Д. Белеков на вопрос о том, кто же он больше, поэт или общественный и государственный деятель, отвечал: «Бўлинер аргам јок, кандый ла ижимнинг тўс учуры јангыс — тўрўлиме, калыгыма, чыккан јериме јарагадый јакшы, тузалу иш бўдўрери. Кижининг учун јўрген деп ўргўлјик суракка андый кару берер эдим» / «Не могу разделять, чем бы я ни занимался, главная моя задача — быть полезным родине, народу, родной земле. Вот так бы я ответил на вечный философский вопрос о смысле человеческого существования») (Диман Белеков. Алтайдын Чолмоны. 20 марта 2003 г.).

Первая книга стихов поэта — «Кўктаманду јаландар» («Солнечное поле»³⁴) вышла в свет в 1974 г. Затем в 1977 г. поэт опубликовал сборник стихов «Эркин эзин» («Ветры молодости»), а в 1982 г. — «Јангарлу мўштўр» («Поющие кедры»). Эти издания можно отнести к раннему периоду творчества, ко времени становления его индивидуального под черка. В 1983 г. Д. Белеков стал членом Союза писателей СССР (Российской Федерации). На сегодняшний день творческий арсенал поэта, кроме стихотворных произведений, включает публицистику и драматургию. На его художественное мастерство значительное влияние оказал и опыт переводчика, поскольку в его переложении на алтайском языке зазвучали стихи М. Лермонтова, С. Есенина, поэтов Монголии, Японии, Турции, Азербайджана, Латвии и некоторых других стран. В настоящее время, являясь видным политическим деятелем, он продолжает активную литературно-творческую работу: в феврале 2021 г. состоялась презентация очередной книги писателя — «Предстояние перед Кўк Тенгри. Чорос Гуркин, как основа духовного измерения Алтая» (2020), представляющая собой сборник философских эссе и публицистических зарисовок на самые разные темы, касающиеся вопросов истории, культуры, философии.

В полной мере лирика Д. Белекова, так же, как особенности его творческой лаборатории, до настоящего времени в алтайском литературове-

³⁴ Это название дано в переводе, присутствующем на последней странице книги в части, где напечатаны выходные данные и другие сведения об издании.

дении не осмыслены. О его стихах писали В. Чичинов (1986), Н. Киндикова (1989), С. Каташ (1997). С отзывами о лирике поэта в большей части в периодической печати выступили писатели Б. Бедюров, Л. Кокышев, Т. Шинжин, которые стали первыми критиками молодого автора. П. Самык написал рецензии к нескольким сборникам поэта [Белеков 1982, 1985б]. В 1980-е гг. со статьями в газете «Алтайдын Чолмоны» о стихах поэта высказались А. Ередеев, К. Тепуков, Б. Укачин, А. Адаров и др. В этот же период в «Литературной России» появился ряд обзорных статей о творчестве молодых алтайских поэтов, в которых упоминалось и о лирике Д. Белекова (Б.У. Укачин, 1983; А. Парпара, 1985; В. Ерохин, 1986).

Известно, что «исследование семантической организации художественного текста (в совокупности его эксплицитных и имплицитных свойств) обязательно включает следующие текстовые универсалии: «человек», «время», «пространство» [Торосян, 2005, с. 7]. В центре художественного мира раннего Д. Белекова — молодой человек, близкий автору, который находится в органичной, неразрывной связи с природным миром. Лирический герой Д. Белекова воплощает в себе образ молодого поколения, представителем которого является и сам автор. Не случайно первый его сборник открывает стихотворение «Бу јаста...» («Этой весной...», 1971), ставшее программным для его ранней лирики и ключевым для всего творчества. В центре художественной рецепции данного произведения лирический герой, воплотивший в себе обобщенный образ молодого поколения. Хронотоп весны в данном контексте со всем характерным семантическим рядом (зелень, голос кукушки, набухшие почки деревьев...) поддерживает идею новизны, свежести, молодости.

Мотив наступления весны характерен для алтайской литературы первой половины и середины XX в. Если для алтайских писателей первого десятилетия советской власти образ весны был связан с наступлением новой жизни, то уже в ином семантическом контексте он проявился в 1950–1960-е гг. Если принять во внимание то, что, по мнению Д.С. Лихачева, «сад — это прежде всего своеобразная форма синтеза различных искусств, синтеза, теснейшим образом связанного с существующими великими стилями и развивающегося параллельно с развитием философии, литературы (особенно поэзии), эстетическими формами быта, с живописью, архитектурой и музыкой» [Лихачев, 1987, с. 476], то возникновение образа весеннего сада в алтайской лирике следует связывать со стремлением поэтов освоить иной культурный код, не свойственный для традиционного мировоззрения. Образ цветущей яблони для алтайских писателей 1950–1960-х гг. стал символом другой

жизни, воплощенной в хронотопе сада как окультуренной природы. Не случайно на обложке первого сборника стихов Э. Палкина с очень символическим названием «Яңгы киж» («Новый человек», 1956) была изображена цветущая яблоня, а стихотворение «Яблоня» И. Кочеева стало гимном молодежи 1950-х гг. В стихотворении Д. Белекова «Бу јаста...» («Этой весной...», 1971 г.) цветущая яблоня, наряду с молодыми тополями, весенними первоцветами и рядом других образов, актуализирует традиционное значение весны как времени возрождения. Лирический герой — органичная часть этого мира, и его песня сливается с мелодией торжества весеннего обновления. В. Чичинов писал, что «природа в его стихах традиционно одухотворена, она звучит в унисон с поющей человеческой душой, она стремится слиться с вершинами человеческого духа» (В.И. Чичинов, 1986, с. 3).

Күүм менин бу јаста
Күүктин эрке ўнинде,
Јўрегинди јымырадар
Көбөркий кыстын эрдинде.

Көксимнин арузы
Көктамандый чечекте,
Шоордын ўнин чыгарып,
Шоркыраган суучакта.

Мелодия моя этой весной
В нежном голосе кукушки,
Она, сердце охватывающая
дрожью,
На губах милой девушки.
Чистота моей души
В цветке, подобном сон-траве,
В издающем голос шоора,
Журчащем ручейке
(Диман Белеков, 1974, с. 3;
пер. наш. — М.Д.).

Набухшие почки деревьев, которые налились первым весенним живительным соком, сравниваются с формирующимися идеями, мечтами и надеждами. У автора это выражено через лексему «токуналу санаалар» (спокойные мысли), понимаемую как уверенность и душевное равновесие.

Токуналу санаалар
Торјой јўрген бүрлерде,
Сургулјынды сурт эдип,
Суркураган јолдордо.

Спокойные мысли
В набухающих почках ветвей,
В блестящих дорогах,
Сияющих в стремительном
движении
(Диман Белеков, 1974, с. 3;
пер. наш. — М.Д.).

Значим образ множества дорог, поскольку в метафорическом плане они представляют собой возможность выбора, поливариантность судьбы.

Для алтайских поэтов второй половины XX в. мотив пути, актуализированный в качестве выхода из «своей» территории, репрезентован как освоение «другого пространства», что подразумевает интеллектуальное развитие, получение новых знаний и умений, общение, достижения более высокого статуса в обществе (образ белого хлеба в повести Ч. Чунижекова «Мундузак») и т.д. Лирический герой Д. Белекова, разрывая границы «своей» земли, отправляется на постижение нового, неизведанного, что в ранней лирике поэта всегда транслируется как положительное начало.

*Я сын чабана — и в этом суть,
Я вырос в предгорьях Алтая.
Но в город привел меня путь,
Средь гор и отрогов плутая...*

(Когда цветет маральник, 1985, с. 28; пер. Р. Бухараева).

«Другое пространство», таким образом, в ранней лирике Д. Белекова представлено через несколько ключевых образов, центральным из которых является обобщенный образ города. Он аккумулирует в себе и оккультурную территорию (цивилизацию), связанную с достижениями научно-технического прогресса, со знаниями и культурой. Р. Бухараев в переводном варианте стихотворения «Сын чабана» воспроизвел образ города как пространство с «яркими рекламными огнями», что, безусловно, не совсем верно передает его содержание, обозначенное у поэта.

Хронотоп «другого пространства» у поэта репрезентован и через другие, более обобщенные образы. В стихотворении «Чанкыр туулардын жийиттери» («Молодые люди голубых гор»), к примеру, он представлен как голубые дали:

Жиит тушта амаду
Жүрегисти түймедет.
Көк ынарлу талалар
Көстөристи чагылтат.

*Цели, поставленные в юности,
Не дают покоя сердцу.
Подернутые голубой дымкой дали,
Зажигают наши глаза*
(Диман Белеков, 1977, с. 45;
пер. наш. — М.Д.).

Центральным образом в художественном пространстве лирики Д. Белекова становится движение от «своего» топоса к «другому», что понимается как развитие, а доминантным образом-символом выступает дорога. Молодой человек не только отправляется осваивать новое пространство, но, что важно для поэта, в многонациональном обществе он является представителем своего народа, носителем его культурных традиций. От лица молодого поколения лирический герой поэта восклицает:

Албатынынг адынан
Айдатан сѳс бисте бар.
Јолдордо кем чѳкѳнгѳн?
Јолды биске јайлагар.

*От имени народа,
У нас есть слово, которое хотим
сказать.
Кто разочаровался в дорогах?
Освободите нам путь*
(Диман Белеков, 1977, с. 45;
пер. наш. — М.Д.).

В содержательном плане у Д. Белекова мало стихотворений, посвященных описанию ухода лирического героя из «своей территории». В большей степени художественное пространство организовано таким образом, что молодой человек уже находится вдали от родины, поэтому основным у поэта становится мотив возвращения. Движение осуществляется от периферии к центру, из города на чабанскую стоянку, из окультуренного пространства в тайгу. В качестве центра притяжения, выступает многозначный образ-символ — «родная земля». К примеру, в стихотворении «Бийикке де јетсем...» («В высь ли взлечу...») поэт размышляет:

Бийикке де јетсем,
Јабыска да тѳшсем,
Алдымда мѳнгкѳлер
агарып ла тургулаар.
Ыракка да барзам,
Јуукта да болзом,
Сургулјындый јолым —
тѳрѳл јерим јаар

*В высь ли взлечу,
Опущусь ли ко дну,
Предо мной вечные вершины
будут белеть.
Далеко ли уйду,
Вблизи ли буду,
Словно отблеск моя дорога —
к родной земле*
(Диман Белеков, 1974, с. 10;
пер. наш. — М.Д.).

Эпиграфом к этому стихотворению Д. Белеков не случайно взял известное выражение Экзюпери: «Моя родина — это мое детство». Стихотворение, согласно кольцевой композиции, характерной для Д. Белекова, завершается начальными строфами, однако последние строки звучат по-иному:

Ыраакка да барзам,
Јуукта до болзом,
Сургулјындый јолым —
бала тужым јаар.

*Далеко ли уйду,
Вблизи ли буду,
Словно отблеск моя дорога —
к моему детству*
(Диман Белеков, 1974, с. 12;
пер. наш. — М.Д.).

Таким образом, для лирики Д. Белекова «родная земля», являясь доминантным ключевым хронотопом, в первую очередь связана с местом

рождения, с территорией детства. Она у поэта имеет реальные географические очертания, обозначенные в образе Дьайлугуш³⁵ место рождения поэта. Это пространство связано у него с детством и родителями, именно здесь, как много позже напишет он в своих лирико-философских размышлениях, были заложены основные духовно-нравственные основы его мировоззрения: «Отец учил нас, как уважительно испрашивать благоденствия у Духов священных гор. С молоком матери и заветам отца мы впитали почтение к символам обрядовых молений и освященным родовым и сакральным местам. Отец рассказывал нам о тотемных животных, птицах и растениях. Мы знали сызмальства, что в священных горах нельзя шуметь, срывать растения. Надо вести себя уважительно, почтительно, достойно» (Диман Белеков, 2018, с. 20–21). В стихотворении «Жизнь-течение» лирический герой констатирует:

*От улыбок ли матери,
От взглядов отца ли,
От росы ли рассветной,
от любви соловья
Эти чистые воды,
струясь пробежали
И сплелись вместе в реку,
Чье название «я»*

(Диман Белеков, 1985а, с. 4; пер. Р. Бухараева).

Мотив возвращения присутствует в большинстве стихотворений поэта. Стоит лишь вспомнить, для примера, «Энемге» («Маме»):

<i>Јорго адымнынґ тискинин тартып, Јайлугуш сыныла чабарым. Коо агаитар ұстиле учуртып, Койчы энемге мен барарым <...> А ӧткӧн јольым энемнинґ јӱзинде Чырыш болуп артып калган. Јаш туштагы эрке јастарым Энемнинґ кӧзинде јажынган.</i>	<i>Придержав удила своего ретивого коня, Пронесусь над хребтами Дьайлугуш. Промчавшись над стройными деревьями, Приеду к чабанке маме <...> А пройденный мой путь Морщинами остался на лице у матери. Мои милые весны детства Спрятались на лице матери (Диман Белеков, 1974, с. 9; пер. наш. — М.Д.).</i>
---	--

³⁵ Лог в Онгудайском районе Республики Алтай на правом берегу р. Катунь. Маленькое селение ныне Салдыяр, где родился будущий поэт, в связи с укрупнением колхозов было ликвидировано в 1971 г.

Другим воплощением образа родной земли становится весь Алтай, многозначный и полифункциональный образ-символ, о котором зрелый Д. Белеков пишет: «Алтай священный, Алтай благодатный, Алтай первозданный: так определяют его алтайцы для себя. Глубоко прав, изрекший эти слова: это не просто земля, где живет народ испокон веков, а пространство, обустроенное в контексте его сакральности» (Диман Белеков, 2013, с. 26). Для ранней лирики поэта он становится источником притяжения, вдохновения и силы.

Je мени эркидет
Коркушту бир салкын.
Jеримдöбн кайдан ла
Айдайт бир салкын.
Алтайды сүүгеним —
Коркушту салкын ол.
Бу Jайлугуш ла
Кайран Каракол!

*Но меня одолевает
Неустовый один ветер,
Отовсюду на родину
Гонит один ветер.
Любовь к Алтаю —
Тот ветер неустовый.
Это Дьайлугуш и
Милый Каракол!*
(Диман Белеков, 1974, 4–5;
пер. наш. — М.Д.).

Эта тема продолжена в стихотворении «Эркин эзин» («Милый ветер», 1977):

Улу чöлдöрдиг телкемиле
Öддöдим тўжиле, тўниле.
Эркин эзинге соктырып,
Ач-амырым тоскурып.
Jолдордо астыгып, алангып
турзам,
Jолдыкка бир сöсти
Таппай кыйналзам,
Эркин эзин меге келет.
Куулгазын ийдезин меге
шымырайт
Ойто ло мен чöлдöрдиг
телекмиле,
Öддöдим тўжиле, тўниле.
Айды чалмадан та аладым,
Аргымак атка минеле...
(Диман Белеков, 1977, с. 3–4.)

*По горам и дорогам степным,
День и ночь в долгом
странствии этом,
Я иду, сильным ветром гоним,
Я иду, подгоняемый ветром...
Мог бы влагу из камня добыть,
сжав его молодыми руками,
Мог бы в небе луну изловить,
На скаку привести на аркане.
Но среди бесконечного дня
Я бессилен пред ветром могучим,
Что без роздыха гонит меня
В край родной по долинам
и кручам.*
(Когда цветет маральник, 1985,
с. 39; пер Р. Бухараева).

В данном случае образ ветра воплощает силу, которую ему дает родная земля. Хронотоп «просторы великой степи» («улу чӧлдин телкемиле»), присутствующий в оригинальном варианте, актуализирует не «свое» (горы), а «другое» пространство, которое «покоряет» лирический герой. Здесь и физическое нахождение вдали от Алтая (1970–1975 гг. время обучения Д. Белекова в Москве в Литературном институте им. М. Горького), и освоение нового вида деятельности — литературного творчества, и мучительные поиски ответов на многие вопросы, которые ставит перед ним жизнь. В любом случае, кровнородственная связь со своей родной дает лирическому герою поэта силу и вдохновение.

Таким образом, бесконечное движение становится залогом существования для лирического героя Д. Белекова, актуализируя метафору жизни как океана, волны которого бесконечно бьются о берег:

Алтайга ыраактан	Издалека на Алтай
келедим мен,	возвращаюсь я,
барадым мен.	уезжаю я.
Толкулу јӱрӱмде	В беспокойной (буквально — с волнами)
токтобос турум	жизни
токунабас турум.	не остановлюсь,
	не успокоюсь
	(Диман Белеков, 1974, с. 10;
	пер. наш. — М.Д.).

Этапным в творчестве поэта следует считать сборник «*Јаңарлу мӧштӧр*» («Поющие кедры», 1982), ознаменовавший творческую зрелость автора. Наряду с уже знакомыми читателю стихотворениями, в которых присутствовали типичные для лирики поэта образы весны, подснежника и подобные, в данное издание вошли новые, более совершенные в плане художественной глубины, сложности и многоплановости произведения. Это свидетельствовало как о творческом совершенствовании и достижении поэтом определенного уровня художественного мастерства, так и о взрослении лирического героя, о трансформации его суждений и взглядов. Впервые поэт пробует себя в жанре поэмы в новаторской для алтайской литературы форме — «Најылык чечектер» (поэма-репортаж).

Таким образом, ранний этап творчества Д. Белекова, продолжая традиции алтайской лирики, отличается лиричностью восприятия, смелостью высказываний и тонким романтическим пафосом. Доминантным образом-символом для него становится весна, с актуализацией традиционной семантики возрождения, обновления, пробуждения, что у по-

эта ассоциируется, прежде всего с молодостью, свежестью, с поливариантностью выбора для молодого человека, ровесника поэта. Для автора важен процесс развития личности, ее совершенствования, который репрезентирован у поэта как освоение новых знаний, расширение мировоззрения, для чего необходим выход за пределы «своей» территории. Однако для лирики поэта основным становится мотив возвращения, актуализированный как смысл сохранения своей ментальности. Образ «родной земли», репрезентированный в малом своем значении как «своя» территория, обозначенная кровнородственной связью с родными, и в более широком плане — с традициями своего народа, понимаемыми поэтом как базовая основа всего сущего, становится семантическим центром всей его ранней лирики.

Библиографический список

Киндикова Н.М. Эволюция образной системы в алтайской лирике. Горно-Алтайск, 1989.

Лихачев Д.С. Избранные работы. Л., 1987. Т.3.

Соколова М.Г. Типы семантических преобразований дендронимов в поэтических текстах А.В. Ширияева // Филология и человек. 2020. № 2.

Торосян М.С. Феномен контраста в аспекте концептуальной организации художественного текста (на материале языка послевоенной прозы) : дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2005.

Худенко Е.А. Жизнетворчество писателя как текст: особенности структуры // Филология и человек. 2016. № 2. С. 166–176.

Источники

Адаров А.О. Јүрегимнин үнин тында // Алтайдын Чолмоны. 1985. 8 нояб.

Бедюров Б. Кожонду јүрек // Алтайдын Чолмоны. 1976. 23 янв.

Белеков Д. «Јарымдай иштеерге јарабас» // Алтайдын Чолмоны. 2003. 20 марта.

Белеков И.И. Горные вершины. М., 1985а.

Белеков И.И. Јаңарлу мөштөр = Поющие кедры. Горно-Алтайск, 1982.

Белеков И.И. Көктаманду јаланғар = Солнечное поле. Горно-Алтайск, 1974.

Белеков И.И. Күрее кожонг = Песни в кругу. Горно-Алтайск, 1985б.

Белеков И.И. Предстояние перед Көк Тенгри. Чорос Гуркин, как основа духовного измерения Алтая. Горно-Алтайск, 2020.

Белеков И.И. Эркин эзин = Ветры молодости. Горно-Алтайск, 1977.

- Ерохин В. Молодость Горного Алтая // Литературная Россия. 1986. 3 янв.
Каташ С.С. Человек, болеющий болями других // Звезда Алтая. 1997.
10 дек.
Когда цветет маральник. Горно-Алтайск, 1985. С.16–39.
Кокышев Л. Жиит үндер // Кадын. 1973. № 2.
Прапара А. Представляем молодых // Литературная Россия. 1985.
13 сент.
Чичинов В.И. Любить людей — высокое искусство // Звезда Алтая.
1986. 29 марта.
Чукуев В. Нести энергию добра // Звезда Алтая. 2003. 22 марта.
Шинжин Т.Б. Ак сүмерлер алдында // Алтайдын Чолмоны. 1974.
2 июля.
Укачин Б.У. Представляем молодых // Литературная Россия. 1983.
1 июля.

References

- Khudenko E.A. *Zhiznetvorchestvo pisatelya kak tekst: osobennosti struktury* [The writer's Life Creation as a text: structural features]. In: *Filologiya i chelovek*. [Philology & Human]. 2016. No. 2.
- Kindikova N.M. *Evolyuksiya obraznoj sistemy v altajskoj lirike*. [The evolution of the figurative system in the Altai lyrics]. Gorno-Altaysk, 1989.
- Lihachev D.S. *Izbrannie raboti*. [Delectus opera scientificus]. Leningrad. 1987. T.3.
- Sokolova M.G. *Tipy semanticheskikh preobrazovaniy dendronimov v poeticheskikh tekstakh A. V. Shiryayeva*. In: *Filologiya i chelovek*. [Philology & Human]. 2020. No. 2.
- Torosyan M. S. *Fenomen kontrasta v aspekte konceptualnoi organizacii hudojestvennogo teksta: na materiale yazika poslevoennoi proz.i* [The phenomenon of contrast in the aspect of the conceptual organization of a literary text (based on the material of the language of post-war prose)]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Stavropol, 2005.

List of sources

- Belekov I. I. *Erkin ezin*. [Winds of youth]. Gorno-Altaysk, 1977.
- Belekov I. I. *Gornye vershiny: stikh.i* [Mountain peaks]. Moscow, 1985a.
- Belekov I. I. *Koktamandu jalaŋda.r* [Solar field]. Gorno-Altaysk, 1974.
- Belekov I. I. *Kyree kozhon*. [Songs in a circle]. Gorno-Altaysk, 1985b.
- Belekov I. I. *Predstoyanie pered Kök Tengri. Choros Gurkin, kak osnova dukhovnogo izmereniya Altaya*. [The stalk is in front of KÖK Tengri. Choros Gurkin, as the basis for measuring the spiritual Altai]. Gorno-Altaysk, 1977.

- Belekov I. I. *Janarlu moshtor*. [Singing Cedars]. Gorno-Altaysk, 1982.
- Kogda tsvetet maral'nik*. [When the maralnik blooms]. Gorno-Altaysk, 1985.
- Adarov A.O. *Jyregimniŋ ynin tinda*. [Listen to the voice of my heart]. In: *Altaydyŋ Cholmony*. [Star of Altai]. 1985. 8 november.
- Bedyurov B. *Kozhonda jyrek*. [Singing Heart]. In: *Altaydyŋ Cholmony*. [Star of Altai]. 1976. 23 january.
- Belekov D. «*Jarim dai ishteerge jarabas*». [Non potes operari per medietates]. In: *Altaidin Cholmoni* [Star of Altai]. 2003. 20 march.
- Chichinov V.I. *Lyubit lyudei — visokoe iskusstvo*/ [Loving people is a high art]. In: *Zvezda Altaya* [Star of Altai]. 1986. 29 march.
- Chukuev V. *Nesti energiyu dobra*. [Carry the energy of good]. In: *Zvezda Altaya* [Star of Altai]. 2003. 22 march.
- Erokhin V. *Molodost' Gornogo Altaya*. [Youth of the Altai Mountains]. In: *Literaturnaya Rossiya* [Literary Russia]. 1986. 3 january.
- Katash S.S. *Chelovek, boleyuschii bolyami drugih*. [Homo qui patitur ab doloribus aliis]. *Zvezda Altaya* [Star of Altai]. 1997. 10 dec.
- Kokyshev L.V. *Jiit ynder* [Young voices]. *Kadyŋ* [Katun]. 1973. No. 2.
- Prapara A. *Predstavlyaem molodykh* [Introducing the young]. In: *Literaturnaya Rossiya* [Literary Russia]. 1985. 13 sept.
- Shinzhin T.B. *Ak symerler aldynda*. [Under the white tops]. In: *Altaydyŋ Cholmony* [Star of Altai]. 1974. 2 july.
- Ukachin B.U. *Predstavlyaem molodykh*. [Introducing the young]. In: *Literaturnaya Rossiya*. [Literary Russia]. 1983. 1 july.

РЕАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ ФРАГМЕНТАРНОСТИ В РОМАНЕ РОБЕРТА ГЭЛБРЕЙТА «ДУРНАЯ КРОВЬ»

Г.И. Лушникова, Т.Ю. Осадчая

Ключевые слова: фрагментарность художественного текста, современный детективный роман, Р. Гэлбрейт.

Keywords: text fragmentation in fiction, contemporary detective novel, R. Galbraith.

DOI 10.14258/filichel(2021)4-16

Многие нарратологи, в числе которых можно назвать М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, В.И. Тюпу, Н.Д. Тamarченко, Ж. Женетта, Дж. Принса, М.-Л. Риан, М. Риффатера, П. Рикера, М. Флудерник, Н. Лоу, М. Яна, В. Шмида и других, неоднократно указывали, что главным принципом нарративности является неразрывная взаимосвязь повествования и дискурса. В данной формулировке понятие «дискурс» используется в широком смысле: «...интерес нарратологии постепенно смещается от узкого понимания дискурса как внутритекстового уровня нарратива (речевой презентации событий) к восприятию нарратива как типа дискурса в широком смысле, т.е. коммуникативного взаимодействия» [Жиличева, 2013, с. 27]. Виды и способы взаимосвязи диегетического и экзегетического уровней нарратива были и остаются предметом изучения литературоведов. Описывая «корреляцию истории и повествования, коммуникации и референции» [Жиличева, 2013, с. 35], исследователи утверждают, что связующим элементом уровней выступает членение текста, а единицей членения является эпизод или фрагмент. По мнению В. И. Тюпы, «цепь таких эпизодов представляет собой нарративную артикуляцию повествователем диегетической цепи повествуемого мира» [Тюпа, 2002, с. 19].

Изучая роль фрагмента в современном произведении, ученые указывают на его двойственную природу, во-первых, фрагмент самодостаточен, во-вторых, способен формировать целостность произведения: «... принципы творчества реализуются через фрагмент, художественная двойственность которого — и в определенной самодостаточности, саморазвитии, что ведет к нарушению и разрушению целостности, и в создании ее, поскольку “фрагмент хранит в себе великую силу, конструирующую мир во всей его целостности”» [Пестерев, 2004, с. 283]; «... фрагмент, несмотря на свободу, спонтанность, незавершенность, живет памятью целого. Уже в силу того, что в романном мире

(пусть даже самом открытом и нелинейном) он — элемент композиции — включен в общий ритм фрагментарных повторений» [Пестерев, 2004, с. 297]. По словам С. Elias, значение отдельного фрагмента заключается в возможности порождать смыслы в процессе интерпретации других фрагментов: «Like truth and beauty the fragment's point is in its proving, not its own being or becoming state, but in proving its power to generate theses about itself in the discourse of others» [Elias, 2004, p. 371].

Сознательное разрушение причинно-следственных связей реально разворачиваемых событий и выстраивание эпизодов в соответствии с логикой автора присутствует во многих современных произведениях, когда структурное и синтаксическое построение текста служит реализации авторского замысла: «... this is where the syntactic order appears to represent the order in which things spontaneously arise in the consciousness of the author» [Short, Leech, 2007, p. 190].

Важная роль авторской позиции в представлении событий и характеров состоит в том, что она имплицитно объединяет все составные части фрагментированного нарратива, тем самым усиливая значимость определенных авторских сигналов: «активность авторского сознания, превращающего текст произведения в многоголосое диалогическое повествование, можно рассматривать как основу романного единства, вмещающего в себя разноприродные элементы» [Антонова, 2008, с. 6].

Выявление элементов, которые объединяют разрозненные эпизоды или фрагменты, позволяет читателю стать в известной степени со-автором произведения: «уход от линейности повествования, его фрагментарность реализуются в установке современного текста на рассказывание историй. Из их множественности и возникает в воспринимающем сознании герменевтический круг, актуализирующий проблему события текстов, их со-бытия и соотносимости в границах художественного целого» [Владимирова, 2014, с. 86]. З. Хайнади также подчеркивает мысль о герменевтическом круге, отмечая, что читатель воссоздает смысл произведения по-своему: «в акте респонзивного чтения замыкается “герменевтический круг” понимания текста в самом читателе, обладающем способностью воссоздать смысловой потенциал произведения заново» [Хайнади, 2018, с. 13].

Можно утверждать, что для литературы XX–XXI вв. характерно бытование совершенно особого типа прозы, особенность которой состоит прежде всего в ее «необъяснимости» фабульными стратегиями повествования. Речь идет о фрагментарной прозе, интерпретация которой изрядно затруднена, история рассеяна, но мотивы выбора тех или иных фрагментов нельзя свести к требованию сюжета или даже к ассо-

циативному сцеплению. Более того, нередко сюжетные линии категорически не могут свестись вместе, и читательского разгадывания в финале не происходит; изломанной оказывается не только дискурсивная ткань, но и глубинные смысловые, имплицативные связи произведения.

В современной литературе фрагментарность проявляется в разных формах и на разных категориальных уровнях текста. Зарубежные исследователи всестороннее изучают феномен фрагментарности и принимают попытки классифицировать ее различные типы [Elias, 2004; *The Poetics...*, 2019]. M. Moseley выделяет три типа фрагментарности: коса / плетение (the braid), бриколаж (the bricolage), мозаика (the mosaic). Коса / плетение — это тип фрагментарности, при котором несколько нарративов переплетаются друг с другом в каком-либо произведении: «...a series of distinct narrative projects which are interspersed with one another rather than offered in sequence» [The Poetics, 2019, p. xix]. Бриколаж представляет собой текст, состоящий из разнородных дискурсов: «The bricolage is a category referring to works which are composed out of radically heterogeneous materials» [The Poetics, 2019, p. XIX]. Мозаика — это текст, состоящий из нескольких относительно законченных и самодостаточных фрагментов: «... the mosaic comprises texts consisting of many narratives that are complete in themselves» [The Poetics, 2019, p. XIX]. M. D'Ambrosio выделяет еще один тип фрагментарного текста — полифонический роман, в котором представлены множество точек зрения и повествователей: «It relies on a juxtaposition of multiple voices and the employment of numerous narrators» [The Poetics, 2019, p. XIX]. V. Vogt выделяет такой тип фрагментарного текста, как собрание историй: «"fix-up" is a notion applied to texts whose degree of coherence between consecutive chapters, regarding subject matter and genre, is greater than in the case of a collection of short stories and lesser than in a traditional novel» [The Poetics, 2019, p. XX]. W. Drag описывает такой тип фрагментарного произведения, как коллаж (the collage): «short, often elliptical statements set apart by empty spaces» [The Poetics, 2019, p. 108]. С. Martin анализирует такой тип фрагментарности как калейдоскоп (the shuffle narrative), в произведениях такого типа художественные тексты, комиксы и материалы, представленные в цифровом формате, объединяются в одно целое.

Перечисленные типы не исчерпывают всего многообразия проявлений фрагментарности в современной англоязычной литературе, однако дают некоторое представление о тенденциях развития современной фрагментарной прозы. Можно смело утверждать, что в литературе эпохи постмодерна фрагментарность играет особую роль. Во-первых, она выступает принципом построения композиции художественного про-

изведения, во-вторых, воплощает идею фрагментированности потока жизни и калейдоскопичности восприятия человеком действительности.

Кроме того, фрагментарность в современных произведениях художественной литературы отражает общую тенденцию фрагментарного характера современных реалий окружающего мира — способа подачи информации в СМИ и интернет-коммуникациях, восприятие которого, по мнению психологов, требует навыков быстрого переключения внимания, что, в конечном счете, способствует развитию так называемого заппингового, или клипового мышления.

Фрагментарность в детективном романе выполняет особые функции, главное место среди которых занимает управление читательским вниманием, вовлечение читателя в процесс детективного расследования таким образом, чтобы он был близок к разгадке, но не достигал ее до самого конца произведения. Сознательное отступление от центрального детективного сюжета отвлекает на какое-то время от основного хода развития следствия и, соответственно, сюжета романа, что создает эффект ретардации, усиливает интригу.

Материалом для настоящего исследования послужил детективный роман «Дурная кровь» / *Troubled Blood* (2020 г.), пятый роман Джоан Роулинг в серии книг о частном детективе Корморане Страйке, которые выходят под псевдонимом Роберт Гэлбрейт. Фрагментарность данного произведения строится по типу коса / плетение с элементами полифонического романа. Данный роман представляет интерес во многих отношениях — помимо чисто детективного содержания в нем представлены психологические портреты главных и второстепенных персонажей, показаны сложные отношения в разных семьях между родителями и детьми, мужьями и женами, включающие положительные и отрицательные примеры, раскрываются темы одиночества, дружбы, брака, любви и многое другое. В центре нашего внимания — фрагментарное построение романа, его формы и функции в идейно-образной структуре текста. Большое количество персонажей и разнообразие тем предполагает и способствует созданию фрагментарного типа повествования.

Прежде всего следует сказать, что фрагментарность реализуется в данном романе на разных категориальных уровнях, в разных композиционно-речевых формах.

Фрагментарность на уровне категории темпоральности отражает специфику и необычность данного детектива, которая заключается в том, что частный сыщик Страйк Корморан и его помощница и партнер Робин Эллакотт получают заказ расследовать исчезновение женщины по имени Марго Бамборо, которое произошло около 40 лет на-

зад. Этот факт обуславливает разворачивание в романе двух временных пластов — настоящего для героев романа времени — тогда, когда ведется расследование, и прошлого — тогда, когда было совершено преступление. Вследствие этого осуществляются постоянные переходы из одного временного отрезка в другой. Связующим звеном между этими отрезками времени служат персонажи, которые были участниками событий 40-летней давности, с которыми удается встретиться детективам — свидетели и, как оказалось, преступник. Экскурсы в прошлое совершаются и тогда, когда речь идет о прошлом главных героев — о детстве Страйка, о любовных и семейных драмах главных героев, о трагическом событии, которое произошло со Страйком в Афганистане, после которого он стал инвалидом, о насилии и попытке убийства, жертвой которых была Робин.

Категория локальности также разбивает повествование. Основное место действия, где происходят события, — Лондон, однако автор перемещает героев и в другие географические точки, например, в Корнуолл, где проживают родственники Страйка, которых он часто навещает, в Мэссем, где живут родители и братья Робин, в другие города Великобритании, которые по долгу службы посещают главные герои — Торки, Виндзор, Амершем, Глазго, Фалмут и другие. Эпизоды, которые происходят в разных местах, представляют собой отдельные фрагменты, общими между которыми являются действующие лица. Городские и деревенские пейзажи — значимый фон происходящих событий, их описание разбивает повествование, меняет тональность, переключает внимание читателя.

Фрагментарность на уровне сюжета обусловлена переходом от одной сюжетной линии к другой, главными из которых являются детективное расследование и развитие служебных, дружеских и намечающихся любовных отношений между Страйком и Робин. Основная детективная линия — поиск пропавшей много лет назад женщины — разбивается второстепенными детективными историями, так как агентство Страйка занимается расследованием нескольких дел одновременно — о многоженстве, о супружеской измене, об анонимных посланиях и других. Кроме того, в связи с делом о пропаже женщины подробно описываются преступления серийного убийцы Дениса Крида, который проходил как один из подозреваемых по ее делу. Помимо детективных линий в романе наличествуют полные значимости сюжеты об отношениях между Страйком и близкими ему родственниками и друзьями, о неразрешимом конфликте между Страйком и его отцом, о достаточно сложных отношениях между Робин и ее родителями, ее бывшим

мужем и коллегами. Переплетение многочисленных сюжетов, включение эпизодов из разных тематических и хронологических пластов выстраивается в гармоничное полифоническое повествование.

Нарушение последовательности имеет место и в разных композиционно-речевых формах. В такой композиционно-речевой форме, как описание, фрагментарность в романе Р. Гэлбрейт создает кинематографическую композицию — подобно кинокамере, меняющей визуальные планы, автор «переключает» планы художественного повествования, по своему замыслу высвечивает далекие друг от друга эпизоды, события, характеры. Так, завязка основного детективного сюжета, которая представлена в главе 2, подается фрагментарно: рассказ заказчицы дела, Анны Фиппс, постоянно прерывается передачей мыслей Страйка и описанием того, что находится перед его глазами — подвыпившая компания молодых людей, вынырнувшая из морской волны нерпа, окружающий пейзаж:

She disappeared, — Anna went on. Margot Bamborough's her name. She was a GP. She finished work one evening, walked out of her practice and nobody's seen her since.

Have you contacted the police? — asked Strike.

Anna gave an odd little laugh. — Oh yes — I mean, they knew — they investigated. But they never found anything. She disappeared, — said Anna, “in 1974.

The dark water lapped the stone and Strike thought he could hear the seal clearing its damp nostrils. Three drunk youths went weaving past, on their way to the ferry point. Strike wondered whether they knew the last ferry had been and gone at six.

I just, — said the woman in a rush, “you see — last week — I went to see a medium.

Fuck, thought Strike.

He'd occasionally bumped up against the purveyors of paranormal insights during his detective career and felt nothing but contempt for them: leeches, or so he saw them, of money from the pockets of the deluded and the desperate.

A motorboat came chugging across the water, its engine grinding the night's stillness to pieces. Apparently this was the lift the three drunk boys were waiting for. They now began laughing and elbowing each other at the prospect of imminent seasickness (R. Galbraith, 2020, p. 15).

Фрагментарность в композиционно-речевой форме рассуждения создает параллельное и перекрещивающееся движение нескольких рядов мыслей персонажей, переплетение разных точек зрения. В данном романе показаны несколько типов расследования дела об исчезновении женщины. В настоящем времени делом занимается сыщик Страйк, глава детективно-

го агентства, и его партнер Робин. Фактически показаны два подхода к ведению дела, поскольку, хотя сыщики действуют в тесном сотрудничестве, однако их стили и методы отличаются друг от друга. Робин более сильна в искусстве задавать вопросы опрашиваемым очевидцам и свидетелям, тогда как Страйк лучше нее умеет слушать и делать соответствующие логические выводы. В прошлом, когда произошло исчезновение, данным делом также занимались два следователя — Тэлбот, который первоначально вел дело, но затем был отстранен от него, и Лоусон, который продолжил и закрыл дело, так и не раскрыв его. Характер рассуждений и выбор линии расследования полицейских 40-летней давности значительно различаются. Тэлбот основывал свою линию расследования на астрологических данных, проявлял деликатность к опрашиваемым свидетелям и был одержим этим делом, хотел довести его до конца, а Лоусон считал астрологические изыскания неуместными, абсурдными, мог позволить себе давить на свидетелей, считал это дело безнадежным и, в конце концов, убедил вышестоящее начальство закрыть его.

Фрагментарно представлены диалоги и полилоги персонажей. Разговор на вечеринке у хозяина квартиры Макса Приствуда, где живет Робин, на которой присутствовали Робин, ее брат со своими друзьями и Страйк, подается так, как будто мы слышим его в реальности или в «режиме воспроизведения записи», собеседники перебивают друг друга, мы «слышим» обрывки фраз, фрагменты высказываний:

“... couldn't happen,” — Strike was saying. He wouldn't've been allowed to join up in the first place, conviction for possession with intent to supply. Total bollocks.”

*Really? The writers did quite a lot of research, —
Should've known that, then.*

“... so yeah, basically, you dress up in your underwear and short skirts and stuff” Courtney was saying, and when Kyle and Jon laughed she said, “Don't, it's serious, —

... no, this is useful,” — said Max, scribbling in a notebook. — So if he'd been in jail before the army —

If he'd done more than thirty months, the army wouldn't've taken him...

I'm not wearing suspenders, Kyle — anyway, Miranda doesn't want, —

I don't know how long he's supposed to have done,” — said Max. I'll check. Tell me about drugs in the army, how common?

— so she says: ‘D’you not understand how problematic the word ‘slut’ is, Courtney?’ And I’m like, ‘Er, what d’you think (R. Galbraith, 2020, p. 470).

Внутренние монологи главных персонажей — детектива и его помощницы — в какой-то мере нарушают последовательность повество-

вания, которая необходима в детективном жанре, особенно, когда речь идет о представлении хода следствия. Их размышления по поводу расследуемого дела прерываются мыслями и переживаниями о личных проблемах — тяжелой болезни родного человека Страйка, сложных отношениях с его бывшей невестой, измене мужа Робин и последующем разводе с ним и других жизненных перипетиях.

Особую роль в реализации фрагментарности романа Р. Гэлбрейт играет категория интертекстуальности. Как известно, на современном этапе развития художественной литературы интертекстуальность приобретает новые формы и функции. По словам исследователей, композиционную организацию современного романа можно называть палимпсестной: «Фрагменты, содержащие интертекстуальные, интермедийные, полидискурсивные включения, выделенные и особо маркированные в произведениях, создают палимпсестную организацию художественного целого» [Владимирова, 2014, с. 86]. Кроме того, интертекстуальные включения ведут к «десемантизации знаковой формы, которая становится содержанием вновь создаваемого произведения, что предполагает наличие промежуточного интертекстуального знака, изменяет порядок и ценностный ранг элементов источника и содержит коммуникативную интенцию автора» [Лушникова, 2008, с. 90]. Данные тенденции актуализируются в исследуемом романе.

Всей книге и каждой его главе предшествуют один или два эпиграфа — фрагменты из поэмы английского поэта елизаветинской эпохи Эдмунда Спенсера «Королева фей», содержание которых своеобразно перекликаются с содержанием романа. В ряде случаев соответствие цитируемого и цитирующего текстов прослеживается на линии сюжета, в других случаях можно проследить сходство характеров персонажей обоих текстов, иногда совпадает настроение и общий тон эпиграфа и следующей за ним главы, в ряде случаев содержание эпиграфа и главы романа контрастируют друг с другом, рождая эффект иронии. Во всех случаях цитата, приводимая в эпиграфе, подготавливает читателя к тому, что его ждет в последующей главе, настраивает на ее восприятие, требует возвращения к прочтению эпиграфа с целью выявления общих моментов, переосмысления содержания обоих текстов. Роман Р. Гэлбрейт фактически представляет две параллельные линии повествования — фрагментарное, отрывочное, в форме эпиграфов, изложение поэмы Э. Спенсера и собственно детективный роман.

В романе несколько раз встречается само слово «фрагмент» — когда речь идет о фрагментах следственных протоколов, о фрагментах из

книги об исчезновении Марго Бамборо, о восприятии некоторых событий персонажами. Приведем один из примеров:

The memory of what had just happened presented itself in a few scattered fragments: Kyle's angry red face. Tosser. Fucking students. Max laughing at something Strike had said. Lots of food. Even more drink (R. Galbraith, 2020, p. 475).

Все перечисленное создает фрагментарный характер повествования романа, который наряду со связностью и целостностью текста создает полифоническое произведение, сочетающее в себе острый детективный сюжет, психологизм, многоплановую тематическую направленность. Нарушение повествовательной, хронологической и психологической последовательности, во-первых, служит главной задаче детектива — созданию интриги, загадки, которую, по замыслу автора, следует разгадать читателю, а во-вторых, способствует созданию оригинальной повествовательной перспективы романа.

Библиографический список

Антонова Н.А. Полистилистика романа А.С. Байетт «Обладание» : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2008.

Владимирова Н.Г. Фрагментарность и целостность текста (роман Грегори Норминтона «Корабль дураков») // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. 2014. № 5.

Жиличева Г.А. Нарративные стратегии в жанровой структуре романа (на материале русской прозы 1920–1950-х гг.). Новосибирск, 2013.

Лушников Г.И. Специфика интертекстуальных отношений в литературной пародии // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2008. Вып. 25. № 26 (127).

Пестерев В. Фрагментарная форма романа Ж.-Ф. Туссена «Фотоаппарат» // Балтийский филологический курьер. 2004. № 4.

Тюпа В.И. Очерк современной нарратологии // Критика и семиотика. 2002. № 5.

Хайнади З. Фрагментарная целостность. Роман «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова // Вестник Волгоградского государственного университета. 2018. № 1 (17).

Elias C. The Fragment: Towards a History and Poetics of a Performative Genre. Bern, 2004.

Short M.H., Leech G.N. Style in Fiction: A Linguistic Introduction to English Fictional Prose. London, 2007.

The Poetics of Fragmentation in Contemporary British and American Fiction, ed. by V. Guignery, W. Drag. Malaga, 2019.

Источник

Galbraith R. *Troubled Blood*. New York, 2020.

References

Antonova N.A. *Polistilistika romana A.S. Byatt «Obladanie»*. [Polystylistics of the novel “Possession” by A.S. Byatt]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Voronezh, 2008.

Vladimirova N.G. *Fragmentarnost' i tselostnost' teksta (roman Gregori Normintona «Korabl' durakov»)*. [Textual Fragmentariness and Unity (Gregory Norminton's *The Ship of Fools*)]. In: *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta*. [Bulletin of the North (Arctic) Federal University]. 2014. No. 5.

Zhilicheva G.A. *Narrativnye strategii v zhanrovoy strukture romana (na materiale russkoy prozy 1920–1950-kh gg.)*. [Narrative strategies in the genre structure of the novel (on the Russian prose fiction of 1920–1950)]. Novosibirsk, 2013.

Lushnikova G.I. *Spetsifika intertekstual'nykh otnosheniy v literaturnoy parodii*. [Intertextual relations in the literary parody]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Bulletin of Chelyabinsk State University]. 2008. Issue 25. No 26 (127).

Pesterev V. *Fragmentarnaya forma romana Zh.-F. Tussena «Fotoapparat»*. [The Fragmented Form of the Novel “L'Appareil-photo” by J.-Ph. Toussaint]. In: *Baltiyskiy filologicheskiy kur'er*. [Baltic Philological Bulletin]. 2004. No. 4.

Tyupa V.I. *Ocherk sovremennoy narratologii* [The Essay on Contemporary Narratology]. *Kritika i semiotika* [Literary Criticism and Semiotics]. 2002. No 5.

Khaynadi Z. *Fragmentarnaya tselostnost'*. *Roman «Geroy nashego vremeni» M.Yu. Lermontova*. [Fragmentary Integrity. “A Hero of Our Time” by M.Yu. Lermontov]. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Bulletin of Volgograd State University]. 2018. No 1 (17).

Elias C. *The Fragment: Towards a History and Poetics of a Performative Genre*. Bern, 2004.

Short M.H., Leech G.N. *Style in Fiction: A Linguistic Introduction to English Fictional Prose*. London, 2007.

The Poetics of Fragmentation in Contemporary British and American Fiction. Ed. V. Guignery, W. Drag. Malaga, 2019.

A source

Galbraith R. *Troubled Blood*. New York, 2020.

ЛЮДИ. ФАКТЫ. СОБЫТИЯ

ПСИХОЛОГИЯ НАПИСАНИЯ ТЕКСТА: ИСТИНЫ И ЗАБЛУЖДЕНИЯ

(рец на кн.: Пельтек Е. Пишите — не пишите:
Психологическое руководство для авторов
по работе с текстом и собой.
М. : Альпина Паблишер, 2021)

DOI 10.14258/filichel(2021)4-17

Психология написания текста — заманчивая тема, интересная очень широкому кругу читателей. Ответы на вопросы, что на самом деле нами руководит в создании текста и чем следует руководствоваться в этом процессе, входят в экзистенциальную проблематику любого из «пишущей братии» в современном обществе.

Еще большую привлекательность «психологическому руководству для авторов по работе с текстом и собой» придает заявленная практико-прикладная направленность, что манифестировано во втором «расширении» заголовка «Приемы, упражнения, методики».

Профессиональный статус автора — психолог и журналист — вызывает доверие, ведь логично предположить, что книгу пишет знающий и понимающий в теме человек. Тем более, что автор обещает поделиться своими методиками, «основанными на арт-терапии, коммуникативных стратегиях, экспрессивном письме, модели принятия неизбежного Кюблер-Росс и трансактном анализе».

Автор обещает, что книга поможет в ситуациях, когда человек парализован страхом чистого листа, путается в собственном тексте или погружается в пучину писательского самобичевания; что книга позволит авторам «преодолеть творческие тупики и сделать текст увлекательным, будь это пост в соцсетях или великий роман».

Дальнейшее повествование, однако, показывает, что таких универсальных диагнозов и методик совсем немного, что вполне логично, ибо пост в соцсетях, рекламный текст, журналистская статья, повесть или роман — разноуровневые и как феномены, и как творческие продукты.

И если говорить прямо, то для создателей больших и серьезных текстов эта книга в качестве пособия мало пригодна. Ее первоочередной адресат — начинающие блогеры и неопытные пользователи социальных сетей. Для них здесь многое может оказаться интересным и полезным. В частности, ценным для этой категории создателей текстов представляется следующее:

— рекомендация посмотреть на себя со стороны и найти место своим блогам/сетевым текстам в своеобразной классификации, представленной во второй главе второго раздела «“Мяу”, “вау” или “гав”»: типология блогов» (с. 63–72). Это Блог-отчет: «Мам, я покушал!», Вау-блог: «Смотри и завидуй!», Мяу-блог: «Это я, Пятачок, спасите-помогите!», Гав-блог: «Сам дурак!», Ироничный блог: «Я — дурак», Экспертный блог: «Я умен», Гуру-блог: «Верь мне»;

— совет определить свою роль в виртуальной группе по классификации: Альфа (лидер), Бета (эксперт), Гамма (поддерживающий лидера), Омега (отвергаемый), Пи (оппозиционер, противник лидера);

— предупреждение об иллюзорности личного пространства в социальных сетях и условном характере анонимности (вас могут узнать, «вычислить»);

— методика защиты от агрессивных комментариев, избавление от болезненных переживаний по поводу критических замечаний и негативных оценок: «проверьте: у вас есть с собой зачетка? Нет? Стало быть, оценки вам ставить некуда. А если вам важно мнение окружающих и виртуальная «зачетка» вам дорога, принимайте оценки осознанно, и тогда сможете выбирать, чьи «пятерки» и «двойки» для вас значимы» (с. 77);

— использование психологически важной установки, заключенной в фразе «это всего лишь текст», которая нейтрализует склонность к переоценке текстов, выделению им значимой роли в собственной жизни, что порой порождает сильнейший страх предъявления публикации (с. 140).

У начинающих рекламщиков и авторов PR-текстов вызовет интерес авторская методика с подтвержденной на тренингах эффективностью «Ни стыда, ни совести», которая предлагает для снятия «ступора» и активации творческой энергии написать «безбашенный», хулиганский текст, а затем соединить его с шаблонными текстами пресс-релизов. По крайней мере, образцы такого синтеза, помещенные в книгу, впечатляют.

Однако все эти рекомендации ни в малейшей степени не пригодны для журналистов и писателей. Относительно этой сферы творчества, как представляется, автор демонстрирует больше заблуждений, нежели

ли истин. Пожалуй, безоговорочно можно согласиться только с утверждением «Творческий импульс рождается на стыке «хочу» и «надо», на конфликте простой потребности и социальной предопределенности» (с. 7). Все остальное — сомнительно, или, по крайней мере, выглядит сомнительным или ошибочным.

Главной ошибкой здесь представляется квантор всеобщности, задающийся словами «всегда», «у всех», и категорическая однозначность: текст пишется для психологического исцеления, творчество рождается из ковыряния в «кровотокающих ранках обид», болезненных воспоминаний детства, из желания освободиться от психологических травм.

Это про рекламщиков, или про журналистов, или про блогеров? Импульс журналистского творчества — не в стремлении избавиться от своих внутренних конфликтов, а в желании обнажить и излечить «язвы» общества, его дисфункции и деструкции. Блогерами, как утверждает автор в другом месте этой же книги, движет погоня за лайками, хайпом, жажда получить дофамин — гормон желания (с. 52) и окситоцин — гормон «любви и доверия» (с. 53). Рекламщиками движет стремление продать. Тогда это про кого? Чей это импульс? Автор не поясняет и не подтверждает этот свой постулат о творчестве как избавлении от травмы, превращающийся в пустую сентенцию.

Не менее спорное утверждение «Публикация любого текста в социальных сетях, СМИ, книгах — где бы то ни было — фактически является актом агрессии» (с. 109). Опять этот квантор всеобщности, который делает утверждение неистинным. Согласно психологическому словарю, «Агрессия — поведение, ориентированное на нанесение вреда объектам, в качестве которых могут выступать живые существа или неодушевленные предметы»³⁶. Возможно, автор имел в виду какие-то тонкости в понимании этого термина, но разъяснений на этот счет не приводится.

Совсем в стороне от логики повествования и заявленной цели — дать методические рекомендации по написанию текста — остается хорошо сделанный блок по библиотерапии.

Опираясь на мнение создателя метода «экзистенциальной библиотерапии» Александра Алексейчика, согласно которому чтение «стимулирует целостность личности, тенденции к сложным компенсаторным реакциям, более творческому преодолению трудностей», Е. Пельтек приводит пять универсальных базовых неспецифических процес-

³⁶ Агрессия: Психологический словарь. URL: <http://psychology.net.ru/dictionaries/psy.html?word=21>.

сов, которые объясняют тягу к чтению³⁷: успокоение, удовольствие, уверенность в себе, высокая психическая активность, общее психическое развитие личности. Каждый из эффектов автор иллюстрирует примерами из детской литературы. В качестве яркого примера *успокоения* она приводит серию книг о Муми-тролле Туве Янссон: «Мир муми-троллей — это законсервированная, неизменная, как городок в стеклянном шарике, страна счастливого детства. Детства ребенка, купающегося в родительской любви». Эффект *удовольствия* ярко проявляется в произведении Астрид Линдгрэн «Три повести о Карлсоне, который живет на крыше». Про Карлсона автор пособия пишет: «с ним всегда весело, он ничего не боится, не стесняется просить (да что там — требовать, вымогать) то, что хочет. И потом, он так искренне восхищен собой, что поневоле хочется научиться этому».

Трудно не согласиться, что от прочтения «Мэри Поппинс» Памелы Трэверс рождается *эффект уверенности в себе*. Автор замечает: «Читая книгу, я отлично понимала, что вряд ли когда-нибудь научусь летать на зонтике, разговаривать с кобрами и клеить на небо звездочки из фольги, как она. Но любить и уважать себя, восхищаться собственными достоинствами — сумею». В качестве примера эффекта *высокой психической активности* приводится «Пеппи Длинныйчулок» Астрид Линдгрэн: Пеппи постоянно отстаивает свое право на независимость и свободу — вопреки законам и здравому смыслу. Ей это отлично удается — не зря она «самая сильная девочка на свете».

Книга Алана Александра Милна «Винни-Пух и все-все-все» проявляет *эффект общего психического развития личности*: «милые истории о плюшевом мишке складываются в героический эпос, едва ли не каждый персонаж которого проходит свой путь, помогая повзрослеть Кристоферу Робину».

Заметим, что третья глава первого раздела про библиотерапию получилась самой красивой и убедительной. Только зачем она здесь? Это другое измерение, и оно вне целей и задач методического пособия.

В качестве позитивного итога отметим два главных психологических эффекта, производимых книгой Евгении Пельтек «Пишите — не пишите». Это, во-первых, возникающее желание посмотреть на себя со стороны в текстовом измерении как на лингвокультурную личность, во-вторых, стремление заглянуть внутрь себя, поймать неосознаваемые ранее импульсы (почему я это пишу, чего я хочу достичь, в чем моя дескриптивная потребность).

³⁷ См.: Алексейчик А. Е. Библиотерапия // Руководство по психотерапии / под ред. В.Е. Рожнова. Ташкент: Медицина, 1985. С. 304–319.

Интересна в плане самоосознания методика, которой делится автор: представить одинокую синюю птичку и по ней определять писательские интенции: птичке грустно — надо написать веселый текст; птичке тревожно, значит, требуется аналитическая статья для ее успокоения и т.п. Птичка, на самом деле, считает автор — это источник вдохновения и указатель направления в приложении усилий.

У меня в применении этой методики разнообразия не получилось. В попытке представить одинокую птичку я вижу всегда попугая, который топорщит перья и кричит резким голосом: «Поррра ррработать!». Но у кого-то этот опыт писательской саморефлексии, несомненно, будет более успешным и богатым.

В современном мире сайтов, социальных сетей и мессенджеров, когда каждый поневоле становится в большей или меньшей степени создателем текстов, психологическое руководство для авторов по работе с текстом и собой Евгении Пельтек понадобится и поможет многим.

Т.А. Семилет

РЕЗЮМЕ

SUMMARY

Л.В. Попова. Этнолингвокультурная специфика русского концепта «суд»: на материале пословиц. Рассмотрена ценностная составляющая концепта «суд» в русском обыденном лингвосознании на материале корпуса пословиц судебной тематики. Выявлена неоднозначность восприятия концепта «суд» обыденным правосознанием. Зафиксированы языковые средства положительной и негативной оценки суда. Оценочные языковые средства выражают оппозиции этнокультурных морально-этических концептов: «(не)правда» / «ложь», «(не)справедливость», «обида», «(не)праведность», «добро» / «зло». В обыденном лингвосознании эталон правосудия представлен как правый, прямой (объективный, справедливый, законный) суд, осуществляемый добрым, праведным (честным, справедливым, добросовестным, порядочным, законопослушным) судьей при условии действия закона (святого, миротворца). Скорректировано положение о безусловном противопоставлении этического и юридического аспектов русского лингвосознания: выявлен концептуальный синкретизм « правда — справедливость — законность ».

L.V. Popova. Ethnolinguocultural Specifics of the Russian Concept «Court»: Based on Proverbs. The article considers the value component of the concept «court» in the Russian everyday linguistic consciousness based on the corpus of proverbs of judicial subjects. The ambiguity of the perception of the concept of «court» by ordinary legal consciousness is revealed. The linguistic means of positive and negative evaluation of the court are recorded. Evaluative language means express oppositions of ethno-cultural moral and ethical concepts: «(not) truth» / «lie», «(not)justice», «offense», «(not) righteousness», «good» / «evil». In everyday linguistic consciousness, the standard of justice is represented as a right, direct (objective, fair, lawful) court, carried out by a kind, righteous (honest, fair, conscientious, decent, law-abiding) judge, subject to the operation of the law (saint, peacemaker). The provision on the unconditional opposition of the ethical and legal aspects of the Russian linguistic consciousness is corrected: the conceptual syncretism «truth — justice — legality» is revealed.

Н.В. Мельник, М.А. Силкова. Легитимирующие стратегии в видеообращениях региональных политиков России и Германии в период первого локдауна COVID-19. В статье анализируются легитимирующие стратегии региональных политиков России и Германии. Целью исследования является выявление, описание и сопоставление легитимирующих стратегий и тактик в политических видеообращениях региональных политиков России и Германии в лингвоперсонологическом аспекте. Цель работы обусловила определения индивидуальных языковых средств политиков, а также оценку эффективности применяемых стратегий и тактик. Предмет исследования составляют языковые средства воплощения стратегий региональными политиками России и Германии, а также языковые средства спонтанной речи комментаторов, легитимирующие политические действия. Результаты исследования: определены легитимирующие стратегии и тактики, а также реализующие их коммуникативные ходы, характерные для дискурса каждого политика, результаты сопоставлены. В ходе анализа выявлено, что основными стратегиями легитимирующего дискурса политиков России и Германии являются стратегия театральности и стратегия на повышение. В результате анализа интернет-комментариев определена эффективность стратегий, реализованных в дискурсах политиков.

N. V. Melnik, M. A. Silkova. Legitimizing Strategies in Video Messages of Regional Politicians of Russia and Germany during the First Lockdown of COVID-19. The article analyzes the legitimizing strategies of regional politicians of Russia and Germany. The purpose of our research is to identify, describe and compare legitimizing strategies and tactics in political video messages of regional politicians of Russia and Germany in the linguopersonological aspect. The purpose of the work was to determine the individual language tools of politicians, as well as to assess the effectiveness of the strategies and tactics used. The subject of the study is the linguistic means of implementing strategies by regional politicians of Russia and Germany, as well as the linguistic means of spontaneous speech of commentators legitimizing political actions. The results of the study: the legitimizing strategies and tactics, as well as the communicative moves that implement them, characteristic of the discourse of each politician, are determined, the results are compared. The analysis revealed that the main strategies of the legitimizing discourse of the politicians of Russia and Germany are the strategy of theatricality and the strategy to increase. As a result of the analysis of the Internet comments, the effectiveness of strategies implemented in the discourses of politicians is determined.

Л.В. Надеина, Е.В. Швагрукова, Д.А. Терре. Образная интерпретация колебательного и разнонаправленного движения в диалекте английского языка Scots. Данная работа посвящена исследованию семантики глаголов, обозначающих колебательное и разнонаправленное движение в диалекте английского языка Scots. В задачи исследования входило определение группы диалектных метафорических глаголов и описание сферы аксиологической направленности метафорических образов в шотландском диалекте. Результаты исследования показали, что класс глаголов данного типа движения является достаточно представительным. В работе показано не просто изучение определенной формы движения, а выявление тех компонентов семантики в диалектных глаголах, которые являются основой метафорического уподобления процессов и явлений разных сфер деятельности. В рамках проведенного исследования авторы пришли к выводу, что компонент «ориентир» выступает базовым признаком, на основе которого строился метафорический перенос глаголов. Поэтому анализ проводился с учетом взаимодействия признаков направления движения, оказывающих влияние на формирование метафорического образа. Образы колебательного и разнонаправленного движения служат сферой-источником для метафорического моделирования социальной, эмоциональной сферы человеческого существования, а также физиологических аспектов бытия человека.

L.V. Nadeina, E.V. Shvagrucova, D.A. Terre. Figurative Interpretation of Oscillatory and Multidirectional Movement in the Scottish English. This work is devoted to the study of semantics of the verbs denoting oscillatory and multidirectional movement in the Scottish English. The purposes of the study are to define the group of dialect figurative verbs, and to describe the sphere of axiological orientation of metaphorical images in the Scottish dialect. The work shows not only the study of a certain form of movement, but also the identification of those components of semantics in the dialect verbs that are the basis of metaphorical assimilation of processes and phenomena of different spheres of activity. Having carried out their study, the authors concluded that the so-called "orientation point" component is one of the main features, which metaphorical transfer of verbs was based on. Therefore, the analysis was carried out taking into account the interaction of features of the direction of movement, which influence the formation of a metaphorical image. Images of oscillatory and multidirectional movement serve as the source sphere for figurative modeling of the social and emotional sphere of human existence, as well as physiological aspects of people's being.

С.В. Харитоновна. Медиа для детей: терминологические рамки и парадигмы исследования. В статье уточняется терминологический статус понятия «медиа» в условиях расширения границ социальной практики его применения и технологической модернизации процессов производства и распространения массовой информации для детей. Дается операциональная дефиниция детских медиа в разрезе технологической парадигмы, определяются четыре составляющие их структуры: адресованные детям средства массовой информации в их физическом воплощении; технологические каналы распространения массовой информации для детской аудитории; веб-платформы для трансляции контента детских СМИ в интернете и технические устройства воспроизводства информации. Научная новизна статьи заключается в рассмотрении медиа для детей как совокупности официально зарегистрированных СМИ, которые предназначаются для детской аудитории и распространяют актуальный для нее контент с помощью различных технологических каналов и цифровых ресурсов. Автором предлагается теоретическое осмысление исследовательского объекта в комплексе из трех теоретических парадигм: технологической, эмпирико-функционалистской и антропологической.

S.V. Kharitonova. Media for children: terminological frameworks and research paradigms. The article clarifies the terminological status of the concept of «media» in the context of expanding the boundaries of social practice of its application and technological modernization of the processes of production and dissemination of mass information for children. In the work there is given the operational definition of children's media in the context of the technological paradigm, and the four components of their structures are defined: mass media addressed to children in their physical embodiment; technological channels of mass media distribution for children's audience; web platforms for broadcasting children's media content on the Internet and technical devices for reproducing information. The scientific novelty of the article lies in the consideration of media for children as a set of officially registered media that are intended for a children's audience and distribute relevant content through various technological channels and digital resources. The author proposes a theoretical understanding of the research object in a complex of three theoretical paradigms: technological, empirical-functionalist and anthropological.

Т.В. Солодовникова. Генезис рекламной коммуникации в Республике Беларусь: онтологический статус. На основании архивных материалов Белоруссии предпринимается попытка проследить генезис рекламной коммуникации на территории современной Республики Беларусь начиная с X в. Выявлено, что становление и развитие рекламной

коммуникации происходило под воздействием общеевропейских традиций, однако имело ряд особенностей. И если технологический фактор выступает доминирующим относительно форм рекламной коммуникации и способов достижения целевой аудитории, то социально-политический фактор предопределил содержание и роль рекламы в современном белорусском обществе: в условиях отсутствия суверенного государства и высокой земельной раздробленности, рекламная деятельность на территории Беларуси появилась в результате потребности производителей в продвижении своих товаров и услуг. Специфика рекламной коммуникации в Беларуси проявляется в замедленном темпе развития относительно общеевропейского уровня и в высокой чувствительности к политическому контексту.

T.V. Solodovnikova. The Genesis of Advertising Communication in the Republic of Belarus: The Ontological Status. The paper presents the research based on the Belarus's archival materials to trace the genesis of advertising communication starting from the 10th century to present-day Republic of Belarus. The work reveals that the formation and development of advertising communication evolved on the basis of European-wide traditions, but had a number of specific peculiarities. If the technological factor prevails to the forms of advertising communication and ways to reach the target audience, the social political factor has predetermined the content and role of advertising in modern Belarusian society: in the absence of a sovereign state and profound territorial fragmentation, advertising activities in Belarus appeared as a result of the manufacturers' needs to promote their goods and services. The specifics of advertising communication in the Republic of Belarus are manifested in the slower rate of development progress in comparison to the European level and in the high sensitivity to the political context.

С.С. Жданов. Репрезентация пространства Германии в «Путешествии» В.К. Кюхельбекера. В статье анализируются пространственные образы Германии, представленные в «Путешествии» В.К. Кюхельбекера в контексте традиции ее изображения в русской литературе рубежа XVIII–XIX вв. Общими с данной традицией элементами немецкого пространства в тексте В.К. Кюхельбекера являются лиминальность Прибалтики и Эльзаса, мотив скучного путешествия по Пруссии, изображение Саксонии как идиллии, а Пруссии как антиидиллии, маркирование Германии как места, связанного с культурными деятелями Европы. При этом, по сравнению с сентименталистским дискурсом, романтик В.К. Кюхельбекер в большей мере тяготеет к изображению контрастов

в образе Германии. Необычен его образ Кенигсберга, в котором сочетаются традиционные немецкие (средневеково-готические) и негерманские черты. Характерно-романтическими элементами в репрезентации локусов Германии в «Путешествии» выступают неприятие механистической цивилизации и культ дикой природы. Кроме того, В.К. Кюхельбекер изображает Германию как место сражений за свободу Европы.

S.S. Zhdanov. Representation of the Space of Germany in “Journey” by W.K. Küchelbecker. The paper deals with the spatial images of Germany presented in the Russian literature traditions at the turn of the 18th — 19th centuries in the «Journey» by W.K. Küchelbecker. The common elements between these traditions of the depiction of territories of Germany and W.K. Küchelbecker's text are the liminality of Baltics and Alsace, the motif of the monotonous travel through Prussia, representation of Saxony as the idyllic land whereas Prussia is antiidyllic, as well as labeling Germany as a land of European prominent cultural figures. Moreover, at the same time, unlike to sentimentalism discourse the romanticist W.K. Küchelbecker is more prone to depicting of contrasts in the image of Germany in his works. His picture of Königsberg is remarkably unusual combining traditional German (medieval-Gothic) and non-German typical features. The characteristic romanticism elements connected with the landscapes of Germany in the “Journey” are the rejection of the mechanistic civilization and worship of nature. In addition, W.K. Küchelbecker represents Germany as the battlefield for freedom of Europe.

А.А. Кухтенкова. Формы исповедальности в рассказе Г.И. Газданова «Третья жизнь». В статье представлены способы репрезентации психологического состояния героя рассказа Г.И. Газданова «Третья жизнь». Полифонический лейтмотив память/воспоминания включает прямые и суммарно обозначающие способы выражения психологического состояния рассказчика. Замена перечисленных форм позволяет перейти от душевной болезни к доступу в третью жизнь, эксплицитированную интенсивами, экстенсивами, сравнениями, перцептивными образами. С проспективным намеком о появлении представлений о третьей жизни связан модус сомнения, симптомы душевной болезни, сны-мечты о творчестве. Начало третьей жизни обозначено акцентированием перцептивного фона (запахи, синестезийная метафора, зрительные сравнения). Символичное заглавие, декодированное в сравнениях, сближается с лейтмотивом двоемирия; индивидуально-авторский ассоциат — третья жизнь соотносится с поисками героев Г.И. Газданова лирического мира, сентиментального трансa, душевного путешествия как лейтмотивного комплекса идиолексикона писателя.

A.A. Kukhtenkova. The forms of confession in Gaito Gazdanov's short story «The Third Life». The article focuses on ways of representing the psychological state of the hero in G.I. Gazdanov's story «The Third Life». The polyphonic leitmotif memory/recollection includes direct and summative ways of expressing the psychological state of the narrator. The replacement of these forms makes it possible to move from mental illness to access to a third life, explicated by intensities, extensities, comparisons, perceptual images. The prospective expectation of the appearance of ideas about the third life is associated with the mode of doubt, symptoms of mental illness, fantasy-dreams of artistic creativity. The beginning of the third life is marked by the accentuation of the perceptual background (smells, synesthetic metaphor, visual comparisons). The symbolic title, decoded in comparisons, comes closer to the leitmotif of the two-worldness; the individual author's associate - the third life correlates with the search for G.I. Gazdanov's heroes of the lyrical world, sentimental trance, spiritual journey as the leitmotif complex of the writer's idiolexicon.

Бактыбаева А.Т. Специфика воплощения улыбки, смеха, насмешки в творчестве Б. Канапьянова. В статье проанализирована специфика воплощения смеха, улыбки, насмешки в произведениях современного русскоязычного казахстанского поэта и писателя Б. Канапьянова. В исследовании использован комплексный подход к анализу художественного произведения. Улыбки, смех и насмешки в описании внешности, поступков героев произведений обусловлено не только субъективно-авторским мнением, но и всей концепцией образов, в основе которых лежат эстетические и духовно-нравственные идеалы, сложившиеся тысячелетиями в степной культуре казахов. Полученные результаты показали, что производные комического (смех, улыбка, насмешка), во-первых, играют ключевую роль в поэтике произведений казахстанского автора, являясь катализатором важнейших мотивов (дружба, симпатия, радость, любовь, злость, ненависть). Во-вторых, являются средствами передачи эмоций, маркерами поведения лирического героя, позволяющими понять, каковы его реальные переживания, то есть выполняют характерологическую функцию.

Baktybaeva A.T. The specifics of the embodiment of a smile, laughter, mocker in creativity B. Kanapyanova. The article analyzes the specifics of the embodiment of laughter, smiles, mocker in the works of the modern Russian-speaking Kazakh poet and writer B. Kanapyanov. The study uses a complex approach to analysis of a work of art. Smile, laughter and mocker in describing the appearance, actions of the heroes of the works is due not

only to the subjective opinion of the author, but also to the whole concept of images, which are based on aesthetic, spiritual and moral ideals that have developed for millennia in the steppe culture of Kazakhs. The results showed that the derivatives of the comic (laughter, smile, mockery), firstly, play a key role in the poetics of Kazakh author's works, being a catalyst for the most important motives (friendship, sympathy, joy, love, anger, hatred). Secondly, they are means of transmitting emotions, markers of the behavior of the lyrical hero, allowing us to understand what his real experiences are, i.e. perform a characterological function.

З.Т. Шарафутдинова. Репрезентация понятия «упрямство» в башкирском языке. В данной статье анализируются лексические и фразеологические единицы, репрезентирующие понятие 'упрямство' в башкирском языке и его говорах. Источниками исследования послужили материалы, представленные в "Машинном фонде башкирского языка" (mfbl2.ru). В ходе анализа выявляется смысловая связь между значениями многозначных лексем, раскрываются основные мотивы номинаций. Особое внимание уделяется наименованиям, образованным на основе переноса значений. Многочисленность номинаций доказывает важность указанного параметра для носителей языка. Установлено, что основной состав лексем данной группы имеет пейоративную оценку. Это объясняется тем, что внимание окружающих привлекают отклонения от нормы, а культурное речевое поведение всегда остается незамеченным. Образы, посредством которых построен языковой портрет упрямого человека, отражают особенности миропонимания башкирского народа. Изучение лексико-семантической группы "упрямство" позволяет создать представление об одном из фрагментов языковой картины мира.

Z.T. Sharafutdinova. Representation of the concept of «stubbornness» in the Bashkir language. This article analyzes the lexical and phraseological units that represent the concept of «stubbornness» in the Bashkir language and its dialects. The sources of the research were the materials presented in the «Machine Fund of the Bashkir Language» (mfbl2.ru). In the course of the analysis, the semantic connection between the meanings of polysemous lexemes is revealed, the main motives of the nominations are revealed. Special attention is paid to names formed on the basis of transfer of values. The multiplicity of nominations proves the importance of this parameter for native speakers. It is established that the main composition of the lexemes of this group has a pejorative assessment. This is due to the fact that the attention of others is attracted by deviations from the norm and

cultural speech behavior always goes unnoticed. The images through which the linguistic portrait of a stubborn person is built reflect the peculiarities of the worldview of the Bashkir people. The study of the lexico-semantic group 'stubbornness' allows you to create an idea of one of the fragments of the linguistic picture of the world.

В.В. Катермина, Е.А. Яченко. Семантический анализ хештега #blacklivesmatter. В статье анализируются употребления хештега #blacklivesmatter в период его наиболее активного использования в социальной сети Twitter — с 25 мая по 7 июня 2020 г. С помощью сервиса для аналитики больших цифровых данных OSoMe: the IUNI observatory on social media была исследована корреляция данного хештега с другими, а затем произведены интерпретация и систематизация полученных результатов, а также семантический анализ хештегов. Коррелирующие хештеги были объединены нами в более чем 10 тематических групп. Полученные данные позволяют увидеть, как именно представлено социальное движение Black lives matter в интернет-пространстве, а также проследить оценку движения интернет-пользователями. Актуальность данной работы обусловлена тем, что социальное движение Black lives matter, которое развилось с одноименного хештега, приобрело еще большую популярность и оборот за лето 2020 г. Движение и поднимаемые им проблемы находятся в центре мирового внимания в данный момент. Попытки исследовать риторiku данного движения в социальных сетях ранее предприняты не были.

V.V. Katermina, E.A. Yachenko. The semantic analysis of the hashtag #blacklivesmatter. The article analyzes the use of the hash tag #blacklivesmatter during its most active use on the social network Twitter — from May 25 to June 7, 2020. Using the OSoMe: the IUNI observatory on social media big digital data analytics service, the correlation of this hashtag with others was investigated, and then the results were interpreted and systematized, as well as semantic analysis of hashtags. Correlating hashtags were combined by us into more than 10 thematic groups. The data obtained allow us to see exactly how the Black lives matter social movement is represented in the Internet space, as well as to track the assessment of the movement by Internet users. The relevance of this work is due to the fact that the social movement Black lives matter, which developed from the hash tag of the same name, gained even more popularity and turnover in the summer of 2020. The movement and the problems it raises are in the center of world attention at the moment. Attempts to investigate the rhetoric of this movement in social networks have not been made before.

А.А. Орешкина. К чему ведёт название радиопрограммы? К вопросу о коммуникативной функции названия. В статье рассматривается название радиопрограммы в аспекте восприятия её адресатом. Материалом исследования служат фрагменты гиперрадиотекста программы «Равные среди первых», включающие название, аннотацию, анонсы радиопрограммы, а также комментарии интернет-пользователей и данные опросов. Исследование реализовано следующими этапами: поиск ассоциаций, связанных с названием радиопрограммы; установление связи названия с тематикой программы; выявление актуализации названия программы в анонсах конкретных выпусков; анализ восприятия названия радиопрограммы адресатом. Определена авторская коммуникативная стратегия наименования радиопрограммы в том случае, когда название не несёт информативной функции и препятствует когнитивному прогнозированию. Предложена методика, позволяющая адресату осознать связь названия радиопрограммы с её тематикой. Рассмотрен определённый тип названия, который служит импульсом, позволяющим адресату при помощи ряда ассоциативных действий разгадать все заложенные автором смыслы и прочесть их.

A.A. Oreshkina. What does the title of the radio program lead to? On the question of the communicative function of the title. The title of the radio program is considered in the aspect of its perception by the addressee. The research material is fragments of the hyperradiotext of the program «Equals among the Firsts», including the title, annotation, announcements of the radio program, as well as comments from Internet users and survey data. The research was carried out in the following stages: searching for associations related to the name of the radio program; establishing a connection between the title and the topic of the program; identifying the actualization of the program title in the announcements of specific issues; analyzing the perception of the title of the radio program by the addressee. The author's communicative strategy of naming a radio program is defined in the case when the name does not have an informative function and hinders cognitive forecasting. A technique is proposed that allows the addressee to realize the connection of the title of the radio program with its subject matter. A certain type of title is considered, which serves as an impulse that allows the addressee, using a number of associative actions, to unravel all the meanings laid down by the author and read them.

Е.А. Манскова. Проблемы трансформации медиастратегий российских региональных телекомпаний в условиях кризиса традиционных СМИ. В статье рассматриваются проблемы, с которыми столкнулся отечественный региональный рынок телевидения в условиях роста

популярности новых медиа и перехода России на цифровой формат вещания. Региональное и муниципальное телевизионное вещание, лишившись традиционных площадок для продвижения своего контента, столкнулось с необходимостью в короткие сроки осваивать новые платформы. А цифровая медиасреда потребовала от региональных телестудий пересмотра всей стратегии продвижения. Автор статьи является разработчиком одной из таких концепций ребрендинга и перезапуска в новом формате региональной телевизионной студии и, основываясь на практическом опыте, анализирует факторы и сложности трансформации медиастратегий региональных телекомпаний. В результате разработки и апробации концепции нового регионального вещания выделены пять блоков проблем: менеджмент проекта, его кадровое и финансовое обеспечение, анализ и интерпретация современных медиаизмерений, переход на новые форматы видеоконтента, адаптированные под цифровые платформы.

Е.А. Manskova. The Problems of Media Strategy Transformation of Russian Regional Television Broadcasting Companies in the Context of the Crisis of Traditional Media. The article deals with the problems faced by the regional television market in the context of the growing popularity of new media and the transition of Russia to a digital broadcasting format. Regional and municipal television broadcasting, having lost traditional platforms for promoting their content, faced the necessity to develop new platforms in a short time. The new media environment required regional TV companies to review the promotion concepts. The author of the article is the developer of one of such concepts of rebranding and relaunching a regional television studio in a new format, and, based on practical experience, analyzes the factors and difficulties of transformation of media strategies of regional TV companies. Five blocks of problems were identified as a result of testing of the concept of a new regional broadcasting. They include: project management, its staffing and financial support, analysis and interpretation of modern media measurements, transition to new video content formats adapted to digital platforms.

М.П. Гребнева. О роли скрытых эквивалентов текста в редакциях поэмы М.Ю. Лермонтова «Демон». В публикации рассмотрена роль скрытых эквивалентов текста в редакциях поэмы «Демон» на образном, тематическом, сюжетном, композиционном уровне. В редакциях поэмы М.Ю. Лермонтова «Демон» встречаются разнообразные эквиваленты текста: нереализованные, невостребованные, имеющие переменный характер, замещающиеся за счет предыдущих и последующих вариан-

тов, крытые. Перечисленные типы эквивалентов текста не только свидетельствуют о графических особенностях лермонтовского стиха, но и позволяют выявить зашифрованную информацию, демонстрирующую характер работы автора над поэмой, подчеркнуть их особую продуктивную роль, указывающую на то, как постепенно изменялся «Демон», как с течением времени из романтической поэмы он превращался в стихотворную повесть. Данный вид эквивалентов текста позволяет подчеркнуть значение тем падшего ангела и влюбленного беса, образов главного героя, Тамары и князя, показать то, как постепенно изменялся сюжет поэмы, продемонстрировать зеркальность композиции, в частности, за счет мотивов ожидания, поцелуя, смерти, руки.

M.P. Grebneva. About the Role of the Hidden Text Equivalents in the Editions of the Poem “The Demon” by Mikhail Lermontov. The publication examines the role of the hidden text equivalents in the editions of the poem “The Demon” at the figurative, thematic, plot, compositional levels. In the editions of the poem “The Demon” by Lermontov there are various equivalents of the text: unrealized, unclaimed, having a variable character, replaced by previous and subsequent options, hidden. The listed types of text equivalents not only testify to the graphic features of Lermontov’s verse, but also make it possible to identify encrypted information demonstrating the nature of the author’s work in the poem, to emphasize their special productive role, indicating how “The Demon” gradually changed, how over time it turned from a romantic poem into a poetic story. This type of the text equivalents allows to emphasize the meaning of the fallen angel and the devil in love themes, the images of the main character, Tamara and the prince, to show how the plot of the poem gradually changed, to demonstrate the mirror structure of the composition, in particular, due to the motives of waiting, the kiss, death, the hand.

Е.В. Вранчан. «Гоголевское» в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева». В данной статье анализируются особенности описания патриархальной дворянско-крестьянской жизни в романе «Жизнь Арсеньева» (1930) И.А. Бунина, делается акцент на использовании характерных гоголевских образов и приемов. Кроме того, при сравнении способов художественного осмысления писателями патриархального прошлого выявляется гоголевское влияние на формирование позиции авторского «я» у Бунина, что представлено в романе по-разному: с точки зрения рассказчика-наблюдателя, топографически точно изображающего жизнь и быт родового поместья, и с точки зрения эмигранта, сосредоточенного на воспоминаниях о прошедшем, передающего эмоциональ-

ное ощущение связи поколений. В целом, Бунин продолжает развивать тему столкновения неподвижной патриархальности с движением времени, разрушающим старый крепостнический уклад, поэтому его роман проникнут ностальгией по уходящему в прошлое мелкопоместному миру. В бунинской ностальгии ощущаются отголоски гоголевской печали об обреченной на гибель старосветской жизни.

E.V. Vranchan. Gogolesque in the novel "The Life of Arseniev" by Ivan Bunin. The article deals with the peculiarities of the patriarchal noble-peasant life description in the novel "The Life of Arseniev" (1930) by Ivan Bunin, focuses on the use of characteristic Gogol's images and techniques. Moreover, the comparison of the artistic interpretation ways of the patriarchal past by the writers reveals the Gogol's influence on the position of Bunin as the author, which is presented in the novel in different ways: from the point of view of an observer narrator who topographically accurately depicts the reality and life of the family estate, and from the point of view of an emigrant, focused on memories of the past, conveying an emotional sense of the connection between generations. In general, Bunin continues to develop the theme of the collision of immobile patriarchy with the quick movement of time that destroys the old serfdom, so his novel is imbued with nostalgia for the small-scale world going into the past. In Bunin's nostalgia, there are echoes of Gogol's sorrow about the doomed old world life.

М.С. Дедина. Структура и семантика ранней лирики Димана Белекова. В статье анализируются семантические особенности ранней лирики Д. Белекова, что позволяет выявить образные и пространственные доминанты, репрезентованные в авторском художественном мире. В темпоральном обозначении семантическая структура актуализирована в ассоциативном ряду образов, связанных с весной, а первоцветы, цветущая яблоня, журчащие ручейки талой воды, поля с проталинами и подобное, создавая целостную картину пробуждающейся природы, метафорически воплощают образ молодого поколения. В топонимическом и географическом плане доминирующим является образ родной земли, вбирающий в себя весь комплекс символов-маркеров, характерных для обозначения территории Горного Алтая. Если родина для лирического героя поэта становится источником силы и вдохновения, то для развития ему необходимо движение, понимаемое как освоение «другого» пространства, актуализированное в обобщенном образе голубых далей и многолюдного города с яркими огнями. Центральной в лирике поэта становится тема дороги, воплощенная в мотивах ухода и возвращения.

M.S. Dedina. The structure and semantics of Diman Belekov's early lyrics. The article analyzes the semantic features of D. Belekov's early lyrics, identifies the figurative and spatial dominants represented in the author's artistic world. In the temporal designation, the semantic structure is actualized in a series of images associated with spring, and primroses, a blooming apple tree, murmuring streams of meltwater, fields with thawed patches, etc., creating a holistic picture of the awakening nature, metaphorically embody the image of the younger generation. Toponymically and geographically, the dominant image is the image of the native land, which includes the entire complex of symbols-markers characteristic of the designation of the territory of Gorniy Altai (Altai Mountains). If the homeland for the lyrical hero of the poet becomes a source of strength and inspiration, then for his development he needs a movement understood as the development of the «other» space, actualized in the generalized image of blue distances and a crowded city with bright lights. The central theme in the poet's lyrics is the theme of the road, embodied in the motives of departure and return.

Г.И. Лушникова, Т.Ю. Осадчая. Реализация категории фрагментарности в романе Роберта Гэлбрейта «Дурная кровь». В статье рассматривается специфика фрагментации в современном художественном тексте. Ключом к интерпретации произведения становится выявление элементов, которые объединяют разрозненные эпизоды или фрагменты. На конкретном материале детективного романа Р. Гэлбрейта «Дурная кровь» показано, что фрагментарность реализуется на разных категориальных уровнях текста и в разных композиционно-речевых формах, а именно, на уровне категорий темпоральности и локальности, в развертывании сюжетных линий, в таких композиционно-речевых формах, как описание и рассуждение, в диалогах, полилогах, внутренних монологах. Особую роль в реализации фрагментарности исследуемого романа играет категория интертекстуальности. Нарушение повествовательной, хронологической и психологической последовательности служит главной задаче детектива — созданию интриги, загадки, а также способствует созданию оригинальной повествовательной перспективы романа.

G.I. Lushnikova, T.Yu. Osadchaya. Text Fragmentation in the novel "Troubled Blood" by Robert Galbraith. The article examines specifics of fragmentation in contemporary works of fiction. Identifying elements that connect heterogeneous episodes or fragments can reshape readers' experience and serve as a key for interpretation. The analysis of the detective novel "Troubled Blood" by R. Galbraith has demonstrated that fragmentation

is realized at different text levels and in different compositional and stylistic forms, namely, within the categories of temporality and locality, in the development of plot lines, within the categories of description and reasoning, in dialogues, polylogues, internal monologues. The category of intertextuality plays a special role in the fragmentation of the novel under study. Non-linear narrative, intended lack of chronological and psychological sequence serve to effectively introduce the main focus of detective fiction — suspense and puzzle-solving; these literary devices also contribute to its unique narrative perspective.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2021 ГОД

Человек. Текст. Коммуникация

- Г.А. Копнина.** Речевая манипуляция в массмедийном тексте / дискурсе: проблема распознавания.....№ 3
- Э.В. Малыгина.** Лингвоэвокационное исследование педагогической межперсонажной коммуникации: на материале фрагмента художественного текста.....№ 3
- Е.А. Савочкина, И.А. Широких.** Теория эвокации в ее развитии№ 3
- Е.А. Савочкина.** Применение фасетной классификации для уточнения природы речевого жанра (языковой аспект).....№ 3
- Т.В. Чернышова.** Филолого-коммуникативные исследования в начале XXI в: наследие и перспективы№ 3
- А.А. Шмаков.** Риторический идеал поколения Z (на материале социолингвистического эксперимента)№ 3

Статьи

- Е.В. Бакланова, И. Ю. Колесов.** Актуализация признаков песенно-поэтического текста в текстах жанров «рок» и «поп»..... № 1
- А.Т. Бактыбаева.** Специфика воплощения улыбки, смеха, насмешки в творчестве Б. Канапьянова.....№ 4
- С.В. Беляева. О.В. Кирколуп.** Коммуникативно-прагматические особенности обыденных медиа-комментариев во французской лингвокультуре.....№ 2
- А.А. Булгакова.** Символические образы в поэме Семёна Боброва «Древняя ночь Вселенной, или Странствующий слепец» № 1
- О.Н. Владимиров.** Бунинские сюжеты в «Другой жизни» Ю. Трифонова№ 2
- М.А. Деминова.** Трансмедийный проект: стратегия коммуникативного интерактива (на материале сайта «РБК Pro»)..... № 1

- И.Н. Дьяченко.** Звуковой уровень текста как детерминанта интерпретации..... № 1
- С.С. Жданов.** Репрезентация пространства Германии в «Путешествии» В.К. Кюхельбекера № 4
- В.В. Катермина, Н.С. Соловьева.** Религиозные метафоры в спортивном газетном дискурсе: функциональный аспект (на материале британских газет)..... № 3
- Д.В. Кротова.** А. Блок в поэтическом мире В. Шаламова № 3
- М.А. Курбакова.** Художественная символика И.С. Тургенева как проявление романтического начала в его творчестве..... № 1
- А.А. Кухтенкова.** «Лирический мир» как одно из проявлений экзистенциальных исканий героев произведений Г.И. Газданова при воспроизведении ими музыки № 1
- А.А. Кухтенкова.** Участие заглавия в характеристике героя рассказа Г.И. Газданова «Черные лебеди» № 2
- А.А. Кухтенкова.** Формы исповедальности в рассказе Г.И. Газданова «Третья жизнь»..... № 4
- О.В. Луцинская.** Структурно-организационные и содержательные характеристики медийного дискурса на примере веб-сайта «The Guardian» № 3
- Н.В. Мельник, М.А. Силкова.** Легитимирующие стратегии в видеообращениях региональных политиков России и Германии в период первого локдауна COVID-19 № 4
- Е.В. Милетова, О.М. Литвишко.** Сравнительный анализ структурно-семантических особенностей терминологических единиц профессионально-ориентированного дискурса (на материале английского языка)..... № 1
- Г.М. Набиуллина.** Сюжет паломничества в новейшей башкирской прозе..... № 2
- Л.В. Надеина, Е.В. Швагрукова, Д.А. Терре.** Образная интерпретация колебательного и разнонаправленного движения в диалекте английского языка Scots..... № 4
- Т.П. Павлюк, З.А. Дубинец.** Особенности концептуализации понятия «карантин» в современном интернет-фольклоре № 3
- Л.В. Попова.** Этнолингвокультурная специфика русского концепта «суд»: на материале пословиц..... № 4

М.В. Румянцева. Концепт «мысль» в зеркале культурных кодов (на материале текстов художественной литературы)	№ 2
Е.Ю. Сафронова. Вопрос о жанре произведения Ф.М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели»	№ 1
Т.В. Солодовникова. Генезис рекламной коммуникации в Республике Беларусь: онтологический статус	№ 4
А.В. Таскаева. Особенности героизации медицинских работников в масс-медийном дискурсе в период пандемии.....	№ 2
У.Н. Текенова. Рай («Ўстиги Ороон») и ад («Алтыгы Ороон») на материале произведений Дибаша Каинчина	№ 3
Е.Д. Трухан. Роман «Бедные люди» в контексте писем Ф. М. Достоевского времён кузнецких событий	№ 3
Е.Э. Уланова. Компетенции устного переводчика	№ 1
С.В. Харитонова. Медиа для детей: терминологические рамки и парадигмы исследования.....	№ 4
Чжао Сюе. Восприятие современной китайской литературы в России	№ 1
Л.Л. Шевченко. Способы объективации категории метатекстуальности в художественном тексте и их роль в репрезентации авторской картины мира (на материале романа Айрис Мердок «Дитя слова»).....	№ 3

Научные сообщения

П.С. Бирюкова. Репрезентация кинореципиента в неологизмах англоязычного кинодискурса	№ 2
Е.С. Бугрышева, А.Н. Моисеев. «Свои» и «чужие» реалии в текстах песен рэпера Оксимирона.....	№ 3
Е.В. Вранчан. «Гоголевское» в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева».....	№ 4
М.П. Гребнева. О роли скрытых эквивалентов текста в редакциях поэмы М.Ю. Лермонтова «Демон»	№ 4
М.С. Дедина. Структура и семантика ранней лирики Димана Белекова	№ 4
Д.Н. Дюсекенев. Трансформация русского ориентализма в позднейимперских и раннесоветских произведениях А. Сорокина	№ 2

- В.Д. Ившин, Ю.М. Зинина.** Синонимические ряды экспрессивной лексики в произведениях К. Эмиса.....№ 3
- Е.М. Караваева.** Любовь как освобождение в романе Анчи Мин «Дикий Имбирь»..... № 1
- В.В. Катермина, Е.А. Яченко.** Семантический анализ хештега #blacklivesmatter№ 4
- О.А. Ковалев.** «Кроткая» Ф.М. Достоевского: автор — наблюдатель, интерпретатор и фантазер№ 2
- О.Н. Краснова.** Роль ценностно-семантических оппозиций в раскрытии глубинных художественно-психологических характеристик образа повествователя в повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза» № 1
- А.И. Куляпин.** А был ли Невский? Идеология и поэтика рассказа В.М. Шукшина «Беседы при ясной луне»№ 2
- Г.И. Лушникова, Т.Ю. Осадчая.** Реализация категории фрагментарности в романе Роберта Гэлбрейта «Дурная кровь».....№ 4
- Е.А. Манскова.** Проблемы трансформации медиастратегий российских региональных телекомпаний в условиях кризиса традиционных СМИ.....№ 4
- А.В. Марков.** Густав Климт и Эгон Шиле в новейшей русской поэзии№ 2
- Е.А. Мозгачева.** Структура традиционного и авторского концепта «witch» (на материале романа Дж. Роулинг «Гарри Поттер и Кубок огня») № 1
- Му Юйси.** Языковые средства формирования медиаобраза Китая в русскоязычных интернет-текстах (на материале блогов о китайской опере) № 1
- Е.А. Наугольных.** Некоторые звуковые особенности редупликации Дж. Джойса в романе «Поминки по Финнегану» и их переводимость№ 2
- А.А. Орешкина.** К чему ведёт название радиопрограммы? К вопросу о коммуникативной функции названия№ 4
- А.С. Пчелинцева.** Комплекс средств взаимодействия с читателями в примечаниях А.Д. Кантемира к русскому переводу «Разговоров о множестве миров»№ 3

- Н.А. Хуббитдинова.** Художественно-эстетическая репрезентация мифологического образа водяной девы в башкирском народном эпосе (на примере эпосов «Акбузат» и «Заятуляк и Хыухылу»).....№ 2
- З.Т. Шарафутдинова.** Репрезентация понятия «упрямство» в башкирском языке.....№ 4
- К.В. Шульгина.** Источники сведений о речевой ситуации оскорбления при решении экспертных задач.....№ 2

Люди. Факты. События

- Н.В. Бубнова, Н.В. Ланге.** Наука о человеке в эпоху пандемии: обзор XVIII Международной научной конференции «Ономастика Поволжья»№ 3
- В.Я. Иванова, О.Н. Меркулова.** Дом как ценность (о материалах Международного научно-практического семинара «Творчество В. Распутина: духовность и художественные поиски»)№ 2
- Т.А. Семилет.** Психология написания текста: истины и заблуждения (рец. на кн.: Пельтек Е. Пишите — не пишите: Психологическое руководство для авторов по работе с текстом и собой. М. : Альпина Паблишер, 2021)№ 4

НАШИ АВТОРЫ

- БАКТЫБАЕВА, Аннель Плеумагамбетовна — кандидат филологических наук, доцент Казахского национального медицинского университета имени С.Д. Асфендиярова (Алматы).
E-mail: smile1713@mail.ru
- ВРАНЧАН, Елена Витальевна — кандидат филологических наук, доцент Новосибирского государственного университета экономики и управления НИИХ.
E-mail: vra545@yandex.ru
- ГРЕБНЕВА, Марина Павловна — доктор филологических наук, профессор Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: grmarinagr@mail.ru
- ДЕДИНА, Маргарита Сергеевна — старший научный сотрудник Научно-исследовательского института алтаистики им. С.С. Суразакова, доцент Горно-Алтайского государственного университета.
E-mail: dedina76@yandex.ru
- ЖДАНОВ, Сергей Сергеевич — доктор филологических наук, доцент Сибирского государственного университета геосистем и технологий (Новосибирск).
E-mail: fstud2008@yandex.ru
- КАТЕРМИНА, Вероника Викторовна — доктор филологических наук, профессор Кубанского государственного университета (Краснодар).
E-mail: veronika.katermina@yandex.ru
- КУХТЕНКОВА, Анастасия Анатольевна — преподаватель Новосибирского авиастроительного лицея.
E-mail: kuhtenkovaanastasiya@mail.ru
- ЛУШНИКОВА, Галина Игоревна — доктор филологических наук, профессор Гуманитарно-педагогической академии (филиал) Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского (Ялта).
E-mail: lushgal@mail.ru

- МАНСКОВА,
Елизавета
Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: manskova79@gmail.com
- МЕЛЬНИК,
Наталья
Владимировна — доктор филологических наук, профессор Кемеровского государственного университета.
E-mail: saikova@mail.ru
- НАДЕИНА,
Луиза
Васильевна — кандидат филологических наук, доцент Национального исследовательского Томского политехнического университета.
E-mail: louise@tpu.ru
- ОРЕШКИНА,
Анастасия
Александровна — аспирант Национального исследовательского Томского государственного университета.
E-mail: vrtwb@mail.ru
- ОСАДЧАЯ,
Татьяна
Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент Гуманитарно-педагогической академии (филиал) Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского (Ялта).
E-mail: osadchaya_ta@mail.ru
- ПОПОВА,
Людмила
Викторовна — кандидат филологических наук, доцент Миасского филиала Челябинского государственного университета.
E-mail: mila_fil@mail.ru
- СЕМИЛЕТ,
Тамара
Алексеевна — доктор филологических наук, профессор Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: 7let@mail.ru
- СИЛКОВА,
Мария
Александровна — старший преподаватель Кемеровского государственного университета.
E-mail: maria.silkova@mail.ru
- СОЛОДОВНИКОВА,
Татьяна
Владимировна — кандидат филологических наук, доцент Белорусского государственного университета (Минск).
E-mail: tatianasolodovnikova2015@gmail.com
- ТЕРРЕ,
Дина
Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент Национального исследовательского Томского политехнического университета.
E-mail: terreda@tpu.ru

ХАРИТОНОВА, — кандидат филологических наук, доцент Белорусского
Светлана государственного университета (Минск).
Вячеславовна E-mail: sveta_har@mail.ru

ШАРАФУТДИНОВА, — аспирант Уфимского федерального
Зульфия исследовательского центра Российской
Тальгатовна академии наук.
E-mail: silvia.arm@list.ru

ШВАГРУКОВА, — кандидат филологических наук, доцент
Екатерина Национального исследовательского Томского
Васильевна политехнического университета.
E-mail: shvagrucova@tpu.ru

ЯЧЕНКО, — студентка Кубанского государственного
Екатерина университета (Краснодар).
Андреевна E-mail: ekaterina.yachenko@mail.ru

Требования к оформлению присылаемых в редакцию материалов

1. Редакция журнала принимает статьи объемом до 45 тыс. знаков с пробелами, научные сообщения — до 28 тыс. знаков с пробелами, другие материалы — до 10 тыс. знаков с пробелами). Для аспирантов — объем не более 20 тыс. знаков с пробелами.

2. Электронные материалы должны быть представлены в формате Word for Windows. Для знаков, отсутствующих в шрифте Times New Roman (для транскрипции, иноязычных примеров и т.д.), используются стандартные распространенные шрифты (Symbol, Lucida Sans Unicode). При использовании оригинальных шрифтов их файлы (формат *.ttf — True Type Font) необходимо выслать вместе со статьей приложением к электронному письму. Для создания схем, графиков, иллюстраций используются программы стандартного пакета Microsoft Office; графика должна быть внутри файла.

3. Примеры в тексте статьи оформляются *курсивом*.

4. Примечания к тексту оформляются в виде постраничных сносок и имеют постраничную нумерацию.

5. Библиографическое описание научных изданий (Библиографический список) оформляется в сокращенном варианте (без указания издательства, страниц и вида издания — учебное пособие, монография, сборник и т.п.) и приводится в конце работы по алфавиту. Издания на иностранных языках располагаются после изданий на русском языке. Ненаучные издания (нормативные документы, архивные и др. материалы) указываются в отдельной рубрике «Список источников» в конце списка литературы.

6. Ссылки на литературу в тексте даются в квадратных скобках, где указываются фамилия автора, год издания, цитируемые страницы. Например: [Виноградов, 1963, с. 46]. Если в библиографии упоминается несколько работ одного и того же автора и года, то используется уточнение: [Горелов, 1987а]. В списке литературы делается такая же пометка. При цитировании изданий на иностранных языках цитата дается на языке оригинала (при необходимости — с переводом автора статьи). Если цитата дана на русском языке в неавторском переводе, то в библиографическом списке указывается не иноязычный оригинал, а источник, в котором был опубликован перевод. Интернет-источники с изменчивым контентом без указания конкретного материала (кроме элек-

тронных изданий, поддающихся библиографическому описанию), блоги, форумы и т.п., а также авторские комментарии помещаются в подстрочных примечаниях (сносках). Ссылка на источник приводимого в качестве иллюстративного материала фрагмента чужого текста дается после примера в круглых скобках: *Надзор за деятельностью банков должен быть в надежных руках* (Независимая газета. 01.02.2016).

7. Статьи следует отправлять в редакцию через электронный портал «Научные журналы АлтГУ» по адресу: <http://journal.asu.ru/pm/information/authors>. К статье прилагается справка об авторе или авторах: фамилия, имя, отчество, место работы (полное название организации с указанием адреса и почтового индекса), должность, ученая степень, ученое звание, служебный и домашний адрес, номера телефонов / факса, электронная почта. **Наличие адреса электронной почты обязательно!**

8. Статьи, оформленные с нарушением приведенных правил или плохо отредактированные, редакцией не рассматриваются.

9. Требования к оформлению основного текста статьи: 12 кегль, шрифт: Times New Roman, междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ — 0,8 см. **Неосновной текст**, предваряющий статью (научное сообщение), состоит из следующих компонентов: и.о. фамилия автора (на русском и английском языках, выделяется полужирным), название (на русском и английском языках, выделяется полужирным), аннотации на русском и английском языках (не менее 1000 знаков с пробелами каждая). Далее следует **основной текст** статьи: название (на русском языке, прописными буквами, выравнивание по центру), и.о. фамилия автора (полужирным, курсивом, выравнивание по центру), ключевые слова на русском и английском языках (не более 6-ти на каждом языке, отступы слева и справа по 0,8 см., выравнивание по ширине), собственно текст, список литературы и References.

Примечания:

1. Научные тексты, присылаемые аспирантами и соискателями ученой степени кандидата наук, должны отражать основные результаты исследования, соответствовать жанру научного сообщения и сопровождаться рекомендацией кафедры, при которой выполняется диссертационная работа (оформляется в виде выписки из протокола заседания кафедры), и отзывом научного руководителя (с оценкой актуальности темы исследования, новизны полученных результатов, их теоретиче-

ской и практической значимости) и рекомендацией к печати в журнале «Филология и человек». Сопроводительные документы (скрепленные печатью организации) сканируются и высылаются в редакцию по электронной почте.

2. Обращаем внимание, что указанный в п. 1 объем научного текста учитывает все его компоненты (от названия до примечаний и источников материала включительно).

3. Все материалы публикуются в журнале бесплатно.

Периодическое издание

ФИЛОЛОГИЯ И ЧЕЛОВЕК

№ 4 2021

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство ПИ № ФС77–81381 от 16.07.2021 г.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Технический редактор Л. И. Базина
Подготовка оригинал-макета А. А. Карпов

Журнал распространяется по подписке
Подписной индекс П5843 в каталоге Почты России
Цена свободная

Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997.
Подписано в печать 07.12.2021.
Дата выхода издания в свет 15.12.2021.
Формат 60×84/16. Гарнитура Minion Pro. Бумага офсетная.
Усл.-печ. л. 12,8. Тираж 500 экз. Заказ № 504.

Издательство Алтайского государственного университета
Типография Алтайского государственного университета
656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66